

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

5. 2017

**НАШИ ГОСТИ НА МЕРОПРИЯТИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ
460-летию ВХОЖДЕНИЯ КАБАРДЫ В СОСТАВ РОССИИ**

**Председатель Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации Матвиенко Валентина Ивановна**

**Председатель Парламента КБР Татьяна Егорова приняла
делегацию Татарстана во главе с председателем Государственного
Совета Республики Фаридом Мухамедшиным**

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР
ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – Х. М. ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Тахир Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Касбулат Дзамихов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

---

5. 2017 СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Владимир КУДАЕВ,
*публицист, кандидат исторических наук,
заслуженный журналист КБР,
лауреат Государственной премии КБР*

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Т. К. Мальбахов

В ноябре исполняется 100 лет выдающемуся государственному и общественно-политическому деятелю Кабардино-Балкарии Тимборе Кубатиевичу Мальбахову. Он не забыт потомками: его именем названы одна из ключевых и красивых улиц нашей столицы, республиканская национальная библиотека, не так давно при большом стечении людей торжественно открыт памятник.

Тем не менее, ещё далеко не всё делается для увековечения памяти этого великого человека, много сделавшего для процветания нашей республики, недостаточно внимания уделяется изуче-

нию и популяризации его имени, феномена. Данная статья – очередная попытка восполнить этот пробел, напомнить людям о человеке, сочетавшем в себе могучий ум, способность четкого видения перспектив своей республики и умение направлять весь имеющийся потенциал на благо родного края. Он умел использовать и свою власть, и власть своего авторитета для решения как перспективных, так и текущих задач.

***

...Рассказывают, в селении Урух два местных богача поспорили, чей жеребец резвее, и они решили устроить тут же скачки. У одного под рукой не оказалось никого, кто бы поскакал. В это время он увидел щупленького мальчика, шедшего по пыльной дороге, и они предложили ему выручить их. Это был маленький Тимбора, шедший в Урух к родственникам. Он выиграл эти скачки, и обрадованный богач подарил ему своего жеребца.

Так он начинал свою богатую интересными событиями и не менее интересными встречами жизнь. Естественно, никто не мог бы тогда точно определить, кем он будет в жизни, но уже в детском доме, затем в Малокабардинской окружной сельскохозяйственной школе в поселке Муртазово Тимбора проявил устойчивый

Делегация из Кабардино-Балкарии во главе с Т. К. Мальбаховым в Латвийской республике (фото из личного архива Х. М. Тхазеплова)

интерес к знаниям и упорство как в их освоении, так и в постоянном самосовершенствовании. Успешно окончив эту школу, Т. Мальбахов в 1931 году продолжил свое образование в агрометеорологическом техникуме, где также учился хорошо. В 1934 году он как подающий надежды национальный кадр был направлен в Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт, но здесь он почему-то проучился всего год, после чего перевелся в сельскохозяйственный институт в городе Орджоникидзе. Видимо, это была судьба – именно здесь он познакомился со своей будущей супругой Ниной Степановной, с которой рука об руку прошел дальнейший жизненный путь в счастье, согласии и благополучии.

По окончании института Т. Мальбахов свою трудовую деятельность начал старшим агрономом Кантышевской машинно-тракторной станции Чечено-Ингушской АССР, затем его назначили директором того же МТС, но в этом качестве он работал недолго – в 1940 году был призван в ряды Советской Армии простым красноармейцем. Однако уже через полгода Тимбору Кубатиевича назначают заместителем политрука 2-го отдельного батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи Брянского фронта. И так до 1946 года – с одного фронта на другой, из одного госпиталя – в другой, но всё время он воевал в действующих частях, принимал активное участие в боях против немецко-фашистских захватчиков. Лучше всего об этом говорят его награды: в 1942 году он награжден главной солдатской наградой – медалью «За отвагу»; в 1943 – орденом Красной Звезды; в 1944 году за об-

разцовое выполнение заданий командования 6-ой Гвардейской армии – орденом Отечественной войны II степени, а в 1985 году за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов – орденом Отечественной войны I степени.

Однако Тимбора Кубатиевич готовил себя не к войне, а потому, вернувшись с фронта, тут же пришел в обком партии. Был послевоенный дефицит кадров. Его назначают заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом обкома партии, а в декабре того же 1946 года Т. Мальбахова избирают первым секретарем Кубинского райкома партии. Это были годы тяжелого труда. В отсутствие работоспособных мужчин, техники, семян, удобрений организовать людей, да организовать так, чтобы суметь в лучшие агротехнические сроки справиться с пахотой (копкой во многих случаях), севом и уборкой выращенного – это нужно быть семижильным. И каким для этого нужно обладать огромным авторитетом, сверхъестественной работоспособностью, большими знаниями, в том числе и людей! Такие вещи не проходят незаметно, и в 1949 году Тимбору Кубатиевича выдвигают на высокую должность секретаря, а затем, через несколько месяцев, и второго секретаря обкома партии.

Он постоянно чувствовал настоятельную потребность в расширении своих знаний. Поэтому в 1953 году он оканчивает годичные курсы переподготовки партийных и советских работников при ЦК КПСС, а позже – заочно Высшую партийную школу при ЦК КПСС. По сей день многие помнят, что он обладал потрясающими академическими знаниями во многих областях! Но это не только потому, что окончил престижные вузы, а благодаря его великой способности день и ночь работать над собой. Главное материальное богатство, оставшееся после него – книги. В его богатейшей библиотеке можно найти литературу по самым разнообразным направлениям жизнедеятельности человека.

С 1952 по 1956 годы Тимбора Кубатиевич работал председателем Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР, а в 1956 году был избран первым секретарем обкома КПСС. В этой должности он проработал бессменно до октября 1985 года. На аналогичной должности столько времени в СССР не работал никто.

За эти годы общественность Кабардино-Балкарии и все, кто его знал за пределами, узнали Т. К. Мальбахова как неординарную личность, человека трезвого и аналитического ума, исключительной требовательности, прежде всего к себе. В годы его руководства республика стабильно развивалась. Небывалых успехов достигли промышленность, сельское хозяйство, строительство, здравоохранение и образование, культура, курорты, физическая культура

и спорт, туризм и альпинизм. С его именем и деятельностью неразрывно связаны высокие государственные награды, которых удостоена Кабардино-Балкария в те годы – орден Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Дружбы народов. Эти награды еще одно свидетельство того, что Т. К. Мальбахов был талантливым организатором и руководителем, беззаветно служившим интересам родной республики.

Родина высоко оценила достойный и добросовестный труд Т. К. Мальбахова, наградив его четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, другими орденами и медалями СССР.

Тимбора Кубатиевич неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР и депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР, кандидатом в члены ЦК КПСС, был делегатом XXI–XXVI съездов КПСС. Уйдя на пенсию, он никогда не порывал связей с друзьями, с коммунистами, хотя активной общественной деятельностью не занимался. Но подал свой негромкий, но услышанный здоровой частью общества голос, когда республику залихорадила крамольная мысль раздела по национальному признаку, ещё раз проявив свой интернационализм и глубокую заинтересованность в нормальной судьбе республики.

Нет уже с нами этого замечательного человека, организатора и руководителя. Осталась память о нем. Так пусть она живет долго. В том числе и в материалах, которые читатель найдет в данной публикации.

***

Почти 30 лет Тимбора Мальбахов являлся первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС, и всё это время он был безраздельным хозяином определенной территории, простиравшейся как на земле, так и в умах тех, кем он руководил. Такое случается раз в 100 лет, а может и реже, чтобы тот, кто взошел на вершину власти, обладал не только авторитетом положения, но и само это положение делал авторитетным. Это был тот исключительный случай, когда авторитет власти и власть авторитета обретают одну плоть. И это был такой пример служения делу, который поневоле заставлял окружение соответствовать лидеру, подтягиваться, быть на уровне его требований.

Чего он ждал от других? Можно сказать, малого – просто быть честным, прямым и профессиональным. Но соответствовать этим параметрам легко было только тем, кто ими обладает. Для всех остальных это был тяжкий моральный труд, когда приходилось изживать лицемерие, когда обуздывалось тщеславие, укрощались амбиции, соизмерялись аппетиты. Потому что тот, кто правил,

кто был на самом верху, понимал, поддерживал и продвигал только родных по духу, тех, кто так же, как и он сам, превыше всего ценил честность, прямоту и однозначность.

Но одних этих качеств его натуры было бы недостаточно, чтобы соответствовать тому долгу, который возложила на него Коммунистическая партия, выдвинув на роль лидера республики. Он должен был быть носителем тех идей, что лежали в основе самой идеологии коммунизма, установившего общественную собственность на все средства производства и провозгласившего братство, равенство, солидарность между народами.

Таким он был – идеальным руководителем своего времени, эпохи расцвета социализма, видевшим собственное личное благо в благе своего народа, впитавшим в себя все достижения науки, культуры братского русского народа, но сохранившим верность и любовь к собственному; принявшим Россию как большую родину, где малая оставалась в центре его помыслов, забот и стараний. И именно такое отношение к своей земле, народу как части единого государства, которая не должна отличаться, отставать, быть хуже передовых областей, позволило преобразовать республику из чисто аграрной и сырьевой окраины в хорошо развитую индустриальную автономию.

Вся его жизнь, образ действий, все поставленные им перед собой цели служили одному – установлению на вершине власти

Первый секретарь обкома партии КБАССР Т. К. Мальбахов знакомится с новой посевной техникой

господства авторитета. Он не видел никакого иного рычага влияния, кроме того, что оказывал на людей, на отношения между ними достигнутый, завоеванный в труде, в испытаниях, в достижениях авторитет. И в этом плане эпоху правления Тимборы Мальбахова можно так и назвать: это было время власти авторитета, носителем которого был признанный лидер республики.

Период правления Тимборы Кубатиевича характерен бурным развитием всей экономики, возникновением качественно новых, современных отраслей промышленности, широким размахом производственного и социально-бытового строительства, коренными преобразованиями в жизни наших людей. Такие гиганты, как «Севкавэлектроприбор», Кабардино-Балкарский завод алмазного инструмента, «Телемеханика», «Искож», «Телеавтоматика», электровакуумный завод, «Кавказкабель», два завода полупроводниковых приборов, низковольтной аппаратуры, высоковольтной аппаратуры, «Лимб», Баксанский завод «Автозапчасть», «Севкаврентген», завод электровакуумного машиностроения, трикотажный комбинат, швейные фабрики в Нальчике и Прохладном и другие – построены именно в эпоху Т. К. Мальбахова. Свое развитие получили и ранее построенные предприятия: Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, мебельная фабрика, гидрометзавод, кондитерская фабрика и мясокомбинат.

В республике появились свои специалисты, предприятия были укомплектованы местными квалифицированными кадрами. В тот период Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат из-за бедности руды стал выдавать меньше продукции. ЦК КПСС склонялся к мысли о его закрытии. Такое решение могло привести к безработице в шахтерском городе, волнению среди рабочих, неуверенности в будущем дне на других предприятиях. Неизвестно, сколько усилий было потрачено, но Тимбора Кубатиевич сумел тогда убедить Центр в ошибочности этих планов. Его доводам вняли, и комбинат был реконструирован, а потом ещё долгие годы давал треть всего молибдена и вольфрама, производимого во всей стране.

В целом же к моменту его ухода с поста руководителя республики промышленность дала продукции в 55 раз больше, чем в довоенном 1936-м, а сельское хозяйство – в 4 раза. Был достигнут небывалый подъем материального благосостояния людей. Если к приходу его к власти в населенных пунктах почти отсутствовали детские дошкольные учреждения, не хватало школ, врачей, педагогов, то к 1985 году было сдано более 3,6 млн квадратных метров жилья, десятки школ, детских учреждений, больниц, клубов. Весь санаторно-курортный комплекс, или, как его называли, «индустрия здоровья», полностью отстроен при Т. Мальбахове.

Более чем вдвое возросла численность студентов и учащихся, средних специальных учебных заведений и профессионально-технических училищ. В 3 раза увеличился товарооборот, что является косвенным показателем благосостояния людей.

Много внимания Тимбора Кубатиевич уделял развитию образования и науки, и фактически почти все вузы, что мы имеем сегодня, появились при его активном участии: нынешние КБИГИ и Высокогорный геофизический институт, сельскохозяйственный университет и Институт искусств «сотворены» руками Т. К. Мальбахова. В решении этих вопросов он проявил присущую ему настойчивость, можно даже сказать упорство и несговорчивость в общении с высоким московским начальством, хотя в принципе он не любил просить. Ему пришлось быть таким, потому что канун открытия двух высших учебных заведений в Нальчике совпал с периодом, когда ЦК КПСС посчитал недостаточным количество имеющихся в стране вузов и запретил их в дальнейшем учреждать. Но отступать от того, во что он верил, было не в характере Тимбора Кубатиевича. И он добился, чтобы нынешний Институт искусств открылся как филиал другого, уже существующего вуза. Сложнее было с сельскохозяйственной академией. Благое желание лидера Кабардино-Балкарии неоднократно натыкалось на упорное сопротивление в Центре. И тогда Тимбора Кубатиевич сделал упор на нехватку кадров в мелиорации и других сельскохозяйственных отраслях. К тому времени Кабардино-Балкария была бесспорным лидером в производстве кукурузы, добившись небывалых урожаев в 60–65, а местами – 80–85 центнеров кукурузы с одного гектара. Сильно возражал всесильный Суслов, но дальнейшие успехи в сельскохозяйственном производстве были невозможны без увеличения площадей полива и орошения. Понимание своей правоты способствовало успеху. И он прямо объявил Суслову, что намерен обратиться к генеральному секретарю, на что тот с ухмылкой согласился. С ухмылкой – надо понимать, он был уверен, что после его отказа никто не допустит Мальбахова «к телу» первого лица, таковы были тогда правила.

Завести речь на эту тему, вспоминают очевидцы, Тимбора Кубатиевич счел возможным, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев проездом из Баку спецпоездом решил выйти прогуляться по перрону в городе Тереке. Первый секретарь Азербайджанского ЦК Компартии Алиев очень хорошо принял генсека, одарил его богатыми подарками, и благодушно настроенный генсек поддержал секретаря обкома. Он всегда пользовался уважением начальства, был на дружеской, а значит, равной ноге с самыми высокими столичными чинами. Достоверен один случай, как на пленуме ЦК КПСС Леонид Брежнев при огромном стечении

партийного актива СССР подошел к Тимборе Мальбахову и обнял его с шутливыми словами: «Ну и растолстел ты, Мальбахов!».

При таких своих отношениях с высоким начальством он, возможно, и раньше мог решить вопрос с открытием вузов, но окольных путей Мальбахов не избирал, он всегда верил в дело, а не в личность. В его знаменитых записных книжках есть такая фраза: «Я никогда не злоупотреблял своими отношениями с руководством, с большими людьми. Конечно, на почве личных отношений можно кое-что заработать. Но личные отношения для заработка строит нехороший человек. Личные, близкие отношения нужны только для взаимопонимания, для выяснения сторон каждой проблемы, которые иногда бывают противоречивы (государство – республика)».

Объектов соцкультбыта, построенных в республике при Мальбахове, столько, что нет абсолютно никакой возможности, а главное необходимости их перечислять. Достаточно заметить, что их возведение осуществлялось на плановой основе, и руководство постоянно добивалось их включения в планы строительства. Однако часто случалось, что включение в план того или иного объекта оказывалось невозможным из-за различных запретов Центра. Тогда в ход шли различные хитрости, обеспечивающие достижение благих целей. К примеру, республиканский ипподром возводился как комплекс конюшен, так как тогда был запрет на строительство культурно-развлекательных объектов.

Также «контрабандой» пришлось строить и Дворец культуры профсоюзов. Аналогична история со знаменитым рестораном «Сосруко», баром «Бочка» и некоторыми другими объектами.

Сельское хозяйство – конек Тимборы Кубатиевича. Будучи по рождению крестьянином, а по образованию – агрономом, он получал истинное удовольствие, разъезжая по полям и фермам. В воспоминаниях верного друга и соратника Т. Мальбахова, бывшего первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома комсомола и первого секретаря Северо-Осетинского обкома партии Билара Кабалоева есть эпизод, где он рассказывает, какое хозяйство Тимбора Кубатиевич принял после работы первым секретарем Кубинского райкома партии: «...Осенью, в один из ноябрьских дней 1947 года, мы с Тимборой поехали по колхозам на полуразбитом «виллисе». В хозяйствах шли работы по уборке зерновых, картофеля и овощей. Но убирать было почти нечего: на полях – прогнившие остатки не убранного с прошлого года урожая. Новый урожай – жалкие поля кукурузы и картофеля, для которых не хватало семян весной, да и пахать и сеять было нечем и некому: без мужчин, без техники, без тягловой силы. Приходилось запрягать коров... Целый день мы провели на полевых станах, на кукурузных полях, с которых собирали 10–45 ц с гектара...».

Прошло время. Его талант руководителя, организатора масс наиболее ярко проявился на посту первого секретаря обкома партии.

Взять, к примеру, то же сельское хозяйство. За 10–12 лет он сумел в корне преобразовать облик кабардино-балкарского села: был проведен водопровод, появились электричество, радио; практически везде построены школы, детские сады, дома культуры и клубы, врачебные амбулатории и больницы. Колхозы и совхозы были полностью укомплектованы всей необходимой техникой, везде построены современные фермы. Многократно увеличилась и отдача земли: многие хозяйства собирали рекордные урожаи зерна. В те годы Т. К. Мальбахов добился продажи государству свыше полумиллиона тонн зерна в год, около 50 тыс. тонн мяса, а также огромные объемы молока, картофеля и т. д.

Он был прирожденным хозяйственником-экономистом. На протяжении всех 30 лет правления республикой Тимбора Мальбахов практически постоянно занимался улучшением отдачи земли, для чего всегда имел очень интересные расчеты, факты, и настолько умело оперировал своими наблюдениями, что с легкостью превращал их в непреложные истины, способные убедить даже самого упрямого оппонента. Однажды на совещании партхозактива республики Т. К. Мальбахов, сетуя на то, что отдельные руководители не видят прямой выгоды в производстве мяса, попенял им, что в этом деле уже давно разобрались даже цыгане. «Они, оказывается, великолепные экономисты, – говорил он в 1981 году, – и уже стали крупными свиноводами. Цыгане покупают хлеб, уплачивая за тонну 160 рублей, и делают из него 200 кг свинины, реализуя на рынке за 800 рублей. Возможно, я несколько преувеличиваю, но что они имеют двойной выигрыш в этом деле – очевидно».

Рачительный Т. Мальбахов остро переживал, что многие хозяйственные руководители работают спустя рукава, не видят не только перспективу развития, но даже очевидную выгоду.

Выступая на пленумах, партхозактивах и совещаниях, он подвергал резкой критике нерадивых руководителей хозяйств. Он прямо говорил, каким образом такие руководители умудрялись избегать ответственности за собственную нерадивость – с помощью застолий за общественный счет. Таких руководителей он не жаловал, хотя достаточно продолжительное время мог выжидать изменения ситуации, подсказывая, что делать, и наставляя.

С большим уважением и даже известной долей покровительства он относился к людям труда. Было общеизвестно, как он чествовал героев труда Камбулата Тарчокова, Николая Евтушенко, Магомеда Атабиева, Хачима Бгажнокова; любил приводить их в пример, ездить к ним в хозяйства. Видимо, эти поездки были для него своего рода отдушиной. Для труженика он готов был сделать

все. Бывший председатель Прохладненского райисполкома Валентина Мартынка вспоминала, как в одну из поездок по району Т. Мальбахов заметил, что председатель Пролетарского колхоза А. И. Портянко подсаживается то к одному в машину, то к другому. Узнав, что в настоящее время у него попросту нет служебной автомашины, Тимбора Кубатиевич без слов передал ему свою. И таких случаев бывало много. Это был не жест барина, а рука помощи соратника. Излишне говорить, как после такого знака отличия вели себя те, кого Мальбахов отмечал. Они были просто обречены держать марку и всегда быть на хорошем счету. Он не любил бахвальства и самовосхваления: на пленумах, сессиях, совещаниях выступающие перестали рапортовать о своих достижениях. По всей Кабардино-Балкарии критика и самокритика установились как норма докладов, и стало больше взыскательных и откровенных аналитических заключений о действительных проблемах.

Тимбора Кубатиевич был глубоко и всесторонне образован. Он мог в равной степени компетентно рассуждать об экономике, науке, культуре, политике. Выступая 9 октября 1959 года на выездном заседании бюро Союза писателей РСФСР, он поразил издавших виды маститых поэтов и писателей не только глубокими мыслями о призвании литераторов, но и отличным знанием писательской «кухни», проблем союза. Говоря о том, что издаются и переиздаются плохие книги, «...на обложках которых можно было бы написать: “Не пишите!”», Тимбора Мальбахов причиной этого назвал низкую требовательность к поэзии, особенно молодых поэтов. «Мало того, что мы подрываем авторитет поэзии, – говорил он, – ослабляем любовь к ней, но и тем самым губим молодые способности, которые могли бы при правильном подходе перерасти в талант. При такой низкой требовательности молодые таланты могут превратиться в кота из кабардинской сказочки, где он сидит, мурлыкая, на перине и попивает молочко девяти добрых соседей. Конечно, котенку приятно и его мурлыканье кажется ему самому лучше всякой соловьиной трели, но такой кот никогда не научится ловить мышей. А у нас большая здоровая семья, а мышей, к сожалению, много...».

Образнее, наверно, не смог бы сказать никто из присутствовавших корифеев литературы. Однако дело не в умело подобранных фразах, точных определениях и красивых сравнениях, хотя образное мышление на Кавказе всегда было в почете, а в глубоких мыслях и ясном видении перспектив сложившегося положения. Большую часть своих публичных выступлений готовил сам Мальбахов. Те же доклады, что ему писали помощники, он сам всегда творчески перерабатывал. Высшей для них похвалой являлось, если Мальбахов не вносил правку в их тексты. Конечно, со време-

нем количество тех, чьи справки он вовсе не правил, возрастает в арифметической прогрессии, но и это можно понять. Но высокая планка, которую он предъявлял своим сотрудникам, да и к себе тоже, известна хорошо.

Говоря о команде, о тех людях, которых Мальбахов назначал на должность, стоит сказать, что единственным мерилom «качества» работника, помимо безусловного профессионализма, была честность.

Перед нами протокол совещания руководящих работников республики по вопросам сохранности социалистической собственности от 25 марта 1981 года, где Мальбахов со свойственной ему прямоотой говорит: «...Высокая требовательность в этом отношении должна предъявляться к каждому коммунисту. В среде коммунистов не могут быть терпимыми злоупотребления, любые проявления нечестности, корыстолюбия. Надо полностью исключить из нашей жизни факты либерального отношения к членам партии, допускающим недостачи, хищения, злоупотребления служебным положением, стяжательство, накопительство, вообще ко всем коммунистам, подающим недостойный пример поведения.

Недавно бюро обкома КПСС обсудило факты нарушения порядка реализации легковых автомашин в личное пользование, факты неправильного распределения квартир и строжайше наказало ряд ответственных работников. Диву даешься, на какие только ухищрения ни идут некоторые руководящие работники, чтобы приобрести в личное пользование автомашину или обеспечить себя, детей, знакомых комфортабельными квартирами, садами, дачными домиками, гаражами; какое между некоторыми людьми разгорается соревнование, чтобы набить квартиру импортной мебелью, посудой, коврами и прочими прелестями буржуазно-мещанского счастья».

И он действительно «давался диву», потому что обладал иными понятиями о ценностях. Он мог отдать что угодно за интересную книгу. Круг его читательских интересов был обширен: от современных поэтов, экономических проектов, философских трактатов до лингвистических исследований, мифов и легенд адыгского эпоса. Он был целиком и полностью человеком мысли, обретений духа, и ему были смешны и нелепы «битвы» за ковры, когда его ум был занят другими битвами – прозрениями ума.

Из воспоминаний Розы Сабанчиевой известен факт, как в республику поступила небольшая партия японских телевизоров со встроенными видеомагнитофонами – тогдашняя мечта любой семьи. При распределении, вспоминает Роза Каншумасовна, на всякий случай оставили один комплект и Тимборе Кубатиевичу, который в тот момент был в отъезде. «Уверенности не было, – го-

ворит она, – что он одобрит такую «услугу», хотя его домашний телевизор был советского производства и не самой последней марки. По возвращении очень осторожно сказали ему о видеодвойке. Он всегда был немногословен, а здесь вообще ничего не сказал. Сообщивший был весьма доволен, что угодил «самому», но через несколько дней мы узнали, что свой комплект он распорядился передать на одну из передовых животноводческих ферм. Никто не удивился этому поступку – в этом был весь Мальбахов!».

Последующие поколения не очень хорошо знают Т. К. Мальбахова, и это понятно: на протяжении двух десятилетий имя этого великого человека замалчивалось. Энтузиастами и соратниками Тимбора Кубатиевича выпущены в свет две книги, где собраны воспоминания о нем, некоторые речи, статьи и заметки. И это почти всё, что есть о нем, не считая немногочисленных газетных публикаций. Тем не менее, абсолютное большинство населения Кабардино-Балкарии хорошо знает, что Тимбора Кубатиевич был бессребреником, аскетом в полном смысле этих слов.

Тимбора Мальбахов страстно любил свою малую родину, чему есть многочисленные подтверждения. Но, думается, особых документальных подтверждений эта любовь не требует, потому что всю свою жизнь без остатка этот великий человек посвятил служению родной республике и её людям. И он хорошо понимал, что только собственные кадры, умело взращенные под пристальным наблюдением, смогут эффективно руководить. При этом нужно было решить двуединую задачу: расставляемые кадры должны отражать национальный состав республики, с одной стороны, а с другой – это должно быть не в ущерб профессионализму. Такой взвешенный подход в тот период обеспечил безболезненную расстановку руководящих кадров из числа не только титульных наций, но и осетин, горских евреев, турок-месхетинцев, украинцев и т. д., которых в республике было немало.

Вопросы, связанные с подбором, воспитанием и расстановкой руководящих кадров, всегда были прерогативой партийных органов, и эту ответственную обязанность, или, скорее, почетное право, они никогда никому не делегировали. Поэтому понятно, что партийные органы данный вопрос держали под жестким контролем. Но одно дело обсудить проблему на очередном пленуме в плановом порядке, а другое – жить этим ежечасно, хорошо осознавая, что «кадры решают все», размышлять, взвешивать, решать головоломки не только национальные, но и профессиональные. При этом, кроме соблюдения паритета представительства наций, следовало находить людей с хорошими деловыми качествами, с опытом, достойным образованием, умением общаться. Он особенно ценил скромность, уважение к людям. При этом, в отличие от распространенного

мнения, что он во всем был уверен, он сам себе признавался: «Нет искусства более важного и более сложного, чем подбор кадров. Я им не овладел. Многие ошибки в республике могли бы не быть из-за этого. На руководящих постах по моей вине оказывались люди, которые были очень чувствительны в отношении к своей персоне. Это, конечно, повлияло в определенной степени и на мои ошибки. Мой девиз был: доверяй! Но ведь доверять надо тем, кто заслуживает!».

Восклицательные знаки в этом маленьком тексте указывают, что лидер писал слова в сердцах, видимо, по свежим следам очередного предательства. Я как рядовой гражданин не склонен ставить в вину Мальбахову некоторые ошибки в кадровых вопросах, несмотря на то, что с годами всё видится яснее. Ведь не виноват же он, что период его правления, выпавший на послевоенные годы, пришелся на время, когда человеческие ценности быстро менялись; потихоньку в нашу жизнь начала входить мода обогащаться за счет государства, дошедшая в наше время до немыслимых масштабов. Тем не менее, Т. К. Мальбахов никогда не изменял своим взглядам и был самокритичен. «Есть категория людей, – писал он, – к счастью, небольшая, на которых похвала, звания и чины действуют как алкоголь, и они уже больше не трезвеют».

Тимбора Кубатиевич сильно переживал случаи, когда некоторые ставленники партии не оправдывали доверия, когда отдельные коммунисты своим поведением дискредитировали идеи партии. Он не оставлял незамеченным ни один такой факт и подвергал их уничижительной критике.

Тимбора Кубатиевич всего себя без остатка отдавал исполнению своего высокого долга, оставаясь верным своим идеалам, и был ярким факелом для народа Кабардино-Балкарии, освещающим его путь в счастливое, как считала партия, будущее. И именно по этим принципам он старался подбирать кадры. Поэтому в разные годы в составе руководящих кадров всегда было немало заметных личностей. Это А. Ахохов, М. Хачетлов, М. Ансоков, В. Тлостанов, М. Докшоков, А. Блиев, В. Дудуев, Б. Зумакулов, Р. Сабанчиева, Ф. Арсаева, Ж. Хамбазарова, М. Шекихачев, К. Эфендиев, В. Коков, М. Мамхегов, К. Тарчочков, Н. Евтушенко, М. Клевцов, Х. Бгажноков и многие другие, которые делали историю Кабардино-Балкарии и чьи имена останутся в ней – верные ее сыны и надежные сподвижники видного общественного, политического и государственного деятеля России XX века Тимборы Мальбахова.

Только такой неординарный человек мог на протяжении 30 лет руководить республикой. И дело не в её многонациональности и не в скверном характере отдельных граждан, увлекающихся нескончаемыми анонимными посланиями на «самые верхи», и даже не в сложностях послевоенной жизни. Дело в

мудрости и гениальности этого человека, который, как сквозь тернии, как сквозь тайгу, вёл свой народ вперед, несмотря на быстро меняющуюся политику в стране, несмотря на серьезные препятствия, чинимые Центром. Но он хорошо усвоил, что не препираться со всемогущим Центром нужно, а с учетом всех обстоятельств исполнять свое главное назначение – быть лидером своего народа. Таким лидером, который с минимальными потерями приведет свой корабль к финишу, к небывалому развитию. И он это сделал – республика ещё долго будет идти к тому уровню развития, который был достигнут при Т. Мальбахове. Поэтому вывод: Т. К. Мальбахов был гений и, как все гении, талантлив.

Тимбору Кубатиевича хорошо знали и ценили как в соседних республиках, краях и областях, так и в Центре. Его архив оставил немало документов и иллюстраций пребывания в нашей республике многих именитых зарубежных и отечественных деятелей, космонавтов, поэтов, ученых. Также есть свидетельства их глубочайшего уважения к лидеру Кабардино-Балкарии. Вот, например, как отзывался о нём поэт Расул Гамзатов: «Они (Даниялов, Кабалоев, Мальбахов. – *В. К.*), не в пример «сорокиным», «мазиным», были любимы и уважаемы народом. Они были крупными государственными деятелями... Нас (писателей России. – *В. К.*) удивляло его глубокое знание произведений разных писателей. Он выступал на заседании правления (Союза писателей России в Нальчике – *В. К.*) не для того, чтобы подытожить и поставить очередные задачи перед писателями; он выступал как рядовой читатель. Когда мы анализировали вопросы, поднятые в его выступлении, мы узнали его как большого, умудренного опытом государственного деятеля. Тимбора, конечно, прежде всего, любил цветущую Кабардино-Балкарию и её народ, но его заботой были происходящие события на Кавказе, в стране. Говорил он мало. Но запоминалось каждое слово, которое он произносил».

Внимательно относился Тимбора Кубатиевич к подбору и воспитанию женских кадров, начиная со звеньевой и до самых высоких должностей. Благодаря его поддержке стали широко известны имена Ж. А. Хамбазаровой, Р. К. Сабанчиевой, Е. Т. Кешевой, В. И. Мартынка, Т. М. Зумакуловой и многих других.

Т. К. Мальбахов всегда был щепетилен в национальных вопросах, знал и делал всё, чтобы в работе не было каких-либо перекосов. Никогда, за исключением различных кулуарных шепотков, не возникали, например, разговоры по расстановке национальных кадров. Но это не означает того, что некоторые «младонационалисты» в начале 90-х пытались приписать Мальбахову, а именно: попытку растворить кабардинцев и балкарцев в России, «обрусить» всех и вся. И лучшим свидетельством его глубокого понимания

родного, национального можно считать речь Т. К. Мальбахова на бюро обкома КПСС по вопросам преподавания родного языка и литературы в декабре 1968 года. Инициатива постановки этого вопроса на бюро, как следует из документов, принадлежала ему самому, но тогда даже для такого всемогущего человека это было дерзостью, потому что запросто могли приписать национализм. Некоторые его сподвижники помешали поставить вопрос во всем объеме, и поэтому, по его же признанию, он не смог полностью охватить всю проблему. Но и в усеченном виде его речь могла бы стать, на наш взгляд, программой действия.

Кому-то покажется, что это слишком длинная цитата, но её всё же следует привести в полном объеме:

«Вопрос этот непростой, вопрос этот деликатный, вопрос директивный, вопрос этот имеет директивные стороны, но вопрос этот исключительной важности, вопрос этот политический, и решать его должны мы сами, без всякой перестраховки. И каждый человек, который боится обжечься об этот вопрос и не подходит к нему, – это не очень хороший человек, это не коммунист, не интернационалист. Если мы сами не будем чтить свой собственный язык, свой собственный народ, а его национальность сейчас выражается только языком, словом, зачем нам говорить тогда о национальном искусстве, о национальной культуре, зачем издавать столько национальной литературы? Для кого? Для тех, кто не знает своего языка и знать не хочет? Тогда давайте преобразуем Кабардино-Балкарскую АССР в Нальчикскую область. Легко будет нам всем, государству в десять раз легче станет сразу же, и меньше возни будет с нами, и нам будет легче.

Вопросы национального развития, разумеется, в социалистическом понимании, еще не сняты с повестки дня. Это является одной из самых интересных сторон социалистического, коммунистического развития нашей страны. Именно национальная окраска этого коммунистического развития обогащает этот путь, делает цель более заманчивой, более привлекательной, более стимулирующей. В школах перестали не только изучать кабардинский язык, балкарский язык, но совершенно не учат детей родной истории, географии. Но ведь история Советского социалистического государства – это история советского народа, страны, а история нашего народа тоже составляет какой-то кусочек. И разве социалистическое развитие нашей страны не отражает примеров нашей республики, тех изменений, происходящих в республике, в народе этой республики?

Министерству просвещения, НИИ нельзя быть равнодушными к этим вопросам и не понимать элементарных вещей. Наши учащиеся должны разбираться в этих элементарнейших вопросах и начальной политграмоты.

Люди других народностей, даже за рубежом, считают за честь прочитать произведения К. Кулиева и А. Кешокова. Они читают их на родном языке, эти шедевры искусства, я не стесняюсь этих слов: такова оценка. А чем плоха наша история? Может, мы меньше крови пролили, может, меньше пота, меньше издержек у нас было? Нет, мы платили за достижения, за всё то, что имеем, такой же дорогой ценой, как и другие. Всё это вопросы директивные. Надо делать это и не бояться – нам бояться некого. В конце концов, руководители культуры, просвещения здесь мы, и это наши вопросы. Надо определить количество часов в преподавании истории, надо написать книжку, как пишут учебник истории, и сделать её составной частью программы истории СССР в школах. Это же элементарные вещи, это предусмотрено всеми школьными программами, это предусмотрено для каждой области, для каждого края, для каждого района. А почему мы, автономная республика, не делаем этого?

Вот, говорят, не хотят родители. Не хотят – не надо. Не хочешь знать свой язык – не надо. Тогда не пользуйся теми, ещё существующими некоторыми привилегиями, которые мы даем кабардинцам и балкарцам. Ведь факт, что мы еще сохраняем некоторые льготы. Мы ежегодно посылаем 40–50 человек в вузы страны вне конкурса. В Нальчике университет открылся только потому, что здесь Кабардино-Балкария, а не Нальчикская область, и именно для подготовки национальных кадров. И мы стараемся это делать, мы даём преимущество национальным кадрам. И нечего бояться шептунов, людей, которые громко кричат: «Кабардинцев и балкарцев в университете больше». Было и будет больше. А как же иначе? В чем тогда смысл национальной политики нашей партии, какими путями можно было бы подтянуть национальные окраины до уровня передовых народов, какими путями можно было бы из тюрьмы народов создать братскую семью народов?

В огромной степени то, что происходит, связано и с алфавитом. Когда будет конец, когда будет закончена эта перестраховка? Ленин как-то говорил в связи с национальным вопросом, что обрусевший национал является самым опаснейшим шовинистом. Я хочу сказать, что вы, товарищ Шекихачев, тормозите совершенствование алфавита: 15 лет занимаетесь этим алфавитом. За это время сколько решено крупнейших вопросов на земле, под землей, в воздухе, на воде и под водой. А алфавит не можем довести до конца; 15 лет не хватило для этого. Анекдот ведь, что лишь 9 из 50 учителей написали диктант удовлетворительно. Главное направление мы знаем: идет процесс сближения языков, процесс слияния языков. Для нас очевидно, что это произойдет (я не беру зарубежные страны, только нашу страну) на основе русского язы-

ка. И тот путь, который мы избрали – с первых классов обучение на русском языке и для кабардинцев, и для балкарцев, – он правильный. Но шарахаться из стороны в сторону нельзя. Это, товарищи, безобразие. Это тоже национализм, но только обратной стороной».

Во времена, когда по любому поводу на политика могли повесить ярлык «националиста», такое выступление было равносильно подвигу.

Но если Мальбахов был в чем-то убежден, он никогда не просчитывал, не взвешивал последствий, действовал решительно и безоглядно. Он писал, что «нельзя быть подлинным, настоящим патриотом, не будучи интернационалистом. И наоборот, только настоящий интернационалист может искренне и преданно любить свой народ. Любое национальное приобретение за счет ущемления интересов другой национальности с неизбежностью рано или поздно обернется двойной потерей».

Осенью 1985 года Тимбора Кубатиевич ушел на пенсию в возрасте 68 лет. Нашлись люди, которые тут же отвернулись от человека, лишившегося положения и власти. Но этот щупленький пожилой человек, неторопливо прогуливающийся в сквере возле Музыкального театра, был великим Мальбаховым.

Тем, чье слово весило так много. Тем, кто многие годы решал судьбы людей и республики в целом. Он не отвернулся от общества, от людей – он просто не вмешивался в общественно-политическую жизнь республики, считая, что вправе дать им возможность самовыражения. Иной раз наведывался к президенту Кокову. О чём они говорили – не знает никто: президент это никак не комментировал. Хотя в архиве есть некая записка Т. К. Мальбахова В. М. Кокову с пронумерованными пометками о неотложных задачах власти, но это, скорее всего, попытка помочь своему воспитаннику. В день ухода с должности в своем выступлении он заверил всех, что не будет вмешиваться в происходящие процессы, не будет мешать власти работать. И он придерживался своего обещания, но однажды всё же сказал свое веское слово, когда в начале 90-х была предпринята попытка раздела республики по национальному признаку. Тогда он выступил перед аудиторией примерно в 1000 человек, и его детально аргументированное выступление уже на второй день знала и цитировала вся республика.

И вот так всю жизнь: говорил он немного, негромко, но умел сделать так, чтобы его услышали и, главное, поняли все.

Тимбора Кубатиевич оставил яркий, незатухающий свет на земле людей, где он жил. Он и сейчас – пример служения делу, долгу, стране, народу.

Салих ЭФЕНДИЕВ,
д.ф.н., профессор КБГУ

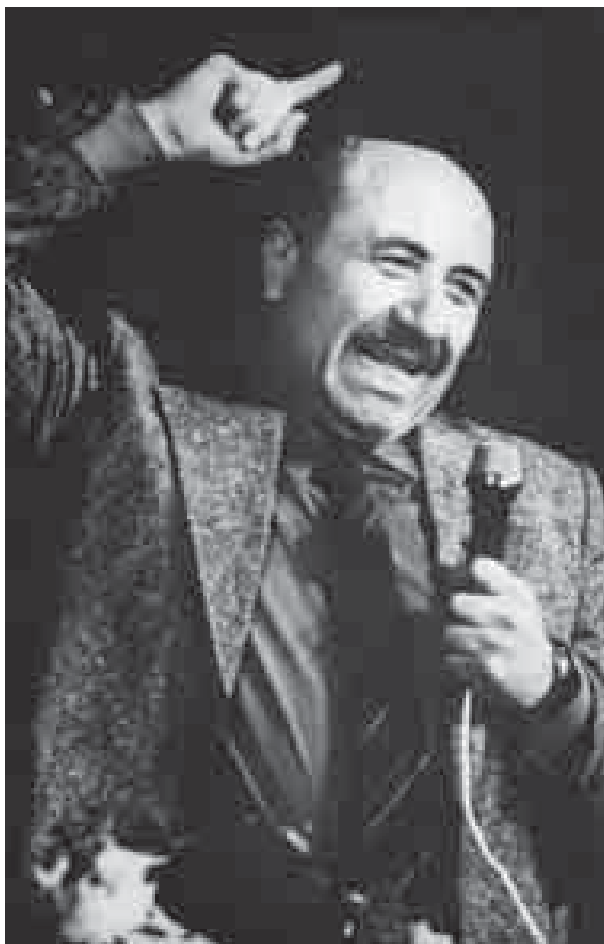
Фуад ЭФЕНДИЕВ,
д.ф.н., профессор, проректор
по научной работе СКИГИ

КАЙСЫН КУЛИЕВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В 2017 году, 1-го ноября, исполняется 100 лет со дня рождения великого поэта и выдающегося гуманиста XX века, народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР и РСФСР Кайсына Шуваевича Кулиева.

Великие люди появляются в истории, как правило, в окружении других, выступая в звездной плеяде светилом первой величины. История культуры не может быть дана в отрыве от концепции философской истории. Кайсын Кулиев – художественный гений балкарского народа.

Кайсын Кулиев своим творчеством и могучим талантом показал всему миру духовный потенциал и этнофилософию своего народа. Сегодня мы с гордостью говорим, что Кайсын Шуваевич сыграл огромную роль в становлении и формировании национального самосознания балкарского народа. Он расширил его культурно-исторический кругозор, возвысил национальное достоинство. За это балкарский народ бесконечно благодарен ему. У каждого балкарца в душе его имя. Имя Кайсына Кулиева в народе произносят как имя пророка и апостола, ибо он является символом национальной духовной культуры. Кайсын стал знаменем национальной культуры, как Алишер Навои – узбекской, Низами – азербайджанской, Руставели – грузинской, Аветик Исаакян – армянской, Шевченко – украинской,

Махтумкули – туркменской, Шекспир – английской, Данте – итальянской, Сервантес – испанской.

Поэтический гений Кайсына Кулиева – неотъемлемая часть мировой художественной культуры, ибо произведения его – это достояние человечества. Книжки К. Ш. Кулиева читают десятки миллионов людей нашей планеты, так как духовная культура не имеет национальных границ. Она становится достоянием огромного пространства, как закономерное явление в жизни человечества. В орбиту этого диалектического процесса неотъемлемой частью мировой художественной культуры включена и поэзия балкарского поэта Кайсына Кулиева.

К 100-летию мы планируем провести международную научно-практическую конференцию с приглашением людей из всех бывших союзных и автономных республик Советского Союза и зарубежных стран. Эту дату необходимо отметить под эгидой ЮНЕСКО.

Поэзия Кайсына Кулиева носит общепланетарный характер. В своей поэзии он воспел все живое и неживое. В этом мы видим величие Кайсына Шуваевича Кулиева как поэта и выдающегося гуманиста своей эпохи.

Поэзия К. Кулиева озаряет сегодня все сферы духовной жизни балкарского народа, подобно озеру, которое отражает движение облаков над вершинами гор, несущих с собой благодатные мирные ливни. Кайсын Кулиев – сын Земли, его поэтический голос несет тепло людям, утешение нуждающимся в добре, гармонии человеческого бытия с окружающим миром. Его голос – обращение к живым, предостережение людям – беречь мир от войны и гибели цивилизации. В 60-е годы прошлого столетия Кайсын Кулиев получил мировое признание после выхода сборника стихов «Раненый камень». Когда у поэта спросили, почему он назвал сборник стихов «Раненый камень», он ответил, что камень – это символ, эмблема, герб его творчества. Когда тебе тяжело, прижмись щекой к скале родного ущелья – снова будешь сильным. Книга точно отражает раненую душу балкарского народа, его боль и страдания на чужбине, тоску об отчем крае, она – символ духовной крепости балкарского народа, его целеустремленности, мужества, терпения, оптимизма и веры в торжество справедливости. Кайсын Кулиев издавался во многих городах Европы, Азии, Африки, Америки. Его книги переведены на 157 языков народов России, СНГ и зарубежных стран. Стихи Кулиева читают японские рыбаки, фермеры прерий США, шахтеры Англии, скотоводы Казахстана, оленеводы Севера, нефтяники Азербайджана, хлопкоробы Узбекистана, табунщики Киргизии, жители Филиппин, Африки, Латинской Америки,

Австралии. Это свидетельствует об общепризнанной значимости его произведений в духовной жизни людей многих стран мира. Он всегда отличался чувством искреннего уважения к другим народам и их культурам, восхищался творениями безымянных мастеров зарубежных стран, устным народным творчеством среднеазиатских республик, поэтическими сокровищами древней и современной культуры Грузии, Армении, Азербайджана, знал богатейшие национальные особенности украинской, белорусской, молдавской, латвийской, литовской и эстонской культур и преклонялся перед ними.

В мире нет ни одного народа, который не включен в общекультурный прогресс. Культура является частью биосферы, которая сама есть частица Вселенной. Кайсын Кулиев – основатель космизма в Северо-Кавказской поэзии. Поэт оставил неизгладимый след в истории художественной культуры. Память – это самый могущественный социокультурный феномен духовной жизни человечества. С такой позиции мы должны оценивать творческое наследие своих великих предшественников и современников. Это наш гражданский и национальный долг перед памятью Кайсына Кулиева, который внес огромный вклад в развитие мировой художественной культуры.

*С л е в а   н а   п р а в о: Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев
и Мустай Карим*

Кулиев сделал первый прорыв в новую культуросферу мирового масштаба. Кайсын Кулиев – это огненный поток – Логос, сверкающий на вершинах гор Кавказа. Он никогда не погаснет в субстанциональном космосе Кабардино-Балкарии. И всегда будет гореть, как утренняя звезда – символ наступления расвета.

Такие люди, как Кайсын Кулиев, не умирают, остаются в памяти народов. Он вектор соединения двух великих культур – Востока и Запада. Кайсын Кулиев – духовный код, бессмертные строки его поэзии звучат как философские постулаты, как надо любить родную землю.

Поэт говорил: «Когда я рано встаю, во двор выхожу. Вижу вершины гор в розовом снегу. На небе летит огромный орел, властелин небосклона. Тень его крыльев на землю падает. С гор идет синеватый туман по ущелью. Как мне не любить этот край. Я горжусь тем, что я здесь родился. За это я Бога благодарю. Я – чегемец с Кавказа Кайсын Кулиев!»

Его поэзия по образу мыслей – неисчерпаемый океан. Кайсын Кулиев всегда с нами. Он наш постоянный спутник и верный советник. В этом бессмертии его поэзии. Немеркнущая память о незабвенном Кайсыне Кулиеве осталась не только в сознании миллионов людей нашей планеты, но и в родных чегемских высоких отвесных скалах, устремленных к небесам, которые воспел поэт как нерукотворные памятники природы.

Имя великого сына балкарского народа всегда останется в анналах истории. Вечная слава, царство небесное ему. Имя его на небесах, где движение белых облаков по вершинам гор. А это бессмертие на многие века, чтобы потомки гордились именем великого поэта.

Поэзия Кайсына Кулиева оказывает огромное воздействие на умы и сердца представителей современной цивилизации. Он был не только выразителем дум своего народа, но и властелином духа исторической эпохи. Его голос мощно звучал на международных конференциях и симпозиумах защиты мира.

Как известно, появление великих и талантливых людей не зависит от количества населения. Кайсын Кулиев – сын малочисленного балкарского народа. Но по масштабу кругозора и диапазона мышления философского склада он был великой личностью исторической эпохи второй половины XX столетия.

Когда Кулиев выступал в многочисленных аудиториях и читал свои стихи, люди слушали его, затаив дыхание. Поэт завораживал людей своей риторикой и обаятельным голосом. Он был трибуном, от него шло тепло биомагнитными пучками, согревающими души людей. Поэт притягивал людей к себе,

как магнит. Таким помнят многие люди Кайсына Шуваевича Кулиева. Он был возвышающим колоссом в культурной жизни Кабардино-Балкарии. Такие люди, как Кайсын Кулиев, рождаются в сто лет один раз.

В его поэзии выражено все сущее на планете. Многие стихи Кулиева посвящены матери-Земле, морям, океанам, рекам, растительному и животному миру, доброте хлебов и мудрости трав.

Кайсын Кулиев внес большой вклад в развитие киргизской литературы. Он более 10 лет занимался переводами как поэтических, так и прозаических произведений киргизских писателей и поэтов на русский язык. Киргизский народ увековечил память Кайсына Кулиева, назвав одну из центральных улиц города Бишкека именем поэта. Интеллектуальная эволюция в истории культуры балкарского народа связана с именем Кайсына Кулиева. Он читал много естественнонаучных и исторических книг, интересовался всемирной историей. На основе глубокого знания истории культуры многих народов он написал такие стихи, как «Учись у Баха», «Говорю Омару Хайяму», «Бетховен», «Играют Шопена», «Дон Кихот», «Прометей», «Орфей», «Махмуд», «Вспомнив Гарсиа Лорку», «Анаит», «Комитас», а также поэму «Половецкая луна» и т. д. «Поэзия, – писал К. Кулиев, – самая прекрасная часть культуры человечества, и, подобно музыке, она – одно из его высших достижений и бесценных сокровищ». В его произведения хорошо вписываются философские традиции античности и Востока. Обладая обширными знаниями во многих областях гуманитарных наук, Кайсын Кулиев руководствовался философским понятием всеединства живого и неживого, идеями гуманизма и любви ко всему человечеству. «В изоляции, – говорил К. Кулиев, – ни один народ не жил и жить не может. Вне контекста мировой культуры и цивилизации развитие культуры, духовной жизни нации невысказано». В 1944 году, после депортации балкарского народа, Кулиеву разрешили жить везде, за исключением Москвы и Ленинграда, тогда он ответил: «Я пойду по дорогам моего униженного и оскорбленного народа».

Кайсын Кулиев занимает достойное место рядом с самыми великими людьми, которые служили своим творчеством благу человечества. Таких людей, как Кайсын Кулиев, Лев Николаевич Толстой, называют учителями человечества.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Первое, что прежде всего обращает на себя внимание в стихах Кайсына Кулиева, это жизнелюбие лирического героя: «О жизнь! Люблю тебя, как птица воздух». И эта черта была присуща Кулиеву с самого начала. С таким восприятием жизни он пришел в поэзию. Вот строки из его юношеского стихотворения с характерным названием «Здравствуй, утро»:

*Шелесту листьев кланяясь,
Кланяясь ясному небу,
Кланяясь радости детской,
В шумное утро вхожу.*

Приятие жизни во всех ее здоровых и добрых проявлениях. Любовь ко всему, что живет и растет на земле. Ощущение родственности и по-детски доверчивое ласковое отношение ко всему, что есть в нашей общей праматери-природе.

*Вот так я и живу, желая муравью,
Ягненку и траве спокойствия, здоровья.*

Как полагают исследователи творчества У. Уитмена, величайший поэт Америки где-то в возрасте тридцати пяти лет вдруг почувствовал, что он – «лишь точка, лишь атом в плавучей пустыне миров». Мне думается, Кулиев почувствовал родственные души во всем, что его окружает, что проживает и произрастает

на земле, с того самого момента, когда он начал осознавать себя. И это было такое блаженство! И богатство – ни с каким другим не сравнимое. «Я человек среди людей». И этого, оказывается, достаточно, чтобы мне было столько отпущено и столько даровано! Выходит, я – твой должник, земля. Я обязан тебе за все, за всю доброту, что я ощущаю, и красоту, что вижу вокруг.

Прими ж поклон земной, моя земля.

.....

*Благодарю тебя, земля родная,
За воду, что я пью, за хлеб, который ем.*

И самые близкие поэту родственники (надеюсь, понятно: здесь кавычки неприемлемы) – деревья:

*Деревья гор, возлюбленные мной,
Друзья мои зеленые и братья.*

В мире Кулиева люди, деревья, горы, травы, камни, снег, дождь существуют на равных. Чувства и переживания деревьев сродни человеческим:

*Им, соснам, видеть небо над собой
Приятно, как и нам.*

Лирический герой Кулиева – человек очень совестливый и чуткий. Он все время критически, как бы со стороны, смотрит на себя. А как меня самого воспринимают? Достаточно ли я чист в своих помыслах и поступках на фоне первозданной чистоты природы? Вот идет снег, и это становится поводом для лирических размышлений:

*И боязно себе позволить вдруг
Приблизиться к безмолвному круженью
Пушинок этой чистоты вокруг
И белизны дерев коснуться тенью.*

И совершенно естественно вырисовывается такая логика: раз все мы, составляющие природу, настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, возможно, и я ей, природе, небезразличен. И, возможно, не только она мне, но и я ей доставляю радость: «Мне чудится – и сосны рады мне!»

Годы, когда творил Кулиев, были богаты событиями разного рода. Менялись вожди, а вместе с ними – установки, лозунги,

«очередные задачи»... А поэт, какие бы невзгоды на него ни обрушивались, – а их было предостаточно – не изменял однажды выбранной теме (одной из ведущих в его творчестве) – теме природы. И без особой склонности к фантазированию, это можно представить себе таким образом. Все то, что составляет нашу флору и фауну, от былинки до Эльбруса, от муравья до оленя, каждый на своем языке, сообщают о своих бедах и проблемах поэту-волшебнику, все понимающему в точности. И он создает произведения, по существу петиции, адресованные всему человеческому сообществу, в которых содержится пламенная, красноречивая защита всех его подопечных. Иными словами, голосом Кулиева как бы заговорила сама Природа.

Конечно, по мере роста мастерства поэта, проблема эта расширялась и углублялась как в ее постановке, так и в формах разрешения. Если вначале почти всегда мы имели лишь приятие разнообразных форм проявления окружающей жизни, то в более поздних произведениях поэта уже предстают резкие контуры надвигающейся экологической катастрофы:

*В мире гул суеты все слышней и слышней, –
И как мало осталось в долинах и рощах
И доверчивых птиц, и красавцев-коней,
И людей, красоту древних сказок сберегших!*

В разработке этой темы, – человек и природа, современный мир и состояние окружающей человека природы, – Кулиев был, пожалуй, единственным из советских поэтов, проявившим редкую последовательность и при этом добившимся поразительных результатов. И справедливости ради следует сказать: если бы в своем творчестве Кулиев не затронул никаких других тем, он все равно должен был бы занять весьма почетное место в литературе XX века. Более того, тема, которой поэт был верен на протяжении всей своей творческой жизни, сейчас настолько актуальна (и, к сожалению, актуальность ее вряд ли уменьшится в обозримом будущем), что напрашивается вывод: примерно в середине XX века Кайсын Кулиев резко обозначил тему, которая станет одной из главных для литературы всего мира на всем протяжении XXI века (и, боюсь, не только).

Кавказ издревле вдохновлял поэтов, и не только «прописанных» здесь. Кавказу посвящали свои стихи также поэты Востока и Запада. Совершенно особое место занимает Кавказ в творчестве Кулиева. И дело здесь не в том, что Кавказ упоминается у него чаще, чем у других поэтов-горцев. Суть в том, что у Кулиева стихи, о чем бы он ни писал, всегда дышат чистым воздухом снежных вершин.

Неповторимая красота отчего края, милые сердцу приметы родных гор и скал запечатлены у поэта в ярких и выразительных красках. Но живопись – при всей ее колоритности – у него не имеет самодовлеющего значения. Лирический герой Кулиева – мыслитель. Для него Чистота и Высота, символизирующие горы Кавказа, – всегда повод для постоянных размышлений. И в своих помыслах и поступках он тяготеет к этим высоким образцам. Где бы поэт ни находился, он всегда видел «вечный снег на высокой горе», и в роковые минуты его поддерживала уверенность, что «вблизи вершин вольнее дышится». Кулиев говорит: «Перейми несгибаемость скал!» В другом же стихотворении сказано: «Терпение и мужество ценились, / Как золото, в краю, что так высок».

Мягкий и обаятельный в общении, Кулиев в творчестве был предельно строг и требователен к себе. Он был похож на скалолаза, влюбленного в высоту и всегда готового к новым восхождениям. Поистине, «стихи писать – что горы штурмовать». Но и горы штурмовать можно по-разному. Почивать на лаврах было не в характере Кайсына, и новое восхождение для него – это всегда поиски новых подступов к высотам, иных, нехоженных, тропок, что в конечном счете означало непрестанное стремление к совершенству в своем искусстве, о чем говорят результаты, достойные удивления.

*Разве твердость в удел не дана мне,
Сыну этих вершин и снегов.
Где в течение многих веков
Люди хлеб выжимали из камня?*

Или:

*Были в этом крае средь камней
Низкорослы буйволы и кони,
А высоки были с давних дней
Звезды на вечернем небосклоне,
Горы и достоинство людей.*

Мастерство такого уровня и такой мощи способно внушить мысль, что возможности слова беспредельны и что искусство слова может соперничать с другими видами искусства даже в специфике их ипостаси. Чем это не скульптура:

*Ты так отвесна, Ушба, так отвесна!
Вершиной так подперла синеву,
Что кажется, творец земною бездной
Небесную приподнял наяву.*

Конечно, источников было много. Родной фольклор и Кязим, Гомер и Шекспир, Гете и Лорка, Пушкин и Блок. Но, безусловно, и другое: стихи эти, вступив в сложнейший синтез, настолько преобразались, что результаты становились узнаваемо кулиевскими. Настолько, что их можно было бы узнать даже без указания автора.

Вот один пример:

*Велик или мал, любой народ –
Частица человеческого рода.*

Еще:

*Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.*

Подобные поэтические формулы, конечно же, безошибочно узнаваемы. Они настолько кулиевские, что не затеряются и среди тысяч и миллионов строк. Из множества таких примеров еще два в завершение:

*Каменотес искусней, чем актер,
Вживающийся в роль каменотеса.*

И:

*Легко любить все человечество,
Соседа полюбить сумей.*

«Талант, – писал Кулиев, – налагает на художника серьезную ответственность перед людьми, перед миром, и не только перед людьми, что живут сегодня, но и перед теми, что жили до нас и будут жить после нас. Тяжка такая ноша. Надо иметь очень крепкие плечи и мудрое сердце. У поэта должны быть глаза ребенка и сердце пророка, мужество воина и доброта матери».

Нищий тот, у кого ничего нет. И беден тот, кто не знает цену тому богатству, которым он владеет. Наши великие предшественники оставили нам такое духовное богатство, которое заслуживает, чтобы мы гордились им. Мы обязаны сохранить, защитить и донести его до следующих поколений, если мы хотим сохранить свою литературу, свой язык и свой народ. Думается, это – самый важный из заветов Кайсына Кулиева.

Первым ушел Кайсын. За ним последовали Алим и Расул. После их ухода...

Кавказ без них уже не тот Кавказ.

Жаухар АППАЕВА,
искусствовед

ДЕТЯМ С ЛЮБОВЬЮ

Не угасает интерес к личности и творчеству лауреата Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР Кайсына Кулиева. Каждая книга, связанная с именем поэта, сразу привлекает внимание широкого круга любителей и ценителей его творчества не только в нашей республике, но и за ее

пределами. Творчество Кайсына Кулиева, оставаясь носителем благородных чувств и высоких идеалов, всегда было понятно и интересно не только старшему, но и подрастающему поколению. Не удивительно, что и многие художники, для которых поэзия Кулиева стала близка своей духовностью, берутся за иллюстрирование его произведений, пытаясь дать их углубленное и в то же время доступное пониманию детей толкование. Часть этих книг увидела свет во всесоюзных и российских изданиях, другая же опубликована книжным издательством «Эльбрус» в Кабардино-Балкарии.

Чтобы дети лучше поняли смысл книг К. Кулиева, иллюстраторы чаще всего создают рисунки просветительского характера. Так они стремятся адаптировать для детей произведения классика балкарской литературы, обладающие высокими художественными достоинствами и своеобразием. Рисунки, согретые мягким юмором, понятным ребенку, сосредоточивают их внимание, прежде всего, на взаимоотношениях персонажей. Как правило, облик героев, их характеры, среда обитания отличаются достоверностью, правдоподобностью.

Как это и положено для детских книжек, «Утреннюю сказку», художественное оформление которой выполнил Б. Берендгоф, украшает рисованная серия, довольно широко охватывающая содержание книги. Умело включенный в пространство книги цикл построен на тонком понимании ее архитектоники. Иллюстратор стремился отразить в печатном издании не только содержательные особенности поэзии Кулиева, но и своеобразие его стиля. Реалистически исполненные рисунки, в которых вымысел

(переплетение реального с ирреальным), фантазии юного героя Кулиева изображены с учетом детской психологии, возможных эмоций детей, согреты душевной теплотой, особым лиризмом, рифмуясь с детскими переживаниями.

Легки, графичны и подобны зарисовкам скромные, не перегруженные предметами и фигурами рисунки, выполненные художником Ю. К. Бурджеляном к сборнику стихов К. Кулиева «Земля и песня». Иллюстрации адресованы, прежде всего, детям, потому легко воспринимаются ими и, главное, не ограничивают их фантазию. Своеобразная модель мира кулиевских персонажей, интуитивно найденная рисовальщиком, близка и понятна любому читателю. Книгу отличает строгая логика в отборе тематики иллюстраций и декоративного сопровождения.

Детские книжки, имея в своей основе увлекательную фабулу, легко поддаются пластической интерпретации. Написанные поэтом для детей сказки, преломленные фантазией художника, обретают зримые формы, заметно усиливая свое эмоциональное воздействие на юных читателей. В рисунках как бы материализуются гуманистические идеалы кулиевской поэзии. Теплым чувством пронизано отношение графика В. Дувидова к юным героям Кулиева в «Сказке солнца». Автор иллюстраций берет за основу центральные сюжеты сказок и, поэтизируя повседневность, переходя в сказочную стилистику, дает изобразительное воплощение стихов в цветных постраничных иллюстрациях, концовках либо заставках, связывая характеристику персонажа с окружающей средой. Природа, животные, насекомые, трава, человек как бы сливаются в едином светлом настроении. Иллюстрации, расцвеченные яркими, звучными красками, обретают веселый, озорной характер.

Вполне адекватные поэтическим текстам К. Кулиева рисунки художника Н. Кравченко обрели жизнь в сборнике стихов «Высокие деревья», вышедшем в свет в издательстве «Детская литература». Адресованные детям иллюстрации существенно сокращают им путь к пониманию смысла произведения. Изображения природных ландшафтов, как бы втиснутые в вертикальные полосы, расположенные с правой или левой стороны от печатного текста, создают активный, пластически выразительный эмоциональный фон, который помогает образному восприятию содержания кулиевских произведений. Ценность иллюстраций в том, что они позволяют всмотреться в мир, созданный поэтом, почувствовать его. Все элементы композиции отобраны в соответствии с художественной логикой целого.

Детская книжка К. Кулиева «Скачи, мой ослик» («Жорт, жорт, гылыуум») дала импульс к созданию рассказов в картин-

как двум кабардино-балкарским графикам Х. М. Пшихачеву и В. Л. Захохову, которые в процессе иллюстрирования попытались материализовать идеи и образы писателя. Обе серии представляют собой связный повествовательный рассказ. Иллюстрируя основные моменты фабулы произведения, создавая гармоничный образ мира, живущий по законам добра и справедливости, авторы срежиссировали мизансцены, помогающие более глубоко восприятию повести Кулиева. Обе серии свидетельствуют об умении авторов создать зримые, правдивые образы, передать живость характеров героев, выразительность их движений и жестов. Большое внимание ими уделено обстановке, в которой живет мальчик, и, прежде всего, природе, которая служит как бы камертоном, дающим эмоциональный настрой каждому рисунку. Профессионализм, изобретательность, реальные наблюдения художников позволяют увлекательно раскрыть сюжетную линию повести, реалистически обрисовать характер, чувства мальчика, повадки животных, пробуждающих в душах детей хорошие, добрые чувства. Богатая фантазия авторов помогает создать живые и занимательные композиции, своего рода изобразительный эквивалент образам К. Кулиева.

Несомненный интерес представляют и иллюстрации Э. Гинзбурга к сборнику стихов К. Кулиева «Я пришел с гор», изданному «Детгизом». Все, начиная с обложки, переплета, титульного листа, мелких деталей декора, становится для авторов важнейшими элементами оформления. Под пером иллюстратора с артистической свободой и вдохновением рождаются пейзажные образы, архетипы балкарского народа, навеянные стихами Кулиева. Это небольшие заставки, легко исполненные тушью, предваряющие каждое стихотворение поэта. Они отличаются умением передать дух произведения, атмосферу среды, настроение поэта. Серия отмечена своеобразием структурного построения художественных образов и пространства книги. Автор рисунков ориентировался на детскую аудиторию, потому в книге «Я пришел с гор» изобразительные элементы занимают если не доминирующее, то, по крайней мере, важное место.

Рисунки к произведениям К. Кулиева для детей свидетельствуют о том, что замысел художников определяется их отношением не только к поэтическим текстам, но и к самому подрастающему поколению. Иллюстраторы непременно учитывают и тот факт, что детская книга – это живой организм, созданный трудом не только писателя и графика, но и работников издательств и полиграфистов.

*Залимгери МИРЗОЕВ,
лауреат Всероссийских
конкурсов и фестивалей поэзии*

В ЧЕГЕМЕ ВЕРХНЕМ У КАЙСЫНА КУЛИЕВА

*Великому поэту и мудрым
чегемцам, верным хранителям
его светлой памяти посвящаю*

Я побывал на родине Кайсына,
Великого в поэзии творца,
Кавказа древнего и всей России сына,
Наследника Кязима-мудреца!

Там воздух чист, согрет его дыханьем,
Живут там рифмы в белых облаках,
И горы – как основы мирозданья,
Воспетые в Кайсыновых стихах!

Всё у него оттуда – жизнь и песня,
Чегем – его начало и исход,
И там, в ауле, прямо в поднебесье
Возвёл поэту памятник народ.

Хвалу чегемцам мудрым шлю за это,
И кланяюсь им низко, до земли,
За то, что свято чтут они поэта,
За то, что о нём память сберегли.

Когда в горах стихи его читают,
Внимают им и небо, и поля,
Там раненные камни заживают,
Там возрождаются и люди, и земля.

Начертаны на каменных скрижалях
Великого оракула стихи,
Они о том, чтоб люди не сражались,
О том, как оставаться нам людьми!

Пусть песни рек в горах не замолкают,
А люди чтоб не ведали беды,
И пусть к нему тропинки согревают
Бесчисленных паломников следы.

Кайсын КУЛИЕВ

***

Я пишу в этой книге, о том,
                    как любил и люблю,
И хоть много я вынес, и был я изранен в бою,

А любовь не убили мою ни война, ни беда,
И любить эту землю и небо я буду всегда.

О тебе эта книга, любимая, стал я мудрей,
Стал добрей, удостоенный чистой любви твоей.

Эта книга – любви моей к дереву, камню, воде,
К муравью, и к ребенку, и к птице в гнезде, и к звезде,

К очагу и колосьям, к безбрежности и кораблю,
Потому что я, смертный, бессмертие мира люблю.

Это – книга любви, и принес тебе книгу мою,
Ибо, смертный, бессмертию Жизни хвалу воздаю.

Знаю лик я свирепой вражды, видел землю в крови.
Эта книга – любви моей книга, бессмертной любви.

Перевел С. Липкин

***

Красивая, рожденная от матери счастливой,
Ты так красиво движешься вдоль моря в час прилива,

Ты так идешь, что кажется, – идет сама свобода,
Идешь, как бы с высокого спускаясь небосвода,

Идешь как бы не трогая стопой песок прибрежный,
Притихли сосны строгие, сияет воздух нежный.

Ты так идешь по берегу навстречу дню и соснам, –
Идешь, как будто заново задуман мир и создан.

Волны дыханье свежее. Деревья. Ты. И дюны.
И так сегодня счастлив я, и мир сегодня юный!

Ты так красиво движешься, что становлюсь я снова
Счастливым обитателем пристанища земного!..

Перевела И. Лиснянская

***

Хоть знаю, что мгновенна и женщины краса,
И что она исчезнет, как сон или роса,

Но знаю, что и вечность беспомощна пред ней,
Она всех гор на свете и выше, и прочней.

Перевел С. Липкин

***

Сияют звезды надо мною
Там, где Эльбрус, там, где Казбек,
И многозвездной пеленою
Окутан вечный горный снег.

А звезды яркие такие, –
Они в горах у нас крупны.
Иль на меня глаза людские
С улыбкой смотрят с вышины?

Мне кажется: ты здесь, ты рядом,
Со мной. И я, как пращур мой,
Гляжу на звезды зорким взглядом,
А думы – о тебе одной.

И мы с тобою этой ночью
Сойдемся на одной тропе, –
На голубой тропе, на звездной
Легко скучать мне по тебе.

Жизнь будет жить, пока белеют
Ушба, и Шхельда, и Азау...
А звезды, что ни миг, теплеют, –
Твой взор в горах я узнаю.

Перевёл С. Липкин

***

Я в честь твою разжег в горах костер,
Чтоб ты издалека им восхитилась,
И осветил огонь уступы гор,
И ты, как наши горы, осветилась.

С огнем, что в честь твою в горах горел,
Чинары, тропы, родники общались,
А я лежал, на звезды я смотрел,
Мои надежды в звезды превращались.

Горит огонь в молчании ночном
Под звездами, у снежного отрога,
И верю я, что будет тем огнем
Всегда освещена твоя дорога.

Он вспыхнул в честь твою в родном краю,
И сблизил он с горами воедино
Твой дом и сердце – и любовь мою:
Она светла, как белая вершина.

Перевел С. Липкин

***

Ты есть – и, значит, есть мой свет,
Есть жизни цвет, а смерти нет,
О красота моя!

Ты есть – и, значит, есть весна,
И песня соловья звучна,
О красота моя!

Ты есть – и малодушья нет,
Ничтожных дней и длинных лет,
О красота моя!

Ты есть – и, значит, у меня
Есть жар надежды и огня,
О красота моя!

Перевел С. Липкин

***

Пока смотреть и слушать мне дано,
Пока мне солнце мира зажжено, –
Я не бессилён, счастье я нашёл,
Хотя мой путь был долог и тяжёл.
То, что с тобою рядом я живу

И вижу звезды, горы и листву,
Твой светлый облик и глаза твои,
И слышу голос твой – слова любви, –
Есть самый ценный и высокий дар,
И нет беды былой, и я не стар!
Пока смотреть и слушать я могу,
Порадоваться я не дам врагу.
Я счастлив был, о, как я счастлив был:
Я знал твою любовь – и я любил!

Перевел С. Липкин

***

Внимали музыке мы в храме, в полумгле,
Как будто мы одни с тобою на земле.

Звучала музыка, и показалось нам,
Что мы счастливей всех вступивших в этот храм.

Казалось нам, – весь мир замолк у алтаря.
Все бури замерли, затихли все моря,

Казалось, музыка жила для нас двоих,
И звуков не было на всей земле других,

Что вместе с музыкой, не ведая преград,
Все птицы певчие под куполом парят.

– О Сольвейг, Сольвейг! – пел, взывал высокий храм,
И двинулась весна по таявшим снегам,

И заалел рассвет над белизною гор,
И сосен сумрачных он осветил собор.

Звучала музыка, и в тот бессмертный час
Казалось, – в мире нет людей счастливей нас,

Чем ты, нет женщины красивей и добрей,
Чем я, мужчины нет отважней и мудрей.

Какая музыка жила для нас двоих!
Неповторимый день и незабвенный миг!..

Перевела И. Лиснянская

***

Вечер подошел неторопливо,
Но я вижу молодость твою.
Говорю: «О как же ты красива!»
Но не вслух, а сердцем говорю.

И хотя с листвою слился вечер,
Говорю: «Светлы еще утра!»
И хотя я чую зимний ветер,
Ты со мной, – и жизнь ко мне добра.

И хотя мой двор окутан тьмою,
Ты со мною, ты – моя звезда!
И хотя стою перед зимою,
Говорю тебе: «Сияй всегда!»

Пусть кругом осеннее ненастье,
Говорю: «О как ты хороша!»
Пусть листва у осени во власти,
Ты – со мной, а ты – моя душа.

Перевела И. Лиснянская

***

Дождь идет. И так мне думать славно
О тебе, подробно вспоминая.
Как смотрела ты совсем недавно
На такой же дождик, дорогая.

Дождь и ты заговорили вместе, –
Голос твой донесся из тумана,
Дождь принес мне о тебе известье,
Чтоб меня обрадовать нежданно.

Все, что ты сказала, слово в слово,
Повторяют капли дождевые.
Имя мне твое сейчас так ново,
Будто произнес его впервые.

Горы, словно белые виденья,
Приближается пора ночная.

Дождь идет. Какое наслаждение
Думать о тебе, дождю внимая!..

Перевела И. Лиснянская

***

В очарованье женское камня
Бросали и недавно, и давно,
Но женщина, пройдя сквозь все мученья,
Красивой оставалась все равно.

Мне тоже прелесть женская сияла
И в светлый час, и в трудный день войны,
Она победоносно озаряла
И явь мою, и отрочества сны.

Кто женской красотой не очарован,
Тот – как слепец, не видящий ни зги.
На женской красоте весь мир основан,
И все согреты ею очаги.

Ее хотели сжечь и обезглавить,
Но, вечно молода, всегда чиста,
Она мечи заставила заржаветь,
И злобу ниспровергла красота!

Перевел С. Липкин

***

Смотреть, как ласточка летает, и опять
Твое светящееся имя повторять –
Так хорошо, так хорошо, что нету слов,
Как будто снова я и молод и здоров.
Поняв любви твоей наиредчайший дар,
Бродить с тобой вдоль зеленеющих чинар,
О Элизат, так хорошо в апрельский день!
Ты – счастья жизни наивысшая ступень.
Когда, любимая, дышать мне тяжело,
Твое мне имя – словно ласточки крыло.

Перевела И. Лиснянская

***

Эта книга – твоя – до последнего выдоха.
В мое самое трудное время, когда
Из него, как из смерти, не видел я выхода,
Только ты освещала мой путь, как звезда.

И когда я ослаб и мой лоб, словно в инее,
Был в холодном поту, ты, надеждой светя,
Наклонялась ко мне и, клянусь твоим именем,
Ты спасала меня, как спасают дитя.

Сокращая в больнице мое пребывание,
Так ходила за мной, что я верю опять:
Не исчезло еще на земле сострадание,
Могут люди еще доброту излучать.

Эта книга моя, видно, песнь лебединая, –
Жизнелюбие мое, да и мука моя,
Это – книга любви, и строка ее длинная, –
Длинный путь мой к тебе по тропе бытия.

И покамест чернила и кровь еще двигаю,
Ты прости мне, но правды я не утаю:
Словно сердце живое, дарю тебе книгу я
Не за прелесть твою, а за стойкость твою.

О, как много тебе предстоит еще вынести!
Но еще об одном, дорогая, прошу, –
Эту книгу мою в этом виде и выпусти,
Если я ее все-таки не завершу.

Перевод И. Лиснянской

Валентин СОРОКИН,
поэт, лауреат
Государственной премии России

СЛОВО О ДРУГЕ

Занятие Литобъединения ЧМЗ. Второй слева – Вячеслав Богданов

Вячеслав Богданов предстаёт перед нами собранным человеком, цельным и духовно содержательным, а как поэт – с безусловной одарённостью и редкой нравственностью, что и решает, в общем-то, судьбу художника: талант и воля к честности, к справедливости, к совестливости, к труду, положенному на порог отчей избы, земли русской.

Вячеслав Богданов был очень русским человеком и беспощадным поэтом русским был. Его, не сомневаясь, надо ставить в тот золотой круг русских поэтов, рано и трагически распрощавшихся с жизнью, в круг Дмитрия Блынского и Николая Анциферова, Анатолия Передреева и Николая Рубцова.

С Тамбовщины, сельский паренёк, явился он в 1953 году на Челябинский металлургический завод, где сформировался его взгляд на призвание, где Вячеслав стал знаменитым поэтом на Урале, а в 1975 году погиб в Москве.

*«Рыжий берег травой окутан,
Здесь ничьи не остались следы.
Я не знаю, он взялся откуда,
Этот камень у чёрной воды».*

Мы не можем и не сможем никогда указать пальцем – через какой чёрный камень «запнулась» и не перешагнула краткая стезя поэта, камней чёрных на пути не только русского поэта, но и русского народа – много, потому поблагодарим Вячеслава Богданова за сотворенное: оно прекрасно, искренне, оно – живое существо, то цветком расцветёт в душе у нас, то слезою матери русской очи нам освежит...

Вячеслав Богданов, друг мой первый, если бы он чуток пожил бы, пожил бы ещё чуток – ведь лишь приготовился, лишь в полный рост поэта распрямился!..

Но он возвращается к нам светлый, русский, добрый и неповторимый, как его отчий край, как его Россия, родина наша, зовущая и лебединая.

Вячеслав Богданов – настоящий поэт. А настоящий поэт – гневный, но добрый, внезапный, но мудрый, трудный, но прекрасный!

Господи, ну обереги его слово на путях грозных! Сбереги и дай простора ему.

***

Памяти Вячеслава Богданова

Сегодня я друга увидел во сне,
Мы шли по сердитой уральской весне:
По лужам, по солнцу, по небу, по травам,
По долам цветущим и мрачным дубравам!
Сегодня я друга увидел во сне,
Мы шли с ним по громкой уральской весне:
Бульварами юности, верности нашей,
И день был озвучен, восторжен, раскрашен!
Смеялись на девушках буйные платья,
Вставали мосты, распростёрши объятья.
И падали птицы хмельные со скверов.
И горны сверкали в руках пионеров!
Сегодня я друга увидел во сне,
Мы шли с ним по городу и по весне.
Очнулся – и рядом не чувствую друга:
Мороз за окошком, да памяти вьюга!..

1975 г.

Вячеслав БОГДАНОВ

Раздумье

Николаю Рубцову

Эту жизнь я люблю,
Как вначале.
Ты веди меня, сердце,
Веди.

Тридцать лет у меня за плечами,
Сколько будет еще впереди?
По дорогам ни дальним,
Ни близким
Не терял я впустую
Ни дня.
Видно, как беспокойною искрой
Наградила Россия меня.
Только трудно одно перенести мне,
Хоть в родные края не вернусь,
Я запел бы о городе песню,
Да деревню обидеть боюсь.
Ты, деревня, прости,
Дорогая,
Город стал мне хорошим отцом.
Я меж вами стою и не знаю –
Ну к кому повернуться лицом?!
Чтобы жить мне, не ведая горя,
Чтобы сердце не рвать пополам,
Я хотел бы уральский мой город
Передвинуть к тамбовским полям.
По крови хлеборобов наследник,
По труду своему – металлург.
Только знаю, что в час свой последний
Мне в деревню захочется, друг...

Агава

Расцвела агавы в южном парке,
Цвет фонтаном заструился ярким.
Тридцать лет живет всего агавы
И цвести лишь раз имеет право.

Только раз – цвести высоким цветом,
Увядая навсегда при этом.
Как её возвысила планета –
Умереть от собственного цвета!..

Вдова

У дороги, на краю села,
В домике саманном небогатом
Одинокó женщина жила,
Вдовушка погибшего солдата.

Было ей не больше тридцати,
Скрылась радость за военной далью...
И коса тугая на груди
Завивалась черною печалью.

...Как, бывало, выйдет на покос
Всем на зависть ловкой и нарядной,
Мужики зашепчутся всерьез:
– Красота!
– Аж поглядеть отрадно!

И к таким восторгам не глухи,
Потайную проторив дорогу,
Часто к ней стучались женихи,
Да ни с чем катились от порога.

И, как тайну, свято много лет,
Сохраняя простоту и силу,
Возле сердца маленький портрет
В медальоне желтеньком носила.

И дивились бабы всем селом
Чистоте любви осиротелой,
Что она, тоскуя о былом,
Вроде лучше счастья не хотела.

Что вы, бабы, суетитесь зря?
Жизнь не просто повернуть сначала.
Знать, она, по правде говоря,
С прежним мужем ровни не встречала.

1963

Ветры

Развел в пути я множество костров
И в час прозренья для себя приметил:
Раскроен мир на тысячи ветров,
Есть ко всему попутный в жизни ветер.
Есть ветер зла,
Есть ветер суеты,
Попутный ветер к зависти,
Бессилью...
О сколько душ они перебесили
И никому не дали доброты!
Я сам стоял на тысяче ветрах...
И, по крови упрямый от рожденья,
Хоть падал я,
Но, презирая страх,
Оставил сердцу ветер восхожденья.
Он дует в грудь
И замедляет бег,
И высекает ранние седины...
Но зарубил я для себя навек –
Не верь ветрам,
Что дуют резко в спину!
Они тебя закрутят,
Заведут,
Куда и сам ты никогда не метил...
Острее чутье, когда идешь на ветер,
Хоть путь тяжел,
Подъем к вершине крут.
Но ты придешь к вершине бездорожьем.
И крылья даст упрямству высота.
И сам увидишь, к твоему подножью
Так подхалимски, жалостно, ничтожно
Прилипли зависть, злоба, суета...

1975

Голова

*Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей.*

М. Ю. Лермонтов

А во сне,
Как будто наяву,
Застонала на бугре трава.
Закружилась буря...
И в траву
С плеч моих
Скатилась голова.
И её
Упругие ветра
Покатили яростно с бугра.
Черный смерч бунтует в вышине!
И бегу я в муках через рвы.
Закричали люди в стороне:
– Гляньте,
Гляньте,
Он без головы! –
Я не знаю сам, кого молю:
– Придержите голову мою?!

Высоко поднял июльский день
Меч пудовый
Вражеской молвы:
Кто огонь,
Кто облако,
Кто пень
Мне совали
Вместо головы...
Только я
Сквозь посвист ветряной
Слышал голос дальний
И родной:
– Упадешь! –
И будут все правы,
Если ты умрешь без головы...

Я бежать за головой устал.
И восход
Под всполохи берез,

Лебедем над омутом привстав,
Мне её
Высоко преподнес.
От беды прозрев, –
Да знать врагу –
Голову для битвы берегу!!

1970

Голубой костер

Поля, поля –
Ни края,
Ни границ...
Над колыханьем
Зреющего хлеба
На перезвоны
Радостные птиц
Задумчиво
Облокотилось небо.
Родная Русь!
Костер мой голубой!
Веди меня
Дорогою столетий!
Какой,
Скажи,
Таинственной звездой
Ты зажжена
Для нас на этом свете!
Ни чернозем,
И ни сосна,
Ни гриб
Нам не открыли тайну ту
Доселе,
Ни запах меда
От цветущих лип,
Ни журавли,
Летающие в апреле.
Но нам вросли,
Окутанные в синь,
В живую грудь
Твои рассветы,

Горы...
Как жаль –
Душа не может отразить
Все это так,
Как светлые озера,
И мой отец,
Что на войне погиб,
Шел в смертный бой,
Но слышал сквозь метели
И запах меда
От цветущих лип,
И журавлей,
Вернувшихся в апреле.
И видел он
Рассвет в родном краю,
И Петроград,
Колонны боевые,
И борозду
Колхозную свою,
Что им была проложена
Впервые...
Родная Русь!
Костер мой голубой!
Веди меня дорогою
Столетий!
Какой,
Скажи,
Таинственной звездой
Ты зажжена
Для нас на этом свете!

1967

Победа

*Памяти отца,
погибшего на фронте*

На рубеже войны и мира
Солдатам в касках боевых,
Как невзорвавшаяся мина,
Она казалась в первый миг.

Еще рейхстаг дымил кудлато,
В глаза лез пепел,
Словно страх...
Еще к горячим автоматам
Цепляли диски вгорячах.

Еще в прифронтовом санбате
Кричал в бреду сержант:
«Вперед!»
Еще, как черное проклятье,
Фашистский падал самолет.

Еще не высохли чернила
Победной маршальской руки...
Еще стволы не зачихали
В победный миг фронтовики, –

Победа!
Вот она, Победа!
Прими ее, солдат-герой!..
Ты начиналась от рассвета
Июньской страшною порой.

От снов отцов непробудимых
И величавой славы их,
От глаз прощальных и любимых
На всех перронах горевых.
Ты начиналась долгожданно
И увлекала за собой,
Как лейтенант,
Срывая раны,
Ведет солдат в неравный бой...

Была ты верой всенародной
От первой
Огненной
Черты.
Чем дальше ты уходишь в годы,
Тем все ясней твои черты...

1975

Слово

Каждый день идут дожди сурово.
Заслезались думы и глаза.
Залегло несказанное слово,
Где с землей сомкнулись небеса.
Слово,
Слово – дальняя жар-птица!..
На каком искать его пути?
И с небес к нему не опуститься,
По земле к нему не подойти...
Погляжу во все концы без страха
И спрошу,
Как самый давний друг:
– Подскажи,
Ты слышишь, славный пахарь,
Подскажи, известный металлург?!
Перед правдой – дело не уроним!
Добывая слово,
Словно честь...
Чтоб его,
Как яблоко в ладони,
В час усталый людям преподнести.

Родимый дом

Н. Тряпкину

К дверям забитым я зимой приеду,
Замочный ключ до боли сжав в горсти.
И улыбнусь хорошему соседу,
И попрошу мне клещи принести.
Я в дом родной вернусь не блудным гостем!
И, как любовь,
Я ключ к нему сберег.

И под рукой
Застонут длинно гвозди
И упадут, как слезы, на порог...
И тишина мне бросится на плечи,
А голуби забьются под стреху.
Трубу открою в стылой русской печке
И, словно память, пламя разожгу!
Где Бог сидел – снежок набила вьюга.
И, осмотрев на карточках родство, –
Я вместо Бога
Сяду в правый угол,
Огонь в печи приняв за божество!
Дыши высоким пламенем, солома!
Пускай деревня видит наяву,
Как мой поклон –
Дымок над отчим домом –
Всему, чем я страдаю и живу!

Я пришел в эту степь...

Распоясала степь заревую дорогу,
Молодая трава наклонилась немного.
Наклонилась трава,
Словно все еще дремлет,
И корнями взялась за надежную землю.
Далеко,
Широко степь уходит куда-то,
Где бредут облака,
Точно овцы, кудлаты.
Я пришел в эту степь – широте поучиться,
Я пришел в эту степь – росной далью лечиться.
Я лечиться пришел от промашки вчерашней,
Почернела душа,
Как весенняя пашня...
А промашка моя – я врага не осилил,
Неудача моя – неудача России!..
А Победа моя – ее кровное дело.
Кровь раба еще в дедовском сердце сгорела...
О, родимая степь, травяное наследство,
И удачи моей неизменное средство!
После встречи с тобой – за победой победа,
Враг мой век не имел степь такую, как эта!

Тамара БИТТИРОВА,
ведущий научный сотрудник сектора
балкарской литературы Института гуманитарных
исследований, доктор филологических наук

ОБОГАЩАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Хасан Исмаилович Шаваев.
1974 г.

Балкарский прозаик Хасан Исмаилович Шаваев родился в 1937 году в селении Кенделен Эльбрусского района. Он – представитель поколения балкарских писателей, детство и отрочество которых прошли на чужбине в годы депортации балкарского народа; потеряв родителей в раннем детстве, испытал все муки сиротства. Семья Х. Шаваева была выселена в сел. Акбаш Сузакского района Джалалабадской области Киргизской ССР. Здесь он окончил школу.

Первая проба пера Х. Шаваева – очерк о библиотекаре школы Марьям Шекеровой – был опубликован в Джалалабадской областной газете «Сталинчи жол» – «Сталинский путь», в 1953 году. Затем им были напечатаны статьи об одно-

сельчанах и школьной жизни на страницах областной и районной печати.

После возвращения на родину Х. Шаваев начал работать в газете «Коммунизмге жол» и одновременно поступает на факультет журналистики Азербайджанского государственного университета; он около 40 лет проработал в газете «Заман» («Коммунизмге жол»), возглавлял отдел культуры редакции, в настоящее время – редактор журнала «Минги Тау».

В 60-е годы XX века Х. Шаваев активно печатался в республиканских газетах и журналах. Его рассказы публиковались в альманахе «Тынгысыз телю» – «Беспокойное племя», «Тейри къылыч» – «Радуга», в журналах «Минги Тау» и «Нюр».

Рассказы и отрывки из повестей и романов Х. Шаваева переведены на русский, кабардинский, киргизский, узбекский, ногайский, каракалпакский и туркменский языки. На русском языке опубликована книга повестей Х. Шаваева «Последний

день недели» (1990), в которую вошли «Глаза земли», «Асият» и «Последний день недели».

Сегодня Хасан Шаваев – широко известный балкарский прозаик. Им написаны рассказы, эссе, повести и романы, значительно обогатившие балкарскую литературу.

В своём первом сборнике рассказов «Кюйген тап» – «Шрам от ожога» Х. Шаваев попытался художественно осмыслить тему адаптации сельских девушек и парней к городской жизни, показать различные нравственно-эстетические ее аспекты. Необычность ситуации, когда горец должен постоянно отстаивать свои представления о морали, постигать новое и находить гармонию между традиционными этическими ценностями и новациями – предмет исследования начинающего прозаика.

Книга Х. Шаваева свидетельствовала о стремлении молодого автора рассказать о волнующих его вопросах, разобраться в противоречиях современности, донести до читателя свой взгляд на различные общественные проблемы, и в ней же был сделан первый шаг к освоению темы выселения балкарского народа. Впоследствии определяющей творчество Хасана Шаваева и как писателя, и как публициста.

В 1972 году увидела свет книга повестей Х. Шаваева «Ач эшикни – менме» – «Открой двери – это я», в которую, кроме одноименной, вошла повесть «Уллу жел» – «Большой ветер» – о первых комсомольцах села. Повесть «Открой двери – это я» носит автобиографический характер. Главный герой ее проходит все испытания, выпавшие поколению писателя в период войны и в годы депортации. Необходимо отметить, что тема сиротства достаточно полно отражена в балкарской прозе. В повестях А. Теппеева, З. Толгурова, Ж. Токумаева и других рассказана не одна драматическая история судьбы сироты. И за каждым художественным повествованием стоит личный опыт автора, его детские впечатления, рассказы старших, плач матерей и горе стариков.

В 70-е годы Х. Шаваев много и плодотворно работает в жанре повести. Тематически они многообразны и охватывают почти весь круг проблем, разрабатываемых балкарской литературой этого периода. Так, повесть «Глаза земли» (1976) посвящена проблемам аульной жизни и состоит из двух сюжетных линий – «производственной» и военной. В произведении отразились как позитивные начала, так и слабости в развитии так называемой «деревенской прозы» литературы советского периода. Х. Шаваев далек от создания пасторали, но идеализация сельской жизни как оазиса национальной культуры, хотя открыто и не декларируется, ощущается на многих уровнях развития основной идеи.

В «Глазах земли» писатель создал запоминающиеся образы сельских жителей, для которых смыслом существования является укрепление колхоза наравне с личным благополучием. Писатель, следуя идеалам своего времени, ставит общественное над личным. Эта идея претворяется в образах положительных героев, которые и в семье, и среди друзей и, конечно, на колхозном объекте думают, прежде всего, о процветании родного села. Но главное – Х. Шаваев убедительно демонстрирует свой возросший профессионализм, показывает себя мастером словесного портрета, весьма убедительного в деталях и речевых характеристиках героев.

Три повести автора: «Последний день недели», «Асият» и «Повесть, найденная в сундуке», составившие сборник «Повесть, найденная в сундуке», – объединены темой депортации балкарского народа.

Нравственно-этические нормы в жизни балкарского народа в селе автор преломляет через судьбу братьев: судьбы Харуна и Сафара – основа сюжета повести «Ыйыкъны ахыр кюню» – «Последний день недели». В ней Х. Шаваев выступает как мастер психологического портрета. Герои повести: Сафар, Мадинахан, Харун, Маоиям и др. – выписаны с максимальной степенью достоверности, каждый из них имеет свой индивидуальный облик.

Повесть продолжает тему депортации балкарского народа. Судьба Сафара в какой-то степени необычна и одновременно типична. Многие балкарцы, как и герой повести Х. Шаваева, возвращаясь с фронта инвалидами, находили вместо дома пепелища и оставшихся без матери детей. Писатель показал жизненную стойкость, верность своего героя долгу и жизненным принципам.

Повести и романы Х. Шаваева, посвященные трагедии балкарского народа, отличаются сдержанностью чувств героев, их нравственной чистотой, наполнены светлой надеждой и оптимизмом. Эта тема наиболее полно раскрыта в его повести «Асият», в которой героиня не в состоянии соединить мягкость и родственные чувства с принципами партийной жизни, требующей бескомпромиссных решений ради общего дела. Асият стоит перед трудным нравственным выбором: может ли она выдать брата, если он изменил воинскому долгу? Партийная дисциплина обязывает ее жертвовать всем ради достижения социального прогресса. Но как женщине переступить вековые обычаи и приглушить чувство кровного родства ради ложно понятой партийной солидарности? Асият не способна справиться с этой задачей; автор, подвергая героиню жестоким моральным испытаниям, в конце концов осуждает ее. Это – урок не только для тех, кто прошел подобные испытания судьбы, но и порицание общественной морали: ничего не может быть ценнее человеческой жизни, никакие

гуманистические идеи не должны быть достигнуты средствами, направленными на подавление личности.

«Повесть, найденная в сундуке» – фактически, продолжение повествовательных линий предыдущих произведений, некое условное расширение созданного ранее литературного универсума Х. Шаваева: многие герои перешли в нее из предыдущих текстов писателя, сведя их в единое эпическое полотно с цельными и обогащенными сюжетными линиями. «Повесть, найденная в сундуке» продолжает трагическую историю, начатую в «Асият»; главную героиню роднит с Асият их жизнь в одинаковых трагических обстоятельствах – война и депортация народа. Но у каждой из них своя неповторимая судьба, свой мир. Схожесть их заканчивается общими внешними признаками.

Надо сказать, что балкарская литература с первых своих шагов с особым вниманием обращалась к судьбе и жизненному предназначению женщины-горянки. Это было обусловлено объективными обстоятельствами исторического пути балкарского народа.

Роль женщины в обществе сильно трансформировалась в XX веке. Передовые общественные деятели начала века боролись за социальную активность горянки, опираясь на принципы общеевропейской эмансипации. Однако этот процесс в условиях России еще больше усложнил положение женщины: она, по сравнению с прошлыми эпохами, теперь имеет все оговоренные конституциями свободы, но пути для гармоничного ее существования, когда все социальные функции обеспечиваются адекватными условиями жизни, во многом не найдены и сегодня.

Во время социальных и политических потрясений усиливался характер ее социальной и индивидуальной зависимости. Этот процесс в Балкарии в отдельные периоды истории принимал всеобщий характер – в годы депортации балкарского народа, когда мужчины были на фронтах Отечественной войны, все бремя экономических, физических и моральных испытаний ложилось на хрупкие плечи женщин. Повесть Х. Шаваева выделяется среди произведений балкарской прозы на тему депортации тем, что более внимательно исследует основы этой загадочной силы, оказавшейся способной вынести нечеловеческие страдания, на которые обрекли народы вожди государства. Выжить в этих условиях равносильно подвигу, но спасти детей и стариков от голодной смерти и при этом сохранить в их сердцах надежду – это под силу, видимо, только горской женщине, закаленной среди суровых гор.

Историки, оперируя «большими цифрами», говорят о невозполнимых человеческих потерях, исчисляя их десятками тысяч, и при этом эти тысячи, не имея конкретного личностного аспекта,

«теряются» в потоке фактов и цифр. Такова особенность человеческой психологии: безликие тысячи не вызывают эмоционального напряжения и сочувствия. Но история жизни и души отдельной личности, как отметил в свое время Л. Толстой, занимательнее истории целого народа. Этот гуманистический принцип лежит и в основе художественной повести Х. Шаваева, посвященной судьбе одной из тысячи типичных женских судеб, – балкарки Пилжан. Трагедия народа, раскрытая через судьбу одного человека, более убедительна, и Х. Шаваев предстал в этой повести как мастер художественной индивидуализации персонажей. Герои реалистичны и в словах, и в действиях, и драматизм горького признания Пилжан: «С каждым днем я все больше и больше сожалею о том, что пришла в этот мир», – читатель ощущает итогом собственного жизненного опыта.

Рост мастерства Х. Шаваева-повествователя с каждой книгой становится все ощутимее. Если первые его шаги в литературе были связаны с преобладанием описательности, с рассказами о различных событиях и личностях, направленных на усиление читательского интереса, то последние два десятилетия он в своих повестях и романах стремится дойти до сути и причин драматических событий в жизни народа.

Вехой в творчестве Х. Шаваева является книга избранной прозы «Свора» (1996), которую составили одноименный роман и две повести: «Тузакъ» – «Силки» и «Сау адамны сын ташы» – «Надгробный камень живому». Как и в предыдущих повестях, в этой книге основная тема – отражение в судьбе главных героев трагических страниц истории народа.

Глубиной психологизма отмечена повесть Х. Шаваева «Тузакъ» – «Силки», а если учесть, что здесь в экстремальных условиях раскрываются особенности детского мышления и мировосприятия, то ценность повести значительно возрастает. Такое углубление в психологию героев продиктовано необычным содержанием произведения. Так случилось, что в день выселения балкарцев две девочки: двенадцатилетняя Зубай и семилетняя Лиза – остались в ауле. Отец девочек воевал на фронте, мать уехала накануне депортации в Нальчик. Фаризат оставила дочерей на попечение соседки. Страшное горе застало аульчан врасплох. Рано утром, когда девочки еще спали, жители села были погружены на грузовики и отправлены на железнодорожную станцию. В этой суматохе соседка Фаризат – Хауа – вспоминает о детях только в дороге, когда никакая сила не может повернуть машины обратно.

В прологе повести – страдания молодой женщины, матери Зубай и Лизы, которая, словно раненая птица, мечется по камере. Ее вместе со всеми балкарцами, находящимися на базаре, задер-

живают, как преступников, и отправляют на выселение. Сцена в камере – ключевая. Она дает понять, как много людей в этот день теряет своих близких, и многим из них, как известно читателю из документальных источников, не суждено было вновь увидеть свои семьи. Редко кто из задержанных имел возможность попасть в тот эшелон, куда были погружены его родные. Народ был расселен в нескольких республиках Средней Азии и в Казахстане. Документальные факты из хроник выселения свидетельствуют, что по той или иной причине в день депортации – 8 марта 1944 года – в аулах были забыты одинокие, больные старики и старухи. Потом их находили растерзанными одичавшими собаками, оставшимися после выселения балкарцев.

История, рассказанная в повести Х. Шаваева, из того же порядка. Но она усугубляется тем, что дети не могут понять, что произошло. Старшая из девочек воспринимает происходящее как необъяснимую катастрофу. Не найдя логического объяснения происходящему, Зубай внушает младшей сестренке, что они видят сон. На возражение Лизы, как же они вдвоем могут видеть один и тот же сон, она находит убедительные для девочки аргументы. Но сама, сразу повзрослев, берет на себя ответственность за жизнь не только младшей сестры, но и оставшихся без присмотра животных. Пока хватает сил, она кормит скотину, доит коров, успокаивает кошек и собак. Вскоре дети погружаются в атмосферу вселенского страха, охватившего животных – над аулом нескончаемый плач покинутой живности.

Апокалиптические картины схождения в единое целое миров человека, животных и первоначального, исконного зла практически полностью определяют эмотивный фон произведения, но вместе с тем повесть несет заряд жизнеутверждающей энергии, что выражается в философской концепции автора о необходимости сохранения человеческого достоинства при любых обстоятельствах. Этим объясняются и поступки многих персонажей, причастных к судьбе детей: спасая маленькую Лизу, рискуют собственной жизнью Хасанбий и Сусанна. И в универсуме Х. Шаваева они не могут поступить иначе – повесть проникнута мыслью о единстве мироздания и судеб двух маленьких девочек. Спасение их от верной гибели приравнивается к спасению жизни на земле.

В произведении Х. Шаваева сплелись притча и философские размышления автора. Традиционные мифоэпические мотивы фольклора наблюдаются на нескольких уровнях повествования – во внутренних монологах героев, в их диалоге, лирических отступлениях, в построении сюжета.

Значительным событием как в творческой судьбе Х. Шаваева, так и в балкарской прозе конца XX века явился роман «Сво-

ра» – «Ит жыйын». Здесь автор прослеживает судьбу героев на протяжении более чем 80 лет. Этот долгий путь и череду испытаний для всех персонажей. Жизненный путь таких, как Солман, считающий себя хозяином жизни, – пример того, как легко потерять возможность жить достойно. Сюжет романа «Свора» проецируется на современные общественные явления. В нем зримо обозначены происходящие процессы социальной, имущественной и психологической дифференциации, расширяющие параметры социального неравенства.

В 1998 году Х. Шаваев завершил новый роман «Черная чума», состоящий из двух частей – «Холодный ветер» и «Рассвет». Писатель поставил перед собой задачу: рассказать о жизни аула «Жангы Эл» на примере жизни нескольких поколений. Первые главы романа повествуют об основателях нового аула, волею судьбы покинувших родные селения и начавших свою жизнь с нуля. Первые страницы романа полны идиллических сцен: Асланука и Жумай с братом помогают друг другу в сооружении построек, в налаживании жизни на пастбищах... Однако тогда же между ними начинают зреть конфликты. Писатель невольно создает модель зарождения классового общества: простое уважение воспринимается Асланукой как подчинение, а материальное преимущество

С л е в а   н а   п р а в о: Халимат Гилова, учительница СШ № 2 г. Тырныауз; Хасан Шаваев; Анатолий Парпара, профессор Московского государственного университета культуры и искусства, поэт

создает иллюзию превосходства над соседями. Жумай и Асланука, являясь антиподами, символизируют два начала и стоят у истоков будущего противостояния в романе. Потомки Аслануки несут отрицательную энергию, Жумай – положительную. Вокруг этой антитезы развиваются последующие события.

Современность, рождая новые социальные проблемы, заставляет интересоваться прошлым. Этот интерес значительно возрос в связи с ростом национального самосознания. Читателей интересует не только история страны, но и своего народа, аула и фамилии. Писатели, работающие в жанре эпической прозы, чаще обращаются к теме депортации балкарского народа, у которой есть определенные сложившиеся традиции. К сожалению, уже имеются и штампы, и схемы, необходимость преодоления которых очевидна. Все же следует подчеркнуть, что современное состояние общества диктует писателям осмысление горизонтов будущего, поскольку государственная идеология не поспевает за развитием социальных преобразований. В этом деле большая ответственность ложится на творческую интеллигенцию, которая в драматические периоды истории выступает и провидцем, и воспитателем. Это обстоятельство закономерно породило в литературе появление темы социально-нравственных исканий. Творчество Х. Шаваева последних лет – пример органического соединения этих двух проблемно-тематических секторов.

Диалектика реалистического исследования бытия и характера человека в творчестве Х. Шаваева воплощалась вначале в небольших повестях, по мере становления мастерства – в крупных прозаических произведениях (романы «Свора» и «Черная чума»). Система правдивых образов обусловлена народными представлениями о добре и зле, о праведности и грехе, о свободе и ответственности перед обществом. Творчество Х. Шаваева художественно совершенствовалось от одного произведения к другому: повести и романы писателя новы тематически, их герои общительны и каждый раз открывают новые страницы психологии народа. Они воспринимаются как основа жизни, в них сконцентрированы многие проблемы и надежды общества.

Проза Х. Шаваева лишена философских изысков, словесного украшения, она проста и сложна, как сама жизнь. Его герои – из глубин народной жизни, они живут одной жизнью с народом, говорят его языком. В то же время многое роднит их с героями произведений северокавказской прозы в целом. Все это позволяет говорить о том, что творчество Хасана Шаваева, являясь самобытным явлением балкарской литературы, гармонично вливается в общерегиональный процесс развития северокавказского словесного искусства.

ПИСЬМА ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ХАСАНА ШАВАЕВА

***

Дорогой Хасан, третьего октября 1978 года секретариат СП РСФСР принял тебя в члены Союза писателей СССР.

Сердечно поздравляю! Обнимаю!

*Кайсын Кулиев,
Москва*

***

Хасан Шаваев никогда не ограничивается изображением голго факта, даже если он сам по себе интересен, а доводит его до уровня художественного воплощения. Этим отличается всякий настоящий писатель от ремесленников.

*Борис Кагермазов,
народный поэт КБР
10/VII 1968 г.*

***

Для пожеланий счастливой жизни дорогому другу сердца моего, Хасану Шаваеву, даю я волю своему родному языку. Живи долго, душа моя, поздравляю!

*Маштай Кудоев
28/VIII 1982 ж.*

***

Ассаламу – алейкум, Хасан-жан!

Прочитал твою книгу «Последний день недели», вышедшую на русском языке. В том, что все три повести, вошедшие в книгу, взяты из жизни, нет никаких сомнений. Эту книгу сейчас читает моя супруга. Очень ругается, мол, зачем ты дал мне такую тяжелую книгу, не могу сдержать слёз.

Хасан-жан, эту твою повесть «Последний день недели» думаю перевести на узбекский язык, если согласен, дай мне знать.

*Султон Акбари,
народный поэт Узбекистана
1990, Ташкент,
ул. Композиторов, 6*

***

Дорогой Хасан!

Прочитала твою повесть «Последний день недели», ты настоящий писатель, настоящий человек. Здоровья, благополучия, спокойствия, душевного равновесия. Пусть сбудутся все твои заветные мечты. Всегда хорошего настроения, дорогой Хасан! Спасибо, за твоё творчество.

*Лайпанова Зарият,
учительница, КЧР*

***

Здравствуйте, Хасан Исмаилович!

Посылаю Вам две новые песни на стихи Кайсына Кулиева, по тематике они всем очень понравились. Думаю, что понравятся и Вам.

Кстати, я Вам очень благодарна за сборник песен Омара Отарова. Спасибо за хлопоты.

*Фатимат Токова,
композитор
Карачаевск, 12/IV 1988 г.*

***

В жизни с любой стороны приходится трудно: растить детей, вести дом, хозяйство, всякие домашние дела отнимают много времени. Но у меня всегда находилось время для творчества. Свои первые «пробы пера» относил писателю Хасану Шаваеву. Что бы я ни написала, что бы ни сказала – он никогда не оставлял без внимания, не подрывал веры в себя, всегда вдохновлял на дальнейший творческий процесс. Хочу выразить ему своё почтение и благодарность за всё!

*Зухра Занибекова,
основатель киностудии «Къууанч»
13/VII 2002 г.*

***

Мы, ученики восьмилетней школы Верхней Балкарии, поздравляем Вас с днём рождения! К нашему душевному поздравлению присоединяется наша любимая учительница, Баллиева Роза Баразовна. Перед всем народом и под этим ясным небом, живите как Луна, как Солнце, цветите – как весенние цветы, трудитесь долгие годы на благо отечественной литературы.

*Верхняя Балкария
15/XI 1990 г.*

***

Дорогая редакция!

Мы, читатели газеты «Коммунизмге жол», прочитали отрывок произведения Хасана Шаваева «Повесть, найденная в сундуке», опубликованный в июле этого года. Нам очень понравилось. Очень просим по возможности опубликовать и остальные части повести.

*Текеева Зухра, Жаппуева Фатимат, Узденов Ибрагим
Кичибалык, 27/IX 1988 г.*

***

Дорогой друг-дос Хасан!

Горячий привет Вам из Казани!

Большое Вам спасибо-рахмат, что Вы перевели и напечатали мой очерк «Парни из легенды». Я получил два экземпляра газеты. Ещё раз большое спасибо, дорогой друг Хасан-дос!

*Самет Шакир,
народный писатель Татарстана*

***

Дорогой Хасан!

Высылаю тебе перевод повести «Последний день недели», в 1 экземпляре.

«Глаза земли» я уже тоже перевел. Осталось отпечатать на машинке. Это я сделаю после возвращения из командировки. 25 апреля еду в Свердловск и Тюмень. Значит, где-то в мае тебе вышлю вторую повесть.

Желаю тебе всего хорошего. Обнимаю.

*Володя Дагуров
Москва, 2/IV 1986 г.*

***

Хасан, салам алейкум!

Как ты, душа моя? А мы с Зейтуном Зокаевым, с тех пор как вы нас проводили, отдыхаем здесь на курорте в Подмосковье. Никак не подумал бы, что здесь могут быть такие красивые места.

Если бы у меня был талант, как у тебя, я бы рассказал тебе про всю красоту этих мест.

*Исмаил Отаров
Москва, 12/VII 1982 г.*

***

Салам Алейкум, Хасан!

Получил твоё письмо. Я очень рад, что ты сдал кандидатский минимум по философии и по иностранному языку. Ты молодец! Сообщаю, я очень рад быть твоим научным руководителем.

*Бабаев Нуредин Гасанович,
писатель, доктор филологических наук, профессор
Баку, 2/IX 1966 г.*

***

Уважаемый Хасан!

Желаю успехов в творчестве и крепкого здоровья. И чтобы мы когда-то встретились опять, вспомнили «Литгазету»!

*Айварис Калве
Рига, 30/IX 1972 г.*

***

Дорогой Хасан!

Всё помнится, всё хранится в душе – твоя земля, твои друзья, наша поездка.

Счастья и успехов тебе в Новом году!

*Анатолий Хорунжий,
народный писатель Украины
Киев, 29/XI 1972*

***

Дорогой Хасан, Салам Алейкум!

Я не успел перевести свой очерк о Кайсыне Кулиеве на русский язык. Меня «случайно» отправили на с/х работы. Примите мои извинения и переведите своими силами. Вы же хорошо знаете наш язык. Маштай Кудает сейчас находится на жайлоо, я не смог с ним встретиться.

*Совет Урмамбетов,
народный поэт Киргизии
Фрунзе, 1973 г.*

***

Уважаемый Хасан Исмаилович!

Приветствую Вас! Я закончил переводить рассказы киргизских писателей, жду Ваши подстрочные переводы.

*Степанюк Борислав Павлович
Киев, 18/XII 1999 г.*

***

Дорогой Хасан-жан!

Получив твоё письмо, безмерно обрадовался! А то, что ты написал обо мне статью, да ещё и опубликовал в балкарской газете, несравнимо ни с чем. Показал статью многим нашим писателям, похвастался. Спасибо, брат. Пусть Всевышний подарит тебе долгую жизнь и нескончаемые радости. Семье, друзьям передавай большой привет от меня.

Что нового в творческой деятельности? По возможности вышли мне одну-две свои книги. Хочу перевести на свой родной язык. Я, потомок каракалпаков, могу с легкостью перевести любое произведение с балкарского языка.

Не так давно мне присвоили звание «Народный писатель Каракалпакии», о чем с радостью сообщаю.

*Аденбий Тажимуратов
Нухзе, 1999 г.*

***

Дорогой Хасан Исмаилович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой.

Подошлите мне, пожалуйста, в редакцию журнала «Дружба народов» одну-две книги своих – можно на родном языке – с автографами для нашего подшефного Нурека: «Интернациональной дружбинской библиотеке на Нурекской ГЭС им. Л. И. Брежнева от автора...» и т. д.

О нашей уникальной коллекции книг с автографами, которая насчитывает сейчас уже более 13 800 томов, Вы, видимо, слышаны. О ней много пишут и говорят, даже кинофильм снят. По мнению специалистов ЮНЕСКО, она не имеет себе равных в мире. Есть в ней и книги большинства литераторов Кабардино-Балкарии...

Итак, дело за Вами! Очень жду! Заранее благодарю Вас! Всего Вам самого-самого доброго!

*Искренне Ваш, Сергей Баруздин
Москва, 16/III 1983 г.*

***

Дорогой Хасан!

Сердечно поздравляем тебя – замечательного писателя балкарского народа, друга, коллегу, человека большого мужества и

Хасан Шаваев в семейном кругу

большой судьбы с 60-летием! Желаем здоровья, мира и благополучия, много новых высококачественных книг!

*Саид Чахкиев,
народный писатель Чечни и Ингушетии
Назрань, 1998 г.*

***

Ассалам алейкум, Хасан Исмаилович!

Надеюсь, все живы-здоровы, с дозволения Аллаха? Как здоровье твоей супруги, Розы?

Как поживает Камал Бапинаев, которого я люблю, как брата?

Хасан Исмаилович, в жизни не забуду дни, проведённые на вашей родине – всей семьёй провели чудесное время. А наши рассказы о Вас, о красотах Кавказа наверняка слышала уже вся Киргизия.

На сегодняшний день у нас нет никаких проблем, кроме тоски по Вам и по Кавказу. Всем, кого мы знаем, в Верхней Балкарии, на Чегемских водопадах, в Баксанском ущелье, тем, кто тепло встречал и принимал нас в Нальчике, и в особенности Бапинаевым Камалу с Назифой, – отдельный салам!

Поверишь, если скажу, что прочитал «Последний день недели» на балкарском языке?! «Молодость» и «Матери» тоже пою на балкарском.

Надеюсь на следующую встречу уже в Киргизии.

*Убайдулла Амираев,
доктор медицинских наук
Фрунзе, 14/1 1987 г.*

***

Салам Алейкум, Хасан Исмаилович!

Выражаю Вам искреннюю признательность за внимание к моей рецензии, которую Вы любезно поместили в своей газете. Дорогой Хасан Исмаилович, как Вам известно, в Нальчике вышла монография профессора И. Х. Ахматова, которая лингвистами, занимающимися синтаксисом, встречена с большим интересом. Эта работа – первая в тюркологии, где синтаксис рассматривается с семантической точки зрения. И мне очень приятно, что работа Ахматова является пионерской, о чём свидетельствуют отклики ведущих советских лингвистов. Например, журнал «Вопросы языкознания» заказал рецензию на эту работу. Очень хорошую рецензию на эту работу написал член-корреспондент АН СССР Б. А. Серебренников. Рецензия в ближайшее время будет опубликована в этом журнале. Я написал рецензию, которую посылаю Вам в надежде, что Вы не откажете мне помочь с публикацией. Всё же очень приятно, что такую хорошую работу написал наш земляк И. Х. Ахматов. Конечно, такое знаменательное событие должно быть отмечено в печати.

Я заранее прошу прощения, что она написана на русском языке. Всё дело в том, что терминология карачаево-балкарского языка ещё не развита, и поэтому я не мог написать на балкарском.

До свидания, до скорой встречи!

*С уважением, Алий Чеченов,
доктор филологических наук
Москва, 1983 г.*

Достойный писатель двух народов

По случаю 105-летия поэта Керима Отарова мне посчастливилось побывать на родине великих балкарцев Кайсына Кулиева, Керима Отарова, Танзили Зумакуловой, Хасана Шаваева... Я был вдвойне счастлив, так как они все по воле судьбы десятки лет жили и творили у нас, в Кыргызстане, поэтому после балкарского народа и мы считаем их своими поэтами, писателями.

Из их произведений мы узнаем про трудности 40-х и 50-х годов, выпавшие на долю не только балкарцев, но и киргизов. Ясно вырисовывается братство двух народов, которые, поддерживая друг друга, выживали в военные и послевоенные годы.

Великолепный балкарский поэт, мой большой друг Аскер Додуев за три месяца до поездки предложил перевести повесть «Западня» Хасана Шаваева, к его восьмидесятилетию. Ознакомившись с повестью, я легко и с огромной благодарностью, на одном дыхании перевёл ее на киргизский язык. Так я узнал, прочувствовал трагическую депортацию балкарцев, которые, очутившись «на чужбине», приобрели вторую родину – Кыргызстан, став братским народом для киргизов. Простыми, но искренними словами Хасан-ага через судьбы своих героев сумел отразить всенародную трагедию и победу своего народа в судьбоносный период. Преклоняюсь перед его талантом!

Мои прекрасные друзья-поэты Муталип Беппаев и Аскер Додуев, при участии великой Танзили, познакомили меня с Хасан-ага. Совершенно простой и человечный, по-восточному мудрый и в совершенстве владеющий киргизским языком, аксакал покорила абсолютной искренностью чувств, братским отношением ко мне. Я, в свою очередь, почувствовал себя его младшим братом, даже родным. Он с большим уважением и с благодарностью вспоми-

Кыргызский писатель Айдарбек Сарманбетов дарит Хасану Шаваеву национальный головной убор

нал свои молодые годы, прошедшие у нас, в Сузакском районе Жалал-Абадской области, одноклассников средней школы «Орто Азия», друзей по работе, по перу. Только человек с такой широкой душой и искренней любовью может написать столь великолепные произведения! Через них читатель испытывает те же высокие чувства и становится чистым, человечным, народным. Хасан Шаваев поистине достойный продолжатель своих великих предшественников – К. Кулиева, К. Отарова, А. Кешокова.

Я, как человек творчества, считаю, что 80-летие – это не только юбилей Хасана Шаваева, а большое событие в многогранной балкарской литературе. С юбилеем, уважаемый наш аксакал!

*Айдарбек Сарманбетов,
кыргызский писатель, переводчик,
лауреат многих международных премий*

***

Салам алейкум Аскер-ага! Как поживаете? Я выпустил номер журнала «Түрк дүйнөсүнүн адабияты» (Литература тюркского мира), в основном посвященный балкарским классикам (главное Х. Шаваеву). С моим предисловием опубликованы повесть Хасан-ага, потом – стихи К. Отарова, К. Кулиева. На заметку: К. Кулиева переводили я и Жээнбай Турк, остальные в моём переводе (наверное, потяну в академики). На обложке портрет Хасан-ага. В журнале также турецкие, казахские, узбекские, алтайские и киргизские писатели, поэты. Так что встретимся в Туркестане.

*Ваш Айдарбек
и редакция журнала «Жаны Ала-Тоо»
Бишкек, 26.08.17 г.*

***

Каждый раз, читая произведения Хасана Шаваева, убеждаюсь в том, что он – писатель, ниспосланный свыше, по великому велению Всевышнего начавший свой творческий путь. Взгляд у него остёр, язык – богат, сочен, мысли глубоки, а образы, которые он создаёт, – из ярких красок, с многогранными переливами.

Его юмор – юмор в чистом виде, но даже юмор ни в коей мере не умаляет тревоги, с которой говорит Хасан, не развеивает её, словно окутанную пеленой печали, а именно служит этой тревоге. Такого умения нет у многих других писателей. Такой талант приходит только самыми высокими, самыми крутыми дорогами.

Чтобы ухватить и оседлать этот талант, нужно и самому быть достойным, быть на одной высоте с ним.

Какую бы книгу Хасана ни взял в руки, будь то «Последний день недели», «Тузакъ», «Конак-хаджи», «Собачья свора» или «Повесть, найденная в сундуке», во всех них бьётся сердце нашей земли, светит солнце нашего неба, раскрывается наша история.

Хасан Шаваев пишет только об испытанном лично, о вещах, которые осознано его сердце, а в этом не может быть лжи, хитрости, что делает связь с читателями еще ближе. Все написанное им заставляет человека задумываться, размышлять, проживать судьбы героев, дает возможность сопереживать им, радоваться их радостям. Даже названия его книг сеют в наших сердцах семена доверия, веры и, самое главное, любви, а какие плоды они дадут, покажет время. Известно ведь, что из пшеницы – пшеница, а от тигра – тигренок рождается. И это так.

К верности Отечеству, любви к родной земле и мужеству перед врагами призывает всё творчество Хасана. Не ограничиваясь призывом, приводит наглядные примеры. В том, что он в любой сложной ситуации не оставит тебя одного, всегда будет твоим попутчиком, поддерживая как близкий друг, будет вести, не давая нигде споткнуться, – нет никаких сомнений. Уровень национального самосознания Хасана настолько велик, что какое бы произведение ты ни взял для примера – все они вдохновляют стать истинным сыном своего народа.

В том, что он – народный писатель, ни у кого не возникает никаких сомнений. Голос любви и верности через его голос будет стоять наравне с нашими вечными горами. Всё творчество Хасана Шаваева является одной из стен в основе отечественной литературы, и эта стена настолько нерушима, что ей не страшны ни ветры, ни даже бури перемен.

Есть такое выражение: «Когда видишь типчак, не спрашивай, какая земля, когда видишь румяную женщину, не спрашивай, каков муж». И это выражение как нельзя лучше подходит Хасану. Действительно, обаятельный человек, глубоко видящий писатель, человек, у которого хватит мужества с уверенностью говорить о важных вещах, невероятно цельная личность, наш Хасан, будь рядом с нами долгие годы!

*Аскер Додуев,
народный поэт КЧР,
главный редактор журнала «Минги-Тау»*

Николай ШИКОВ,
доктор филологических наук, профессор
Кубанского социально-экономического института

СЛОВО О ТЕМБОТЕ КЕРАШЕВЕ

(к 115-летию со дня рождения выдающегося художника)

Т. М. Керашев

Метельно-снежный вечер декабря 1965 года... Зайнаб Ибрагимовна Керашева пригласила меня к Темботу Магометовичу Керашеву, который после знакомства с моей статьёй «Шичепшин» («Скрипка»), опубликованной в газете «Социалистическэ Адыгей», ныне «Адыгэ макъ», изъявил желание побеседовать со мной, молодым тогда исследователем его творчества. Я шёл на эту встречу с тревожным чувством человека, ожидающего серьёзную критику недочётов и неточностей авторской интерпретации, а что

ещё хуже, неверной оценки идеи, выраженной маститым писателем в одном лишь этнографическом рисунке, коих в его романе «Дорога к счастью» было великое множество. С трепетным чувством незрелого юноши, хотя к тому времени за моими плечами уже были и суровые годы службы на флоте, и работа в качестве секретаря райкома комсомола, я перешагнул порог квартиры на втором этаже дома в центре Майкопа. Меня сразу же поразила скромность убранства. Вокруг ничего лишнего, особенно в прихожей, а чуть дальше – кабинет писателя, заставленный стопами книг, различных журналов и огромным количеством исписанной бумаги. Листами с текстами, частью напечатанными на машинке, старенькой и неказистой, чёрного цвета, незаметно возвышавшейся над всем, что находилось в каком-то непонятном, на первый взгляд, беспорядке на столе (гораздо позже я убедился в том, что моё скоропалительное мнение было крайне ошибочным, так как каждый листик у Тембота Магометовича занимал изначально определённое место). Другие были исписаны чернилами, но даже невооружённым взглядом было видно, что почерки на них сильно разнились – одни листы были заполнены бисерно-мелкими буквами с непривычным для человека, пишущего правой рукой, уклоном в левую сторону (Тембот Магометович из-за жестокого физического недомогания освоил письмо левой

рукой), а остальные были исписаны правильным каллиграфическим почерком, обладателем которого, как впоследствии выяснилось, была его верная спутница и сподвижница Зуза Исхаковна, долгие десятилетия записывавшая под диктовку тексты новых художественных произведений, постоянно поддерживавшая его и вынесшая с выдающимся писателем не один удар тяжёлой судьбы, связанный то с искусственно созданной проблемой авторства (почти как с М. А. Шолоховым), то с необоснованными обвинениями в «зажиме» молодых творческих сил, то в «оторванности от реальной действительности и её идеализации», да мало ли ещё в чём могли обвинить завистники талантливого человека? Зависть многомерна и многолика. И так всю долгую жизнь, прожитую в ежедневном изнурительном труде, долгую жизнь, заполненную нечеловеческим *преодолением* не только ударов недоброжелателей, но и невыносимо тяжёлого собственного недомогания. И всё это даже при том, что он был обласкан властью предрежащими и в России, и в крае, и в области. По прошествии многих лет оценивая прошлое, я не могу не прийти к парадоксальному выводу о том, что встречи с высоким начальством нужны были не столько Темботу Магометовичу, сколько самим руководителям, в то время крайне, на мой взгляд, нуждавшимся в прикосновении, а может быть, и в приобщении к славе выдающегося национального писателя, чьё уважение и чей авторитет были практически недостижимы для партийных и советских чиновников. Ведь после выхода в свет исторических рассказов, повестей и романов адыгского писателя он стал пользоваться поистине всенародной любовью. И единственным исключением из всего этого на моей памяти был, пожалуй, Нух Асланчериевич Берзегов, бывший тогда первым секретарём Адыгейского обкома КПСС. Он искренне чтит талант и творчество великого художника слова, дружески опекал его и в минуты радости, и в часы невзгоды. Да и Сергей Фёдорович Медунов, бывший тогда первым секретарём Краснодарского крайкома КПСС относился к писателю любовно, обращаясь к нему на «ты», и называя просто – Тембот.

Прошли годы... Это были годы частых моих встреч с писателем, продолжавшихся более двадцати лет, во время которых мы много говорили о проблемах развития адыгских литератур – адыгейской, кабардинской, черкесской. Меня всегда поражала осведомлённость Тембота Магометовича, не только его доскональное знание творчества близких ему по возрасту деятелей культуры и литературы братских народов – Хачима Теунова, Заремука Кардангушева, Аскерби Шортанова, Алима Кешокова. Так же глубоки и разносторонни были его познания литературного и культурного контента, создававшегося представителями молодого

поколения писателей, литературоведов и литературных критиков. Я имел честь познакомиться Т. Керашева с некоторыми из них – с Мусарби Сокуровым, Адамом Гутковым, Еленой Губашиевой, Юрием Тхагазитовым. Впоследствии они стали известными учёными, докторами филологических наук. Были и другие, не столь счастливые – безвременно ушедшие из жизни черкесские учёные Михаил Мижаев, Фуад Китов, да и многие другие. Время неумолимо...

На дворе уже на исходе второе десятилетие XXI века, ознамено-

ванного в жизни нашей страны продолжением острых проявлений различных коллапсов и их последствий как в социально-экономической, так и в культурной жизни общества, находящегося ещё в стадии становления тех новых мировоззренческих постулатов, которые были продекларированы с «высоких трибун высоких залов» почти три десятилетия назад. Если учесть, что на обсуждение и осмысление «новых демократических путей» развития страны ушло столько времени, не приходится удивляться тому, что и весь мир, после развала и падения Советского государства, вступил в эпоху тотальной переоценки ценностей. Многие традиционные принципы существования человеческого общества – социально-экономические, политические и культурные – превратились в архаику и нуждаются в кардинальных реформах, либо в значительной корректировке. Бесспорно и то, что в условиях, когда будущее человечества из-за непрерывных экономических и социальных подвижек представляется довольно шатким и непредсказуемым, на передний план общественной жизни выступает Человек как социумная личность, несущая в себе все загадки и ответы, заложенные в самом Будущем. Вполне естественно, что в этих критических для всего человечества условиях особую роль в общественной жизни начинает играть гуманитарное сознание, ориентированное на индивидуальное «я» человека и его многообразные связи с социальным и культурным контекстом эпохи. И, конечно же, это, прежде всего, художественная литература, имеющая возможность оказывать непосредственное эмоциональное воздействие на читателя через систему художественных образов.

Именно в такие переломные эпохи наиболее востребованными оказываются личности, несущие в себе ту искру таланта,

которая позволяет им быть не просто живыми свидетелями, а летописцами, анализирующими эти исторические события, и воссоздающими их в ярких художественных образах. Зачастую сама действительность требует появления талантливой личности, которая будет способна справиться со столь нелёгкой задачей. И эпоха революций и гражданских войн, которыми ознаменовалась первая половина прошлого, XX столетия, требовавшая глубокого и многогранного осмысления, в различных регионах нашей страны выдвигала на передовые рубежи общественно-политической и культурной жизни наиболее одарённых людей.

Известный болгарский учёный, исследователь психологии литературного творчества Михаил Арнаудов отмечает, что «... талантливые личности не появляются безразлично где на земном шаре и в какую угодно эпоху, а только в странах и обществах, где население проявляло на протяжении веков сознательный интерес к *духовным ценностям*». В прошлом столетии накопленный в Адыгее потенциал эстетической и мировоззренческой креативности реализовался сразу в целой плеяде деятелей искусства, и одним из них был Тембот Магометович Керашев. Судьбой было предначертано, что именно он, на протяжении нескольких десятилетий находившийся в мейнстриме социального бытия народа, воссоздаст в своих ярких произведениях картины противоречивого становления новой жизни в адыгейском ауле с 20-х – вплоть до 80-х годов XX века.

Есть, наверное, глубокий философский смысл в том, что именно он стал первопроходцем в тяжелейшем процессе художественного осмысления происходивших на его глазах больших событий, и в том, что именно он, Тембот Магометович Керашев, заложив основы письменной культуры на национальном языке, стал основоположником адыгейской литературы. За довольно короткий исторический срок адыгский писатель стал явлением, в творчестве которого с наибольшей полнотой нашла отражение преображённая жизнь народа. Романы «Дорога к счастью», «Состязание с мечтой», «Куко», «Одинокий всадник», многочисленные рассказы и повести, созданы трудом и талантом выдающегося Мастера с 20-х по 70-е годы, несмотря на тяжелейшую болезнь, сопровождавшую художника всё это время. Его публицистические статьи, посвящённые культуре, обычаям, быту адыгов, стали всеохватной летописью жизни современников. Своих героев писатель находил среди людей, загоревшихся романтикой революционных преобразований, «без страха и упрёка» боровшихся против тех, кто, на их взгляд, мешал утверждению новых идеалов. А победив, не щадя себя, закладывал невиданные до того социально-экономические основы будущей жизни. Они, герои Т. Керашева, в жестокой борьбе против фашизма отстаивали свободу и независимость нашей

страны, а затем из руин подняли разрушенное хозяйство, заново отстроили сожжённые города и сёла. И, памятуя о реальной истории страны, невозможно не удивляться тому, откуда у молодых национальных писателей, чьё творчество ещё только становилось на ноги, бралась горячая вера в будущее, какая неведомая сила подвигала их на свершение подвигов? Но ведь не будь этой веры, убеждённости в правоте дела, которому они начали служить, отдавая ему всего себя без остатка, не родились бы на страницах их романов те прекрасные образы новых людей, которые, силой своего эмоционального воздействия на юношей, стали гордостью не только национальной, но и всей литературы огромной страны.

Литературный музей Тембота Керашева (филиал национального музея Республики Адыгея)

Начальное формирование личности Керашева-человека и Керашева-художника шло в так называемое «смутное время» – эпоху империалистических войн и социальных потрясений, в годы гражданской войны, что бесспорно не способствовало претворению в жизнь его страстного желания – во что бы то ни стало получить образование. Как показало время впоследствии, только оно, образование, и дало возможность будущему писателю приобщиться к идеям прогрессивной творческой интеллигенции России, припасть к животворному роднику адыгского устнопоэтического народного творчества и русской классической литературы, позволило ему соизмерить «свои мысли и поступки с высоким предназначением служения своему народу». Но на каком поприще? Тембот Керашев, будучи от природы одарённым и талантливым человеком, уже имеющим высшее образование (что в те годы среди адыгов было явлением далеко не ординарным), мог бы сделать карьеру в любой области общественно-политической или же социально-экономической жизни. Новая эпоха, с первых же дней продекларировавшая идею

национального возрождения всем без исключения народам России, впервые давала ощутимую, а не призрачную надежду на него.

Но оно невозможно было бы без обретения письменности, а затем и собственно национальной литературы, которую позже в литературоведческой науке справедливо отнесут к *новописьменным*. И с этой сложнейшей задачей успешно справился молодой адыгский писатель.

Новая эпоха требовала новых героев – носителей новых идей и положительных качеств характера. Главной ценностью того времени без преувеличения были новые люди, заряженные безграничной преданностью революционным идеям. И молодой художник посвящает всего себя решению центральной задачи – созданию образа положительного героя новой эпохи. Так возникают образы Биболета, Доготлуко, Нафисет (роман «Дорога к счастью»), Шумафа, Сасы, Саиды и Наташи (роман «Состязание с мечтой»), Куко (роман «Куко»).

Однако примечательно, что эстетическое мышление Керашева никогда не было монохромным, полностью подчиненным доминирующей идеологии государства. Несложно заметить, что одновременно с образами героев-современников Тембот Керашев создаёт и героев прошлого, его художественное мышление редко локализуется в какой-то одной эпохе и оперирует своеобразными нарративными бинарами. Эти параллели проследить очень легко: роман «Дорога к счастью» и повесть «Дочь шапсугов» на русском языке хронологически созданы почти в одно время, роман «Состязание с мечтой» и исторические повести и рассказы – практически на одном временном отрезке, романы «Куко» и «Одинокий всадник» – примерно в одно время. Кажется, писатель сознательно соблюдает эти параллели для того, чтобы более глубоко показать нравственно-эстетические истоки того духовного богатства, которым наделены его герои, особенно женские образы: Нафисет и Амдехан; Сас, Даус, Саида и Гулез; Суанд и Куко.

Являлся ли Тембот Керашев ортодоксальным коммунистом-писателем, и не отражалась ли ортодоксальность его убеждений на творческих принципах? На том, как он изображал народ, находившийся под двойным гнѐтом – иноземных захватчиков и «собственных» угнетателей? Думается, что нет. В конце 40-х и в 50-е годы творческая интеллигенция находилась под усилившемся идеологическим прессингом, в сфере литературы актуализированным в форме доктрин и постулатов социалистического реализма. Исчерпавший себя ещё в первые десятилетия Советской власти, не способный к трансформации и к середине прошлого века превратившийся в ряд сухих догм, соцреализм становился серьёзным тормозом, мешавшим становлению и развитию новых

творческих сил. И изображение духовного богатства, положительных качеств адыгов в произведениях о современности могло быть воспринято как восхваление собственного народа в ущерб другим, а для всемогущих в те времена органов от такого обвинения перейти к обвинению в пропаганде националистических идей было лишь делом времени. Таким образом, национальная творческая «интеллигенция была поставлена в тяжёлые нравственно-психологические условия: или надо было доказать собственную лояльность, или самому взойти на эшафот». Конечно же, Тембот Керашев, оставаясь убеждённым, но не ортодоксальным, коммунистом, искал возможности, с одной стороны, не изменять своим принципам в изображении простого народа: его внутреннего мира, духовного богатства, мужества, системы ценностей, связанных с *адыгэ хабзэ*, с другой – не оказаться обвинённым «в политической близорукости». И писатель, обратившись к жанру исторической прозы, достойно выходит из сложной ситуации, так как о своём народе начинает писать в ретроспективе, что давало ему возможность совместить несовместимое, и хоть в какой-то степени освободиться от идеологического диктата.

Ещё при жизни признанный классиком адыгской литературы, первый на Северном Кавказе лауреат Сталинской, позже – Государственной премии СССР, кавалер многих правительственных наград, автор произведений, вышедших миллионными тиражами на многих языках, обласканный властью, Тембот Керашев был доступен каждому, кто хотел его видеть, будучи ортодоксальным (это слово уместно здесь – *К. III*) бессребреником. Так, через его руки прошли первые произведения почти всех адыгейских писателей и поэтов – Киримизе Жанэ, Дмитрия Костанова, Юсуфа Тлюстена, Аскера Евтыха, Аскера Гадагатля, Адильгирея Уджуху, Мурата Джанчатова, Сафера Яхутля и многих других. Кто-то из них сложил голову на фронтах Великой Отечественной, кто-то от ран умер сразу после войны, а кто-то ушёл из жизни спустя многие годы. Всех их выдающийся художник вспоминал с болью в сердце, и в этом – истинное величие Керашева-писателя и Керашева-наставника. Ведь если на нашу историю, полную векового трагизма и страданий, посмотреть глобально, становится очевидным, что сегодня адыги сохранились как этнос во многом благодаря творчеству таких выдающихся деятелей национальной литературы и культуры, как Тембот Керашев – великий художник, безгранично преданный своему народу, никогда не щадивший себя и воспевший в своих бессмертных произведениях мужество, отвагу, духовное богатство и красоту адыга-труженика, и при этом остававшийся настоящим интернационалистом и патриотом своей многонациональной Родины.

Инна КАЖАРОВА,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
ИГИ КБНЦ РАН

АДАЛЬБИ БРАЕВ: НАБРОСКИ К ПОРТРЕТУ

Так сложилось, что июль связал дату рождения и дату ухода адыгского поэта, писателя и журналиста Адальби Галимовича Браева (1937–2005). В этом году ему исполнилось бы 80 лет.

Рефреном его образа в воспоминаниях современников звучат слова *человечность и скромность*. В интонациях, которые хранят его произведения, проступает ломаный переход от выразительной проникновенности до необъяснимой отрешенности. Его путь в адыгской литературе повторяет путь его лирического героя: беспощадная искренность самораскрытия в начале, а далее – тихие попытки уйти в тень...

«Свет в окне» (1963) – книга, с появлением которой в адыгской литературе зазвучало имя Адальби Браева. Молодой возраст и взыскательность, которой был отмечен ряд вещей, вошедших в сборник, рождали соотношение, способное многое поведать о творческих притязаниях автора и о его стремлении им соответствовать. Возможно, будет излишним сказать, что и в имени автора также воплощалось некое соответствие.

Многим еще памятливы те времена, когда в национальной среде бытовала манера перекраивания кавказских имен, зачастую сложных для произношения, носителями иной ментальности. Иногда, успешно минуя какие-либо созвучия, исконное имя полностью вытеснялось другим, более «понятным». Метаморфоза произошла и с именем нашего героя, однако здесь изменения несли обратный смысл.

При рождении он получил звучное, богатое культурными ассоциациями, правда, несколько нехарактерное для адыгов имя Александр. Будучи уже взрослым человеком, – это был период его успешного вхождения в творческую среду газеты «Ленинский путь» (ныне «Адыгское слово»), – он сменит его на более гармоничное для адыгского слуха – Адальби. И судя по всему, поступит

А. Г. Браев

так не из собственной прихоти. По мнению коллег, принадлежность к родной культуре проявлялась в нем настолько цельно, что груз иных ассоциаций делался избыточным. Как повествует об этом Борис Мазихов, гармония была восстановлена с легкой руки Бетала Курашинова: «Как же мы будем звать Шурой истинно адыгского парня? С сегодняшнего дня ты – Адальби». Смена имени осуществилась в строгом соответствии адыгским обычаем: нарекаемому была преподнесена так называемая *цIэфIэцI джанэ* – рубашка, которой одаривал тот, кто давал имя.

Редакция, в которую, после республиканского издательства «Эльбрус» устроился Адальби Браев – сначала корреспондентом, затем заместителем ответственного секретаря – стала местом его работы надолго. Последние годы окажутся связанными с детским журналом «Нур», и именно детская книжка явится последним прижизненным изданием Браева. Поэт, прозаик, журналист; в его творческой копилке будут стихи, поэма о войне, переводы поэзии адыгского зарубежья, прозаические произведения, в частности, повесть «Сумеречные колокольчики» и рассказы для детей. Всего двенадцать книг, четыре из которых – в переводе на русский. В их перечне видна соразмерность поэзии и прозы: «Свет в окне» (1963), «Неожиданная встреча. Рассказы» (1964), «Чафиш и Шауей. Рассказы для детей» (1966), «Иду к тебе. Стихи» (1975), «Мечта. Стихи и поэмы» (1976), «Бег времени. Стихи и поэмы» (1976), «Зеленая улица. Стихи» (1978), «Сумеречные колокольчики. Рассказы и повести» (1980), «Душой и сердцем. Рассказы» (1982), «Душой и сердцем. Избранное» (2000), «Удивительная встреча. Рассказы» (2003), «Неожиданные встречи. Рассказы» (2005).

И все же символом его творчества стал «Свет в окне». Об этой книге по сей день вспоминают с восхищением. Следом за ней, в 64-м, вышел небольшой сборник «Неожиданная встреча» – детские рассказы в замечательных переводах М. Эльберда на русский. Появление их друг за другом говорило о том, что эти вещи вынашивались и прорабатывались одновременно. «Писать детские книжки можно только с легким сердцем: от изумления, от упоения настоящим...» – слова современной российской поэтессы Веры Полозковой могут послужить точным комментарием не только к мотивам создания детских произведений, но и к той стороне личности Адальби Браева, что определяла его внутреннюю опору. Его рассказы живут этим чувством упоения настоящим, – дар, бережно перенесенный им из детских лет, выросший на увлекательных рассказах стариков – соседей по родному селению Шалушка. И важен не возраст аудитории, которой адресованы рассказы «Неожиданной встречи», а то, как их

совершенно незамысловатый строй воскрешает даже во взрослом человеке доверчивую зачарованность ребенка.

Думается, что с годами произведения для детей, живые, непосредственные, становились для писателя некоей отдушиной. С ними он и сам возвращался в тот мир, где он замороженно слушал рассказы стариков. Можно себе представить, сколь значим, сколь живителен был этот сказочный мир для ребенка, чьи первые отчетливые воспоминания о себе пробивались сквозь мрак военного времени. Среди этих воспоминаний – отъезд отца на фронт. Он запечатлен со слов самого писателя в очерке Хачима Кауфова «Тень друга, или Свет в окне поэта»: «Память детства часто возвращала его в тот грустный день, когда они, мальчишки села, бежали по пыльной дороге за пароконными подводами, увозившими их отцов в Нальчик для отправки на фронт. Галим, его отец, находился в замыкающей колонну повозке, и Адальби бежал впереди всех сверстников, радуясь тому, что в отличие от них, все еще может видеть отца. Но, выехав из села, подводы покатились быстрее, и пацаны вскоре отстали. Адальби показалось, что отец что-то прокричал ему на прощанье. Уже сам будучи в солидном возрасте, он продолжал сокрушаться, что не расслышал тогда, о чем кричал ему отец, которого он никогда больше не увидел». Одно из стихотворений его первой книги будет посвящено памяти погибшего отца. Это «Завещание» – монолог оставшегося на поле боя солдата, обращенный к товарищу. Безысходный удел, тяжесть могильной земли, стойкая вера души в победу – привычные для этой темы мысли и образы – значимо дополнены глубокой тоской отцовского сердца по своему ребенку. Он просит о том, чтобы выживший товарищ когда-нибудь смог передать его дочурке сорванный с его могилы цветок: «Отец твой возвращается с цветами, / До возвращения его не плачь...»*.

Год рождения Адальби Браева – 1937-й, стало быть, войну он встретил четырехлетним мальчишкой, и события, искалечившие судьбы целой страны, поглощают весь период его детства. По образному выражению Мусарби Сокурова, «война стала частью биографии поэтов, которые закалились в ее огненном горниле». Адальби Браев и его сверстники, среди которых Зубер Тхагазитов, Петр Мисаков, Кашиф Эльгар, Борис Кагермазов, Петр Кажаров, Лиуан Губжоков – дети воинов-победителей. Много испытавшие, они бесконечно горды своей страной, ее великим триумфом, но непосредственными победителями, непосредственными участниками сражений выпало быть не им. С одной стороны – обуслов-

---

* Здесь и далее по тексту статьи цитаты из произведений А. Браева приводятся в наших подстрочных переводах. – *И. К.*

ленный самой историей патриотический оптимизм настроений, которые пронизывают литературу конца 50 – середины-конца 60-х, с другой – неизбежность отличий, реализованных в сознании следующих поколений. Будто компромисс между тем и другим в искусстве, появляются формулировки «напряженное чувство времени», «ответственность перед временем» и т. п. Самосознание героя, его индивидуальные черты в поэзии тех лет проявлялись очень взвешенно, очень продуманно и осторожно, и на этом фоне Адальби Браев был необычен.

Безусловно, творческий дебют Браева был связан с выходом сборника «Свет в окне». Однако отдельные его произведения появлялись в печати еще раньше, с середины 50-х. На поэтические опыты начинающего автора обратил внимание Бетал Куашев, в то время ответственный секретарь литературно-художественного альманаха «Къэбэрдей». Так первая публикация Браева – лирическое стихотворение «Парень черноглазый, если б ты был рядом» – состоялась в рубрике «Новые голоса» альманаха за 1955 год.

В 1957 году его стихи в переводе на русский были включены в сборник молодых кабардинских поэтов «Голос горной реки», опубликованный в Москве. Произведения, вошедшие в «Голос горной реки», в том же году издаются в Нальчике, в сборнике под названием «Молодые голоса».

Со дня выхода его первой книги своеобразность Адальби Браева не остаётся незамеченной. В республиканских периодических изданиях, в сборниках литературно-критических статей появляются отзывы и заметки о нем. Нельзя сказать, что они многочисленны, но по ним можно отследить пунктир его творческой судьбы. А еще можно убедиться, что среди голосов поколения, заявившего о себе в начале 60-х, его голос различался отчетливо. Степень требовательности к нему была соответствующей. Находилось место и похвале, и жесткой критике. Причем, в последнем случае нередко были замечания по поводу диспропорции в его творчестве вещей высокохудожественных и спорных. Не вдаваясь в психологические или иные причины нарушения пропорций, да и вообще возникновения каких-либо неровностей в общем объеме произведений художника, вспомним лишь, что мера таланта и мера требовательности к нему всегда определяются в соотносительности с культурным контекстом, а сам контекст яснее всего и объективнее всего «видится на расстоянии».

Это был период, когда под влиянием художников старшего поколения в искусстве господствовал пафос преодоления внешних преград, безостановочного движения, напряженное чувство ответственности перед временем, – черты, отражавшие идеал героического человека, утвердившегося в годы прошедшей войны.

Высоко чтимый идеал, возникший на гребне тяжелого исторического испытания и его преодоления, задает канон литературе послевоенного периода. Художественные величины, способные приблизить к атмосфере, сопутствовавшей появлению первой книги Адальби Браева, определяются даже через заглавия сборников, вышедших за короткий временной отрезок с середины 50-х по начало 60-х: «Восхождение» (1959), «Дорожные стихи» (1961) Адама Шогенцукова, «Язык птиц» (1959) З. Налоева, «Иду в гору» (1960), «Эхо весны» (1963) З. Тхагазитова, «С восходом солнца» (1958), «Солнце над Дзалукой» (1961) К. Эльгара, «Быстрина» (1967) Б. Кагермазова и ряд других. Легко увидеть, что, за редким исключением, как зрелые, так и начинающие авторы утверждали культ направленного движения и светозарности.

По названию первая книга Браева также казалась «светозарной». Но интересно то, что свет ее обращен все же не во внешний мир, а вглубь души героя, это всего лишь элемент его самораскрытия. И если сегодня оценивать браевского героя на фоне культурного контекста, – то по сравнению с его смелостью и беспощадностью самораскрытия все остальное покажется не важным. Диспропорции и шероховатости в том числе.

Есть нечто знаковое в том, что начало творческого пути Адальби Браева было связано с именем Бетала Куашева. Отдельные произведения Куашева обнажали мир внутренних переживаний настолько, что своей откровенностью вызвали нарекания критики, еще не привыкшей к исповедальным глубинам интимной лирики. Ни эпоха, ни адыгский этикет, под влиянием которых формировался поэт, еще не были готовы к принятию некоторых его откровений.

Немного отступив от основной линии наших размышлений, подчеркнем, что в творческой среде поколения, к которому принадлежал Адальби Браев, трудно отыскать того, чей путь не озарил бы свет таланта и отзывчивой души Бетала Куашева. В адыгской литературе немало обращенных к нему посвящений, но авторство самого проникновенного из них принадлежит Адальби Браеву. Всего лишь четыре строфы, но переживания, эмпатия автора достигли в них поразительной осязаемости. Померкший майский день, в который не стало Куашева; боль осиротелости, которую переживает оставляемая им на земле поэзия – бессильно прислонившаяся к стене его дома роза с раскрасневшимися от слез очами; смятение, которой охвачена покидающая землю душа и мучительное желание ее утешить; огромный валун, извлеченный из могильной ямы – метафора пережитых страданий ушедшего...

Безусловно, степень самораскрытия художника во многом определяется характером его идеала. С ним бывает связано либо желание строго соответствовать каноническому образу сильной

личности, либо потребность отразить в творчестве дисгармонию внутренней жизни. Идеал Куашева был синтетичен, при всем наборе рифмующихся с духовными предпочтениями времени качеств героя, в нем уже чувствовался образ типического человека. И степень его самораскрытия, если можно так ее определить, не картинная, не ориентированная на соответствие канонам.

Судя по всему, именно подобный тип лирического самораскрытия был близок мироощущению Адальби Браева. Тем не менее, есть что-то странное и неожиданное в том, что молодой поэт, на момент выхода первого сборника едва перешагнувший свой 25-летний рубеж, решается вывести к читателю героя, не просто внутренне подавленного и дисгармоничного, но соприкоснувшегося с губительными сторонами бытия:

*Денежный долг, ресторан, бокал спиртного.
Дорога топкая, дорога вниз ведущая!
Свидетелем многих слез ты была,
Теперь и мне открытой стала.*

«Свет в окне»

Свет – стержневой образ произведения, давшего название всему сборнику, но если бы автор сам не выбрал такое заглавие для своего стихотворения, читатель, скорее всего, и не догадался бы о ключевой роли этого концепта. Дело в том, что свет присутствует в стихотворении косвенно: на шесть строф приходится лишь два его появления, и в обоих случаях они совершенно лишены характерной для эпохи интенсивности и характерного для эпохи смысла.

Опосредованно «тема света» вступает в произведение сразу же, с первых строк, через образ ресторана. Это свет, внедренный в «систему ценностей» того губительного мира, в пределы которого вступил герой. Повторим, что показанный Браевым свет отмечен в своей направленности не во внешний мир, а непосредственно к лирическому «я». То есть первостепенным оказывается не стремление к преобразению окружающего мира, что было принципиальным на предшествующих этапах развития адыгской поэзии, а поиск равновесия в мире внутреннем.

Свет желанный, спасительный, явлен в предпоследней строфе через образ горящего в ночи окна, он также сохраняет свою камерность, ограниченность, на этот раз – пределами дорогого сердцу пространства, – это «правильный свет», который «задерживается» в окнах «правильных друзей»:

*Хорошие друзья, выстоявшие, Бытия
Подолгу обдумывают смысл.*

*Я смотрю неотрывно, радуясь их
С наступлением темноты светящимся окнам.*

Но это не радость обретения внутренней гармонии, преодоления себя или внешних преград, венчавшая, как заветная цель, все деяния героического человека, это радость за тех, кому повезло выбрать верный путь.

Нет необходимости лишней раз говорить о том, что образ пути значим в любой художественной системе, а в поэзии 1940–50-х гг. особенно. Для героического человека ценно лишь пространство преодоления, символом же безусловной победы является достижение героем самой вознесенной точки этого пространства и озаренность его светом. Но для типического человека образ пути становится отражением внутреннего конфликта, внутренних метаний, поисков себя. Надо сказать, что путь героя Адальби Браева и в других произведениях не лежит в небо, никогда не направлен на преодоление вершин; сложный, вызывающий сомнения, противоречивый и опасный, он проложен по земле: «Дорога топкая, дорога вниз ведущая!» – путь совершенно немислимый в пределах поэтической рефлексии Алима Кешокова, Бетала Куашева, Адама Шогенцукова и любого иного представителя плеяды ведущих поэтов послевоенного периода.

Несколько претенциозное определение творческого портрета Браева, сформулированное писателем Борисом Мазиховым – «адыгский Есенин», в свете подобных «отступлений» отнюдь не обосновательно. Настроение, которым овеян изображаемый им ландшафт, характерная поза героя – устало прислоненного к придорожному дереву, мотив загубленной молодости, присущий поэзии последних лет Сергея Есенина, действительно создают ряд легко узнаваемых ассоциаций:

*(И) я, не зная куда повернуть,
К дереву, стоящему у начала дороги, прислоняюсь.*

*Как пальцы рук, тропа
Передо мною множится.
На топкую дорогу сошедшие мои друзья
Утомили мою душу манящими за собой руками.*

*Я мечтаю о другой судьбе,
Другую сложную тропу придумать.
Я тоскую об этом, и живу этой надеждой,
А иначе, к чему мне жизнь!*

Вместо преодолеваемого пространства, с которым ассоциируется героическая личность, типический человек открывает читателю пространство переживаемое. В начале 1960-х, когда

сверстники Адальби Браева в согласии с канонами все еще господствующего идеала «восходили в гору», его герой был озабочен спасением своего пути через спасение своей души.

Показанные в финале стихотворения обрушивающиеся горы, погребаящие под собой множество неизвестных троп – образ, в котором нашла место и переосмысленная национальная специфика канонического пути героя кабардинской поэзии, и доведенная до драматизма тема осознания Браевым своего места в традиции.

Идеалу Браева близок обычный человек, пусть в чем-то ослабленный, но всегда движимый надеждой: «Моя надежда никогда не иссякнет» – утверждает он в одноименном произведении. Можно сказать, что надежда – наиболее ценностно окрашенное из спектра переживаний поэзии Браева, но чем именно является то основное, на что устремлено это переживание, всегда остается невысказанным, и, судя по всему, едва ли это основное сводится к одному лишь служению поэзии. Кстати говоря, уязвимый в своей открытости герой стихотворения «Свет в окне» в дальнейшем больше не появится, во всех остальных случаях его страдания надежно спрячутся за самоиронией. Более того, со временем Адальби Браев попытается создать портрет совершенно другого героя, раскованного, искушенного. Об этом – стихотворения «Мужчины», «В краю похмелья», «Мир, охваченный поцелуями», «Шутка», «Мы еще живы» и некоторые другие, вошедшие в сборники «Иду к тебе» (1975) и «Мечта» (1976). Но только искушенность здесь явно надуманная, а внутренний мир лирического героя амбивалентен и эфемерен.

С годами становится очевидным, что глубокую исповедальность, изначально определившую его поэтическую интонацию, Адальби Браев предпочитает оставить в прошлом. В этой связи важно вспомнить еще об одном из ранних произведений. Это стихотворение «Наша мама». Оно во многом очень близко есенинскому «Письму матери». Исповедь, обращенная к маме, в обоих случаях является неким пределом искренности, на котором обнажается неоднозначность жизненного пути поэта и происходит раскрытие самого себя без прикрас.

Странность и непонятность в глазах обывателей рода занятий и образа жизни героя и попытка объяснить и оправдать этот образ «сгоранием» во имя искусства сливаются в одно сложное переживание:

*Твоего сына надежду
Будто сразило молнии стрелой.
Говоря тебе, почему люди берут грех на душу?!
Вином разгоряченный
в бессонную полночь*

*(То), Что в сердце творится, твой сын в песнях слагает.
Если седину твою робеть заставляя,
Сердце твое не будет терзаться,
Они будут приняты, они будут приняты.*

Мерой истинности его поэтического пути выступает не традиционное признание в глазах современников, эпохи, потомков и т.п., а материнская вера в него, что сродни есенинскому «Ты одна мне помощь и отрада, / Ты одна мне несказанный свет»...

Мотив признания обществом присутствует в произведении косвенно, через родительское благословение, и примечательно, что в тексте оригинала «принятие» его песен выражено словом с сакральным оттенком – «дурыс» – дозволенное религией и религиозной моралью. Родительская любовь как благословение его творчества.

Важно заметить, что, перекликаясь в своей исповеди с «надломленным» героем есенинской лирики, его герой не перерастает в бунтаря. Нет этого ни в стихотворении «Свет в окне», ни где-либо еще, хотя, конечно, он уже откровенно далек от еще довлеющих в современной ему литературе этико-эстетических установок.

Меньше всего этого героя занимает соответствие современным эталонам духовного совершенства, однако это не отрицает его сосредоточенности на духовных категориях, в частности, на философской оппозиции жизнь/смерть, о чем свидетельствует, хотя бы, неизменное написание им слова «Псэуныгъэ» («Бытие», «Жизнь») с прописной буквы. Да и как таковая необходимость введения в свой поэтический лексикон данного слова говорит сама за себя. Здесь надо отметить, что оппозицией к «Псэуныгъэ» в его текстах наряду с «лЭныгъэ» («смерть») выступает также понятие «ухыгъэ». Это авторский неологизм Бетала Куашева, успешно вжившийся в современный кабардинский язык. У него оно подразумевало два значения – «смерть» и «судьба». Те же значения вкладывает в него и Браев, однако с тем отличием, что «ухыгъэ» у него лишено драматического напряжения. Та же уравниленность чувствуется и в восприятии творческой судьбы.

Как для всякого художника, жажда отклика, размышления о дальнейшей судьбе своих творений были для него неизбежны. Мотив признания обществом и собственную эстетическую позицию Адальби Браев обозначил в стихотворении «Гуп махуэ». «Гуп махуэ» – приветственное выражение в адрес празднующей компании. Без какого-либо эмоционального надрыва и пророческих настроений он легко и просто набросал в нем сценарий своей творческой судьбы. Тема отклика проявилась сразу с двух сторон, как отношение к его творчеству читателя и как отношение к нему же собратьев по перу.

Внутренние установки художника, определяющие характер осознания себя в культурной традиции, были выражены через замечательный этнический сюжет – джэгу – игрище, знаковое в культуре родного этноса событие, в котором всегда участвует большое количество людей и соблюдается целый ряд предписаний:

*Подворачивая носок,
Выходя в центр круга,
Виртуозным исполнителем исламей
Хоть я и не кажусь,
У публики зевоту вызывающей
Предпочитаю не иметь заимствованной манеры исполнения.*

Стремление к индивидуальной творческой манере выражено предельно ясно, при этом восприятие собственного несовершенства лишено трагизма. Также не привносится трагизм в классическое отношение «поэт и его окружение». К законам игрища и его участникам Адальби Браев и почитателен и снисходителен, оттого обращается к ним с этикетным благопожеланием «Гуп махуэ!».

Но самое интересное – это читатель. Читатель был изображен так, что ощущался особый характер его связи с ним:

*Беря мои стихи
наклонившемуся любому,
Строк «темными» глазами я загляну в лицо.
В этом лице по мною увиденным приметам пойму,
если бесславный путь мне предначертан.*

Взаимодействие читателя с творениями поэта выражено в оригинале через оборот «зызыгъэщхъ дэтхэнэми». Трудно не заметить, что слово «зызыгъэщхъ» – «наклонившийся, склонившийся» – воссоздает не только образ склоненного над произведением, но и поклонившегося ему читателя. Иначе говоря, обращенность читателя к его творчеству сама по себе – своего рода одолжение, ведь именно она и предопределяет его дальнейшую судьбу.

У каждого свой сценарий творческой судьбы. Можно лишь сказать, что «выход в круг» Адальби Браева оказался запоминающимся. Уже в самом начале он сумел запечатлеть то, что составило удивительную проекцию его души. Какую драму скрывали ломаные переходы, изменившие в дальнейшем тональность его голоса, нам уже не узнать. И вряд ли сам писатель хотел бы, чтобы об этом знали. Ни в творчестве, ни в жизни он не был декларативен. Очевидно лишь одно: самое дорогое, самое лучшее, что может быть для его памяти – это читатель, склонившийся над его строками.

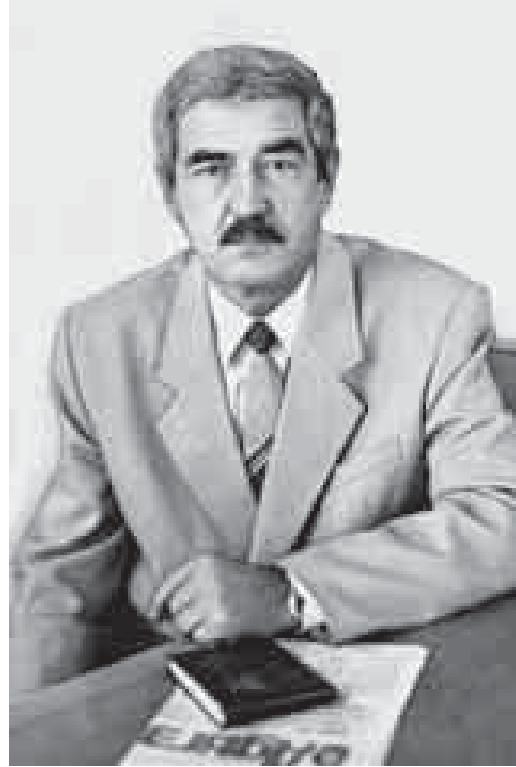
Адам ГУТОВ,
критик, доктор филологических наук,
профессор

«ЗЕМЛЯ КРУЖИТСЯ ВЕЧНО И НЕСЛЫШНО...»

В середине 70-х в кабардинскую поэзию вошла плеяда молодых талантливых литераторов, среди которых ярко звучал голос поэта Афлика Оразаева. И не потому, что он много печатался, издавал книгу за книгой. Напротив, сдержанность и ответственное отношение к каждой строчке сопутствовали ему всю жизнь. И то, что из всего написанного поэт удостоился вниманию читателей всего пять-шесть книг, – это признак чрезвычайной требовательности к себе.

Оразаев Афлик Пшемахович (1947–2016 гг.) родился в селении Верхний Куркужин. После школы отслужил в армии, затем поступил в КБГУ на отделение кабардинского языка и литературы. После 3-го курса он сделал решительный шаг и поступил на 1-й курс Литературного института им. Горького. После учебы вернулся в Нальчик, работал в газете «Адыгэ псалъэ», журналах «Іуащхьэмахуэ» и «Нур».

Принято говорить о постепенном становлении поэтического мастерства, а затем о зрелости автора. Говоря об Афлике Оразаеве, сложно привести примеры его «незрелой» поэзии. Еще в 1974 году его стихи, опубликованные в коллективном сборнике «Первое слово», дали понять читателю, что в литературу пришел по-настоящему талантливый поэт.

А. П. Оразаев

*Мазэр щымц,
Тегъэхуауэ тхъэкІумэр,
Уэрэ сэрэ жытІэnum къыпоплъэ.
Жыгхэр щымц,
Къэгъэшауэ къудамэр,
Уэрэ сэрэ ди нэгум къыщІоплъэ...*

*Луна притихла,
Навострив ухо,
Ждет, что мы скажем.
Деревья притихли,
Изогнув ветви,
Они вглядываются в наши лица... (Подстрочник)*

Красота родной речи, романтический образ лунной ночи и тишины, смущенное молчание двух влюбленных почти зримо представляет нам поэт. Оказывается, не человек устремляет взор к небу, к луне, к деревьям – нет, это сама луна «навострила ухо», это дерево тянется изогнутыми ветвями, пытаюсь услышать сокровенные слова влюбленных. Выходит, не окружающий мир влияет на чувства людей, а чувства меняют этот мир, заставляя затихнуть и прислушаться.

Тишина, молчание – это не слова, случайно промелькнувшие в одном стихотворении. Это свойство поэзии Афлика Оразаева. Его стихам не присуща торопливость или выпренность. И вряд ли часто можно встретить в них хотя бы один знак восклицания. Тишина, вдумчивость, степенность – это и есть стиль поэзии Оразаева. И даже звонких согласных нет в его словах. Так дорожит он этим осязаемым образом тишины:

*У тишины прекрасной голос низкий,
У тишины прекрасной стать высока... –*

утверждает поэт, словно делится с ним своими тайнами само мироздание, которое вершит свой круг все так же тихо, но вкладывая в это неслышное кружение всю свою мощь.

*Тихо встает заря,
Солнце встает неспешно,
Тихо раскрылись почки,
Чистое чувство – неслышно. (Подстрочник)*

Поэзия – это высокая сфера, где одному из тысяч дано увидеть невидимое и сказать несказанное. Творчество Оразаева изобилует подобными примерами.

Вряд ли найдется поэт, который не посвятил стихов своей родине. Если говорить о кабардинской поэзии, – казалось бы, какими словами еще можно выразить это возвышенное чувство после строк Алима Кешокова о родной Шалушке, после потрясающих стихов о Тереке Зубера Тахагазитова, целой серии посвящений Заура Налоева бурной реке детства – Уруху. Но Афлик Оразаев находит такие слова для родного Куркужина. Как и подобает его стилистике, он не ищет высокопарных слов, не ставит знаков

восклицания. Он даже не говорит вслух о своей любви к малой родине.

*Что-то сердце твердит беспрестанно:
«Я устало, хочу в Куркужин,
У подножья двух старых курганов
Посидим и не станем спешить. (Перевод А. Пряжникова)*

Нет здесь бутафорских красот, а есть лишь чувства человека тонкого и ранимого, который мечтает вырваться из рутины каждодневных дел и снова очутиться в краю детства, где заботы были не заботами, а вся жизнь была впереди.

Певучесть – еще одна удивительная особенность строк Афлика Оразаева. Его стихи хочется читать напевно, как песню. Какой бы темы ни касался поэт, пусть это будет самая что ни на есть житейская тема, – он умудряется сплести воедино романтику и жизнь вполне обыденную.

*При свете вечернем игривые кони
Гарцуют, но прочь нашей грусти не гонят,
А сердце пронзает румяный закат.
Присядь со мной рядом, младший мой брат.*

(Перевод А. Пряжникова)

Картина заката настолько зримо предстает перед глазами, что кажется сном, или чем-то на грани сна и яви. Игривые кони – и грусть, румяный закат – но он пронзает сердце. Где она, грань между болью и радостью? Ее просто не существует для поэта. И потому напевная картина тихого заката – это не просто пейзажная лирика, это память о трагическом прошлом адыгов, о неразделимости горя и радости. На одних небесных качелях раскачиваются и этот закат, и табун игривых лошадей на его фоне, и горы, и годы... Все это уравнивается рефреном, в котором снова и снова повторяются слова: игривые кони, садящееся солнце, младший брат... Казалось бы, это классический прием для адыгской песни-плача – гыбзы, но нет, это вовсе не гыбза, поскольку она не вписывается в стилистику Афлика Оразаева. Радость через боль, мечта через реальность – вот его творческий прием.

Необычность поэзии этого автора еще и в том, что вещи самые обыденные, неприметные глазу, в его подаче вдруг обретают некий потаенный смысл и даже становятся по-особенному близки нашему сердцу.

Кому из нас не приходилось испытывать чувство сострадания к бездомным животным. Но то, что мимолетно для прочих, для Оразаева имеет свое толкование:

*Всю ночь
Воет собака надрывно.
Всю ночь собака
Воет на луну...*

Казалось бы, избитый штамп – собака, воющая на луну. Но здесь другое, здесь беззащитное существо взывает о помощи к тому, что недосыгаемо и холодно, что не услышит его никогда:

*Холодная и голодная,
Бродит по улицам,
И нет ей пристанища
Ни в одном углу...
...Вой собаки
Исчезает в небе,
Где не бывает дорог...
...Всеми брошена,
Стала бродячей,
Потому что не стала нужна никому... (Подстрочник)*

Мы, люди, эгоистичны в своем стремлении отгородиться от чужой беды. Слыша зов о помощи, мы спешим закутаться плотнее в теплое одеяло, чтобы не коснулась нас чужая забота. И не просто о бездомной собаке это стихотворение – оно об одиночестве одних и душевной глухоте других...

С тех давних пор, как явилась в мир Поэзия, предметом воспевания для нее стала Женщина. Разве есть хоть один поэт, не посвящавший ей пылкие строки? Чьи-то стихи остаются с человечеством веками, другие забываются на второй день. Не смею предугадывать, какая судьба ожидает творения Афлика Оразаева, однако, рассуждая о кабардинской любовной лирике, не могу обойти вниманием вот такие строки:

*Я вчера увидел девушку...
Земля шептала под ее ногами,
Листья радостно трепетали –
Я вчера увидел девушку!*

Вот опять – простые слова, даже немногословье, стихи с рефреном. Но как удается поэту тронуть нас практически без слов, заставить трепетать наши сердца, как бывает при чтении священной книги? Рефрен от частого повторения не теряет своей силы, напротив, волнение нарастает с каждым разом:

*Я вчера увидел девушку...
Улыбнулась слегка, заронив в мою душу надежду,*

*И исчезла, как призрак.
Я вчера увидел девушку. (Подстрочник)*

И все. Ни описания девушки, ни места встречи, ни других деталей. Но ведь случаются встречи, когда из тысяч лиц взор выхватывает одно, подобное глотку воды в знойный день, при виде которого трепещет сердце. Может, это и была судьба, почему-то прошедшая мимо?..

Мы часто склонны наделять высокими оценками всех подряд, независимо от того, кто и в какой степени заслуживает нашего восхищения. А когда доходит черед до настоящего таланта, то оказывается, что все хвалебные эпитеты выцвели от частого употребления. И мы не будем прибегать к высокому стилю, говоря о поэзии Афлика Оразаева. Но все же скажем с уверенностью, что это поэт, с которым кабардинская поэзия сделала еще один уверенный шаг в своем развитии. Поэт, который умел, говоря его же словами, «играть свою мелодию на своей гармонии».

Смею утверждать, что имя Афлика Оразаева будет звучать наравне с именами наших поэтов, пока жив наш язык и наша литература. Да, он не из тех, кто обласкан критикой. Да и сам Афлик был не из тех, кто любил выбегать в круг, быть на виду, говорить громко. Он всегда был степенным человеком, которому несвойственно было доказывать свою правоту или превосходство. Работал там, где ему предоставлялось рабочее место, и довольствовался тем, что имел возможность творить. Афлик знал, что жизнь бесконечна, Земля никогда не остановит свой бег, а пока она кружится – человечеству будет нужна Поэзия. Так и будет.

Высота

Взгляну наверх – и шапка падает...
Вниз гляну – и не вижу дна.
Вся жизнь между двумя громадами
Течёт в любые времена.

С Землёю сердце моё кружится,
А беспокойная душа
Стремится ввысь, где в Млечном кружеве
Миры далёкие дрожат.

Но вопрошаю я застенчиво
У трепетной души моей:
«А сможешь ли светить ты вечно мне
Во мраке неизвестных дней?

Ввысь, неизвестностью чреватая,
Таит не радость, а беду...»
Молчит душа моя крылатая,
С ответом медлит на лету.

А сердце бешено колотится:
«Ты там останешься ни с чем.
Живи, как в этом мире водится,
Без непредвиденных проблем».

Душа на это обижается
И снова ввысь меня влечёт:
«Ты свой покой меняй безжалостно
На вольного орла полёт».

К кому же мне теперь прислушаться –
К душе иль сердцу моему?..
И всё как будто в жизни рушится,
Но что мне делать, не пойму.

Ведь сердцу высоты не хочется,
Лениво гонит кровь оно –
Его покой и одиночество
Пьянят, как будто бы вино.

«Земля нам свыше предназначена –
Мы родились здесь и умрём...
Судьба не обделит удачами
Того, кто ценит отчий дом.

Бывают родники целебными
Лишь на отеческой земле –
На ней и вдоволь хватит хлеба нам
И жить теплее и светлей.

Тому ж, кто очагу родимому
Однажды небо предпочёл
В погоне за свободой мнимой,
В свой срок судьба предъявит счёт.

Приляг на землю ты цветущую,
Укройся неба синевой,
В душе пройдёт тоска гнетущая
И воцарится вновь покой».

Стучало сердце так размеренно –
Из ночи в ночь, день ото дня,
Вселяя радость и уверенность
В колеблющегося меня.

С тех пор я поборол сомнения
И выбрал твёрдо путь земной,
А сердца и души борения
Оставил в прошлом за спиной.

И в радость каждый шаг сегодня мне –
Восход встречаю и закат,
Бродя отцовскими угодьями,
Что охватить не может взгляд.

Святую воду родниковую
Пью из ладоней каждый день
И улыбаюсь чувству новому
И к новой вновь стремлюсь мечте.

Душа и сердце, вас навечно я
С землёй и небом примирил,
И только время быстротечное
Помедлить не уговорил.

Перевод Марины Ахмедовой-Колюбакиной

Отцовское поле

Дар отцовский всех даров дороже,
В нем моя надежда, мой оплот,
Лучшего наследства быть не может,
Этим чувством полон я и горд.

Нет цены отцовскому наделу,
Нашей жизни тоже нет цены.
На родное поле без предела
Смотрят восхищенные сыны.

И плоды по-прежнему прекрасны
Там, где предки побеждали твердь,
За спиною гор я вижу ясно
Тени их, отринувшие смерть.

Для адыга нет страшнее муки,
Коль в чужую землю сеять стал,
И пустеет поле, если в руки
Он берет отточенный кинжал.

От зерна чужого плачет поле,
Стонет, как от вражеских сапог,
Но захватчик ни огнем, ни болью
Наше поле покорить не смог.

Дай земле чуть-чуть – получишь вволю,
Есть такой неписанный закон,
Только если ты на отчем поле
Борозду продолжишь – верен он.

Плуг не брошен, значит, есть надежда,
Древний род продолжит древний труд...
Дождь о чем-то шепчет, как и прежде,
Радуги по-прежнему цветут.

Свобода

Хоть земля кружится вечно,
Хоть сияет ей Луна –
Наши сроки быстротечны,
Да и жизнь всего одна.

«Завтра» будет неизбежно.
В бездну кануло «вчера»,
Только множится орешник
На окраине двора.

Чем меня одарит груша?
Может, тяжестью плодов,
Может, веток мертвой сущью:
У предгорий нрав суров.

Пусть раздвинутый ветвями
Станет шире белый свет:
Я в долгу пред деревьями,
А в долгах свободы нет.

Саженцы, друзья-подруги,
Я осматриваю сад,
Принимая их недуги
Без разбора, все подряд.

Пусть они не знают жажды,
Цветом радуют глаза,
Чтоб Всевышнему однажды
Я осмелился сказать:

Я от веток глаз не прячу.
Жизнь свою делю на всех:
Если дерево заплачет –
Это будет тяжкий грех.

«Разреши прожить две жизни,
Уместив мне их в одной...
И свободным человеком
Удалиться в мир иной».

***

День прошел, и мысли не поспели
За бездушным шагом бытия,
И тогда, мне кажется, без цели
По своей земле блуждаю я.

Лунной ночью мгла легла неожиданно,
Отчего стал воздух, словно мел?
Сколько ни старался, но тумана
Я рассеять так и не сумел.

Вслед за днем наступит мрак и холод,
Вслед за ночью должен день прийти,
С ними иссякают мои годы:
Время не сбивается с пути.

Принести спешит мне новых знаний,
А потом, в бессоннице ночной
Ширится, и мучает, и манит
Бездна неизведанного мной.

Дерево всю жизнь не сходит с места,
Солнце ли ласкает, бьет ли град,
Или стужа пеленает с треском:
У деревьев выбор небогат.

Вдавливает корни в землю древо,
Сколько жизней множится на нем?

Как была б их летопись нелепа,
Не всходило б солнце день за днем.

Мои мысли будто бы в загоне,
Кружатся и утром, и в ночи...
Человечий разум не наполнить,
Как кисет былинной Малечипх.

И покуда в бесконечных муках
Я терзался думою своей,
Девушка из грез дала мне в руку
Яблоко незрелое с ветвей.

Надежда

Снова птицы запели на дереве,
И несут вместе с песней во двор
Все, чем счастлив я был, чему верил я,
Все, что я растерял с давних пор.

На карнизе проворная ласточка
Снова строит гнездо день за днем.
Прочь тоска, сомневаться достаточно,
Есть надежда, пока мы живем.

Жеребенок родился у лошади,
Ржанье гордое слышится нам,
И мне вспомнилось давнее прошлое,
Как я пас лошадей по ночам.

Вот опять разноцветная радуга
Ноги длинные свесила с гор,
И пронзила лучистой радостью
Мою душу и чистый простор.

Но прервался тот сон удивительный...
Сердце стынет в тумане густом,
Если б только я мог, то действительность
Заменил нескончаемым сном.

***

Плачет дождь серебряной прохладой –
Рыдает прохудившаяся высь.
Мне стать твоим зонтом сегодня надо,
И я тебе кричу: «Остановись!»

Мой крик взрывает небеса над нами,
Чтоб возвратиться молнией к земле,
Чтоб озарить поросшие лесами
Отроги – и пропасть в зеленой мгле.

«Остановись!» – дождь без конца и края
Вновь за твоей спиной смысл мой крик,
Назад вернуться я не умоляю,
А лишь прошу – остановись на миг.

«Остановись!» – опять мой голос тонет,
А дождь стучит о камень и металл,
И если б я догнал тебя сегодня,
Я б над тобой зонтом широким стал.

Ночные мысли

Днем коротким по зиме
Исчезает жизнь из виду,
Нет конца январской тьме,
Словно ночь, длинна обида.

Спит мой двор в ночной тиши,
Дремлет комната во мраке,
Лишь собака сторожит...
Ночью спать нельзя собаке.

И не слушать мне невмочь
Тиканье часов настенных,
Как бредут надежды прочь
Вслед за стрелкой постепенно.

Лишь часы о чем-то мне
Тикают без перебоя,
Даже в полной тишине
Нет ни сна им, ни покоя.

Глохнет улица во льду,
Нет ни возгласа живого,
А в моем пустом саду
Заблудился ветер снова.

Мысли утомили ночь,
Ну а мыслям нужно очень
Постараться превозмочь
Тяжесть этой зимней ночи.

И покуда ветер тут
Что-то кронам шепчет нежно,
Корни дерева живут
И в корнях живет надежда.

В эту ночь переплелись
И в коротком откровеньи
Стали тем, что значит «жизнь»,
И бессмертье, и мгновенье.

Переводы Александра Пряжникова

Тенгиз МАРЖОХОВ

ВЗРОСЛЯК

Рассказ

*Каждому свое,
свое не каждому*

По подвалу нужно было пройти два поворота, держать в кармане спички и беречь голову от низких потолков и перекрытий. Лампочки часто не горели, то ли перегорали, то ли... Дети вообще не задумывались над этим. Клацали выключателем перед спуском в таинственный подвал, куда убегали ступеньки и тонули в темноте, и если свет не падал на пыльный пол, делая его из черного серо-желтым, значит надо чиркать спичками, чтоб разогнать бабаек, чертей, шайтана, пока пройдешь два поворота.

За этими поворотами находилась площадка, размером с небольшую комнату. В нее выдавались три двери. Первая дверь – соседского подвала – никогда не открывалась. За ней была безмолвная тайна, так и не раскрытая детским любопытством. Вторая дверь была дверью нашего хозяйственного подвала. Внутри, из досок с остатками коры, громоздилась полка под соленья и компоты. Ящики под картошку и яблоки составлялись в редут. Отгородились ржавой металлической сеткой и укрылись под мешковину капуста и прочие овощи.

Закрома наполнялись нашим семейством впрок на зиму, как делали и все семейства города, проживающие в многоквартирных домах. С приходом весны и опустением закромов отец редко надевал шляпу с прилипшей паутиной и старый пиджак с испачканным известью плечом, чтобы спуститься в подвал. Мать переставала посылать нас, братьев, за чем-либо, и дверь хозяйственного подвала не открывалась до конца лета, пока в кухне не запахнет лавровым листом, укропом и уксусом, баллоны не выстроятся в шеренгу, а во дворе не подсохнет картошка.

Третья дверь была дверью технического чулана. Она открывалась чаще всего. Там лежали, а скорей стояли в углу, лопаты, тяпки, грабли. Но не поэтому чулан был востребован – мы с братьями хранили в нем необходимые подросткам вещи, которые домой не потащишь. Туда натаскивался хлам со всей округи,

и представлял он собой краеведческий музей современности. Чего там только не было: ёлочные игрушки, гирлянды и сама искусственная ёлка, старый фотоувеличитель, гитарный гриф, дырявый мяч, велосипедные шестеренки, хоккейные коньки, не знавшие льда, и прочее, прочее, прочее.

Когда погода не позволяла гонять мяч на стадионе, я спускался в подвал. Здесь собирались мои друзья-товарищи. Лампочка под потолком рисовала золотой обруч, с которого каплями апельсинового сока выжимался свет в подвальную темень. Мы могли что-то мастерить, красить, ремонтировать и плести свои подростковые очень важные разговоры. Здесь хозяйничали темнота и прохлада. Мы вторгались в их пространство, заставляли раздраженно клубиться потревоженную пыль. Бывало, канализация возмущалась шипением труб. Мяукнув и потонув в тишине, из темноты первобытным удивлением светились два огонька.

– Брысь!

Мы были подростками, в самом прекрасном возрасте, когда увлекает все вокруг, только не мир взрослых. Их ворчливый, постоянно поучающий мир порядком наскучил. Середина восьмидесятых, начало «перестройки», всё наглядно показавшее. Красные пророки завели страну куда-то не туда. Даже подростки это понимали. И прятались от красно-серой действительности по подвалам, гаражам, стройкам и пустующим детсадам, чтобы побыть самими собой, где верховодит романтика и подростковое рыцарство. Девочки не поработили ещё собой все мысли, не украли чистые мальчишеские души. Нам казалось, они созданы только для ябед.

Подростки играли на гитарах, пели песни. Тайком слушали рок-музыку, переписывали записи друг у друга. Пластинка или цветной плакат любимой группы стоили дороже чёрной икры. Другие усердно и тоже тайком занимались единоборствами, отрабатывали удары, растягивались, махали ногами. Очередь в новое популярное заведение – видеосалон, на фильмы Брюса Ли, тянулась, как за сливочным маслом.

Кто-то собирал значки. Кто-то марки. Я собирал кактусы, слушал Высоцкого и мечтал о велосипеде. Те, у кого он был, составляли высшую касту. Касту свободных людей, задорно летающих по району. Мне друг давал проехать на «Десне». Давал проехать круг по двору. А вообще кататься, держать равновесие я научился на «Зайчике», или «Бабочке», ещё в детском саду. Перед соревнованиями средних групп. Тряся руками, виляя рулем, я все-таки поехал, боясь отстать и быть отвергнутым велосипедным богом.

Как-то я принес в наш чулан найденную вилку от велосипеда. В углу давно подпирала стену рама. Мы разобрали все барахло, и кто-то из друзей сказал:

– Ты можешь собрать взрослояк. Рама и вилка есть. Я знаю, где взять колеса. Подарю тебе седлуху салютовскую.

– Подойдет?

– Точно подойдет.

Многие поддержали. Стали припоминать, где какие запчасти видели. Заработала «конюшня». Банка солидола и масленка, как солонка и перечница на столе, всегда были под рукой. Металлическая абракадабра – велосипедный ключ находил подходы ко всем винтам и гайкам. Сюда стали захаживать чуть ли не все подростки нашего квартала. Позывной, шаги, и из темноты появлялся соседский мальчишка, неся какую-нибудь втулку. Не откладывая в долгий ящик, консилиум решал, куда приспособить деталь. То, что не подошло, меняли на нужное. Главными советчиками были пацаны, имевшие велосипеды, опыт ремонта своих любимцев делал их специалистами. Их железные кони стояли тут же: «Салют», «Десна», «Кама», «Уралец». «Салют» – дорогой рысак, статусный конь. «Десна» и «Кама» – породистые надежные кобылицы. «Уралец» – неприхотливый, легкий и проворный, как кабардинский скакун. Гонцы уезжали поменять, купить, выпросить то, чего не хватало: цепь, pedalную звездочку, крылья... Как магнит притягивает металлические предметы, наш чулан притягивал велосипедные запчасти со всей округи. Зимой и весну крутилось колесо, мелькая спицами, работала «конюшня». Мой «Взрослояк» – с красной рамой, синей вилкой, зелеными крыльями – был почти готов. Не хватало только руля. Даже багажник прикрутили. Но руля не было. Неделю можно было кататься, летать по району, если бы не руль. И вот прибежал гонец.

– Есть руль! Правда, козловский.

– Как козловский? – не понял я.

– Ну... самодельный, как у американских мотоциклов, – раскинул пацан руки дугой.

– Зачем козловский? Не знаю... – засомневался я.

– Поставь пока такой, погоняй, потом поменяешь.

– Ладно. Тащи.

Выкатили «Взрослояк» из подвала на свет божий. Он был похож на линялого оленя, пошарпанный, разноцветный, с черными рогами. Позже можно было его покрасить, придать породистый вид. Но и так он был по-своему изящен и добротен собран. Барда-

чок висел под рамой, как офицерский планшет. Пацаны стояли довольные, как заправские механики: штаны в пыли, руки в масле. Кто-то протянул насос, я накачал колеса. Хотел было занести ногу, чтобы вскочить в седло... как появился, как черт из табакерки, старший брат.

– Оп-па-чки! А ну-ка, дай, я проеду!

Я не посмел возразить. Воспитанная кавказским менталитетом привычка не перечить старшим парализовала меня. Хотя в душе кольнула обида. Надо уважать чужой труд. «Свои стрелы каждый должен сделать сам», – говорили индейцы. Не успел я прийти в себя, брат выезжал со двора. Я проводил взглядом мой «Взросляк». Мы с друзьями присели на лавочку во дворе. Майский день смеялся, щекотал природу перьями солнечных лучей. Серые реки асфальта текли между домами, слезились смоляными пятнами. Облака собирались в гурты, как барашки, готовясь к вечернему дождю. Деревья и кусты танцевали под музыку ветра.

Вдруг мы услышали хохот. Снизу по улице во двор забежал брат со своими придурашными друзьями. Каждый нес какую-то часть «Взросляка»: руль, седло, звездочку с педалью, колесо восьмеркой. Я отказывался верить своим глазам. Они побросали все это в кучу, не переставая веселиться.

– Рама и всё остальное внизу, на углу улицы. Соберете потом. Там щя менты...

Брат выехал со двора и погнал «Взросляка» вверх по улице. Там его дожидались кенты, отборные балбесы нашего района. Они облепили «Взросляк», как саранча. Один прыгнул на багажник, другой примостился на раме, третий взгромоздился на руль. И вся эта конструкция покатила вниз по улице. Разогнавшись с горочки, гомонящий, улюлюкающий аттракцион вылетел на проезжую часть и без тормозов врезался в борт милицейскому «козлу». Все полетело кубарем, кувырком, спасаясь бегством.

Я не захотел собирать останки. Посмотрел на кучу металлолома и пошел прочь.

Артур КУРАШ,
*переводчик-итальянист, филолог,
кандидат культурологии*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ АПЕННИН

Когда речь заходит об итальянской поэзии XXI века, то невольно задаешься вопросом: а какая она, современная поэзия Италии? Есть ли в наши дни стихотворцы, которых можно смело назвать «Grandi Poeti d'Italia» или просто «poeti italiani»?

Трудно дать однозначный ответ. Скорее всего, невозможно. Да, поэты есть, и их немало (публикуются сборники, проводятся встречи, круглые столы и фестивали). Но, по мнению одних специалистов, современная поэзия совсем не «ТА», да и поэты «мелковаты». Но их оппоненты не согласны в корне. Талантливые поэты есть в современной Италии, и их немало!

Причина этих разногласий заключена в той поэтической планке, которая была поставлена поэтами Италии XX века настолько высоко, что, кажется, она сокрыта где-то в недосягаемых заоблачных высях.

Конечно, когда речь заходит о современной поэзии Апеннин, то невольно приходится проводить сравнение с «той самой» поэзией Италии XX века, что другими словами можно назвать феноменальным событием в истории мировой культуры. Фактически, речь идет о чуде каждого десятилетия минувшего столетия. Попробуем составить небольшой список и напомним некоторые особенности поэтов-новаторов, стоявших у истоков современной итальянской и западноевропейской поэзии, и даже впишем несколько имен современных поэтов:

– сентиментальность и почти детская наивность **Джованни Пасколи (1855–1912)**;

– эстетизм, агрессия и сверхчувствительность Великого «Comandante», кумира молодежи **Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938)** – национального военного героя-летчика № 1, обладателя титула «Непревзойденного Любовника», величайшего поэта Италии «всех времен»;

– представители так называемой «*сумеречной*» поэзии, пронизанной темой разочарования и монотонности жизни, и здесь же невероятные *футуристы*, которых сейчас назвали бы «напрочь обезбашенными» и, возможно, самыми удивительными: **Guido Gozzano (1883–1916)**, **Corrado Govoni (1884–1965)**, **Альдо Палаццески (1885–1974)** и др.

– творчество гениальных и по-настоящему великих итальянских *поэтов-герметиков* верлибристов (смысл их символики гер-

метично закупорен (!), стихам присущ лаконизм, отказ от рифмы, ассоциативность образов, при простоте языковых средств): Джузеппе Унгаретти (1888–1970), Эудженио Монтале (1896–1981, лауреат Нобелевской премии по литературе 1975 года), Сальваторе Квазимодо (1901–1968, лауреат Нобелевской премии 1959 года по литературе – «за лирическую поэзию, которая передает трагический опыт жизни в наше время») и др. Творчество герметиков можно смело назвать мистическим явлением, золотой страницей, подлинным событием в культурной жизни минувшего века. Поэты-герметики, словно небольшая группа «маленьких принцев» Экзюпери, однажды появились на этой планете и также внезапно исчезли, оставив землян в изумлении.

Список великих итальянских поэтов – представителей веризма, футуризма, импрессионизма, герметизма, сюрреализма, эстетизма, минимализма, авангардизма и неоавангардизма; реализма, неореализма и даже нео-неореализма; религиозных и прекрасных детских поэтов можно продолжить такими именами, как Анжоло Сильвио Новаро (1866–1938), Ада Негри (1870–1945, представляет женскую поэзию конца XIX – начала XX века), Лина Шварц (1876–1943), Ренцо Пеццани (1898–1951), Альфонсо Гатто (1909–1976), Умберто Саба (1883–1957), Чезаре Павезе (1908–1950), Аттилио Бертоллуччи (1911–2000), Элве Фортис де Иеронимис (1920–1992), Джанни Родари (1920–1980), Пьер Пазолини (1922–1975), Россанна Омбрес (1931–2009), Элио Фьоре (1935–2002), Роберто Пьюмини (1947), Бруно Тоньолини (1951) и многие другие.

Молодые итальянские поэты, к которым относится **Маддалена Бергамин**, продолжают экспериментировать со словом. Кажется, что ими нарушаются все каноны, к примеру, отказ от привычных ритмических схем, нарушение правил пунктуации, почти полное отсутствие рифмы, деление текста на строки произвольного характера, тяга к осложненной ассоциативности образов.

Но, справедливости ради, следует отметить, что рваный ритм, верлибр или «белые стихи», постоянное ощущение трагических чувств, простота формы и использование сложных метафор (когда смысл глубоко запрятан словно в «раковине каракатицы» – по названию первого сборника стихов поэта-герметика Эудженио Монтале) – все это было присуще всей поэзии Италии минувшего века (!). Так чего удивляться, что молодые поэты продолжают эти традиции и в начале XXI века?

Знакомство с творчеством самобытного, яркого и, безусловно, талантливого поэта Маддалены Бергамин может стать интересным, возможно, даже полезным для молодых поэтов Кабардино-Балкарии, так как речь идет о знакомстве и общем понимании состояния современной западноевропейской поэзии.

Магдалена БЕРГАМИН

***

a L. e D.

La madre è uguale alla figlia
sul fondo lo sfondo urbano, che strano
la madre è uguale alla figlia!
due volte gli stessi capelli

rossi sul fondo urbano
sullo sfondo profondo e quanto...
profondo. La madre e la figlia
sono uguali, hanno casacche
fosforescenti e parlano dietro
la linea gialla, sullo sfondo i treni
dal fondo, i rumori corrotti
i lamenti, i brusii della gente
che sta sullo sfondo. La figlia
è uguale alla madre, (la madre bisbiglia
sorride, la figlia)

Л. и Д.

Мать похожа на дочь –
где-то там, на фоне городском, как странно,
мать – как дочь, точь-в-точь!
Дважды та же копна волос
огненно-рыжих в городской глубине,
на фоне глубоком и таком...
бездонном. Мама и дочка
схожи, обе в куртках
фосфоресцирующих, и беседуют за
линией желтой, на фоне поездов
дальних, неразберихи шумов,
жалоб, гула людей, что стоят
где-то там позади. Дочь
похожа на мать, (мама что-то шепчет,
улыбается дочка).

***

Chi ha detto che questo è il paese
del mare non sa delle nostre giornate

su tangenziali padane, della periferia
latina malmessa e delle grigie ore
che ci separano dalla vista del sole
Non sa di come sia estranea alla nostra
la vita che di noi si racconta

Кто говорит, что это страна
морская, не ведает о жизни нашей
на объездных дорогах паданских,
обшарпанной периферии латинской и
серых буднях, пеленой заслонивших солнце.
Ему невдомёк, как чужда жизнь наша
тому, что говорят о нас.

***

Ci sta nelle mani tutto quello che c'è
tutto esiste da quando lo tocchi, forse muori
quest'oggi, come di conseguenza al posto di un altro
per la tua stessa mano, per il caso dello scontro
frontale oppure tu vivi, ti prendi le rose alla luce
prospettica degli altri lampioni, e di notte disegni
col bianco

Едва коснешься – и всё в твоих ладонях,
что существует. Быть может, уже сегодня,
как следствие замены чего-то одного другим,
умрешь от собственной руки иль от лобового
столкновения, а может, будешь дальше жить,
принимая розы в перспективном свете других
лампиров, а ночью рисовать на белом...

***

A ogni cosa ci si abitua, anche
al paesaggio miserabile in provincia
all'armamento dei condòmini giallini
terrazzati di cemento, ci si abitua
alle montagne chiuse dentro
nelle valli derubate di orizzonte
alle onte subite per difetto
d'istruzione

Ко всему привыкаешь, даже
к пейзажу убогому в провинции
с угрюмой армией пожелтевших

жителей террасных домиков
бетонных, привыкаешь к украденным
у горизонта долинам – узникам гор,
и мучительному стыду за изъясн
образования...

Giostra del Saracino

Molte infelicità hanno la colpa
di godere del lamento e trovano
consolazione nel tormento, di volta
in volta replicando lo stesso sbando
sulla sventura, senza paura anzi
quasi con coraggio schiantarsi
addosso rimbalzare contro il muro
il monolite costruito recitato
a menadito, per far romanzo
delle vite, delle domeniche
partite.

Рыцарский турнир

Многие несчастья от сладостной
привычки к стонам и привязанности
к мукам, желания поныть иногда
о бедах своих с жалобным звуком, и,
не ведая страха, даже с отвагой,
бросаться, отскакивая рикошетом,
от стены, что монолитом выстроена, –
прекрасно сыграно для романа
о жизнях и воскресных
играх.

***

Vedo resistere nel mondo le cose
e crollare, è sottile ogni mattina quel velo
che muovi e pulisci per terra, il bambino
romperà suppellettili di cristallo
come cose senza senso, sgranerà gli occhi
e riderà, tu chinata sui pezzi trascorsi
con slancio dimentichi, e così ti muovi
nel crollo e lo lasci sospeso
dentro cornici d'argento

Я вижу в мире противостояние
и крах, как тонка завеса, что движет
и чистит землю утром каждым... ребенок
разобьет хрусталь, как нечто бессмысленное,
будет таращить глазки и смеяться,
а ты, склоненная над разбросанными с силой
кусочками, забываешься, и так ты движешься
в крушение и оставляешь это подвешенным
в серебряной рамке.

***

Per te si batte e batte
e batte sempre lo stesso chiodo,
ma io sono un muro e un giorno
sarò vetro. Di quelli con la neve
finta dentro di quelli
col segreto

Для тебя бьют, бьют
и бьют по одному и тому же гвоздю,
но я – стена и однажды я стану стеклом.
Из тех, что с искусственным снегом
внутри, из тех,
что с секретом.

*Национальный парк в итальянской области Венето «Колли Эуганей»
(Colli Euganei)*

---

* В оригинале сохранены орфография и пунктуация автора. Перевод с итальянского А. Кураш.

Кристина КАРАХАНОВА

Кристина Караханова – нальчанка, но живет в болгарском городе Варна. Воспитывает двоих детей, занимается литературным творчеством.

Творческое начало, помноженное на интерес к познанию, всегда отличало ее. В 2001 году девушка с медалью окончила СШ № 3 г. Нальчика. В эти же годы вместились учеба в Детской художественной школе. В 2006 году она с отличием завершила испано-английское отделение Пятигорского лингвистического университета.

В поисках своего предназначения пробовала себя в разных направлениях – работала дизайнером, художником-оформителем, редактором литературно-художественных изданий. При ее непосредственном участии в Болгарии вышло несколько книг авторов из России и Белоруссии.

Стихи Кристина писала со школьных лет, но в те годы это было просто одним из увлечений. Серьезно обратиться к поэзии подвигло желание подготовить книгу, в которой бы в органическом единстве присутствовали и дополняли друг друга авторские как живописные, так и литературные работы. Темой выбрала природу своей малой родины – Кабардино-Балкарии.

Ее лирические размышления о высочайшей горе Европы Эльбрусе и представляем на суд читателя.

*В. Н. Котляров,
писатель, член СП России*

Хвала тебе, гора Эльбрус!

Средь гор высоких и могучих,
От холодов укрывшись снегом,
Блестя от взглядов солнца жгучих, –
Эльбрус парит под синим небом.

Рождённый в гневный час планеты,
Во льды и тучи облачён,
Ты, наречённый чудом света,
Жить в гордой славе обречён.

И возвышается на троне
Безмерный, властный исполин.

Вздымает снежные короны
Правитель гор и господин.

Взор восхищает мощь горы,
Изгиб могучий седловины.
Шумят сосновые боры,
Ждут схода снежные лавины.

Шипит, упав на склон, буран.
Позёмка катит вниз сугробы –
К подножью, где густой туман
Укрыл бесчисленные тропы.

Сочится влага талых льдов,
Сбегаёт вниз, журчит струями,
Потоком – к ритму городов,
К степям с бескрайними полями.

Вершины с блеском серебра
С высот своих взирают в дали.
Мир в ожидании добра
От тверди той, что крепче стали.

И вверх отважные идут,
Где скалы, пропасти, метели...
Дерзни, смельчак, вершины ждут, –
Задор и взлет к заветной цели!

Чу! Снег вздымается – то в бурке,
Танцует горец, вскинув плечи,
То вверх взмывают его руки –
Он с небесами жаждет встречи.

Велик Эльбрус, суров природой,
Укрытый толщей льда и снега,
Он дорожит своей свободой,
Но рад участью человека.

И лыжники скользят по трассе –
Стремглав со склона, с высоты,
Им ветер вслед: Эльбрус прекрасен,
Как воплощение мечты!

Красив Кавказ, манит Эльбрус
В обитель, где свежо и чисто, –
Познать кавказской кухни вкус,
Народов гор гостеприимство.

И чтут в легендах великана –
За силу, доброту и свет,
У горцев от Кубани до Ирана
Ты в них – с героикой побед.

И вспомни миф, как неба своды
Обрушились, и сгинул человек!
И в хаосе бурлили воды,
К Эльбрусу принесли Ковчег.

Кормой вершины он коснулся,
И высь разверзлась перед ним.
От сил небесных ты проснулся –
Уже двуглавым и святым.

Воспрял с пришествием людей,
Отбросив прочь гнетущий мрак.
Еще стонал здесь Прометей,
А человек вершил свой шаг...

Ты слышишь старцев, их адаты,
В молчаньи головы склоня.
Твой светлый лик багрян в закатах,
Но крепок лёд – кругом броня.

Извечно белы твои склоны,
Суров базальт высоких скал,
И предков мудрые законы
Несет потомкам аксакал.

Орёл Кавказа и России
Двуглавый – крылья распростер,
Как глас грядущего мессии, –
Над ширью рек, долин и гор.

Зрим труд и на полях, и пашнях,
Что взял под сень свою Борей.
Златой ты на кремлёвских башнях,
Гранитный – между двух морей.

В зенит, в безбрежность синевы,
Как дар бесценный, людям в радость,
Летят Эльбруса две главы,
Напевы их внушают храбрость.

Нерукотворный вечный храм,
Ты – словно гордый гимн свободы.

О, сколько раз, стремясь к горам,
Здесь смерть нашли пришельцев орды.

С годами, воин и правитель,
Лишь крепнет мощь твоих высот –
Адыгов древняя обитель,
Балкарцев вековой оплот.

Веками строились народы
Под сенью белоснежных глав,
Со всей страной, в лихие годы,
Еще сильнее, сплоченней став!

Был горек ветер испытаний,
И лица обжигал, и льды.
И плоть, и камень – плод терзаний,
В горах остались их следы.

И уходили в бой солдаты,
Их имена народ хранит –
Сынов своих, дела их святы,
Победный стяг взнесен в зенит.

Не вспомнить подвиг без печали...
В сраженьях, славных – на века,
Смерть храбро воины встречали
И били доблестно врага.

Дань памяти им воздавая,
Высь – монументом изо льда!
В сердцах же – летопись живая,
Ей не померкнуть никогда!

Давно остыл и гнев вулкана,
И громы изверженья спят.
Вокруг, достойны его сана,
Громады горные стоят.

Эльбрус и бел, и знатен родом,
В Европе выше нет вершин.
О, как же дорог ты народам,
Седой двуглавый исполин!

И славен он, любимец муз,
Колосс, в ком безграничны силы.
Хвала тебе, гора Эльбрус,
Венец Кавказа и России!

СУДЬБА ПОЛКОВНИКА

Очерк

С п р а в а Сулеймен Князев

Помощник начальника Управления Министерства внутренних дел России по городскому округу Нальчик. Заместитель председателя Совета ветеранов работников МВД КБР. Полковник полиции в отставке.

Сулеймен Князев успешно сочетает работу в государственной структуре с общественной деятельностью.

В системе МВД Сулеймен Олиевич работает с 1980 года. Прежде отслужил в армии, демобилизовался в звании старшины. Кабардино-Балкарский государственный университет окончил по двум специальностям – «История» и «Юриспруденция».

Трудовую деятельность в правоохранительных структурах начинал в аэропорту «Нальчик» в должности оперуполномоченного уголовного розыска, затем был назначен заместителем начальника, начальником линейного отдела внутренних дел Северо-Кавказского УВД на транспорте.

Наряду с охраной общественного порядка «линейщикам» приходилось встречать высоких гостей, организовывать работу по обеспечению их безопасности. «Тогда в республике было много гостей. Из аэропорта «Нальчик» вылетали самолёты 36-и рейсов», – вспоминает С. Князев.

Когда Сулеймен Олиевич работал старшим охотоведом охотинспекции Управления Совета министров КБАССР, это был самый интересный этап в его трудовой биографии. Непосредственным начальником С. Князева был Хусейн Чоккаевич Залиханов – известный на всю страну охотовед, инициатор создания Государственного национального парка в Приэльбрусье и Государственного заповедника Центрального Кавказа, участник обороны Кавказа в годы Великой Отечественной войны, заслуженный тренер СССР по альпинизму.

В годы работы в инспекции Сулеймен Олиевич встречался со многими выдающимися людьми современности, которые, приезжая в наши края, любовались и восхищались удивительно красивой природой. Известный путешественник и телеведущий Юрий Сенкевич, ученый зоолог и зоогеограф, также известный всей стране по телеэкрану, Николай Дроздов, советские космонавты и государственные деятели, зарубежные гости... Сколько интересных судеб, историй, рассказов, сведений!.. Всё вместе взятое – своеобразная энциклопедия жизни, которая значительно расширила кругозор Сулеймена Князева и существенно повлияла на его мировосприятие.

«Мы устраивали экскурсии по достопримечательным местам нашей республики, водили гостей по горным тропам, сопровождали учёных-натуралистов, изучавших флору и фауну Кавказа, – перечисляет С. Князев. – Доводилось принимать участие в спасательных операциях, вывозить детей из горного лагеря после схода селя, эвакуировать туристов и отдыхающих на вертолёт... МЧС тогда не было, функции спасательной службы выполняли сотрудники правоохранительных структур, военные, работники системы гражданской обороны».

В середине 80-х была создана новая государственная структура – Каспийское Управление внутренних дел МВД СССР. Цели и задачи этого управления – охрана рыбных запасов Урало-Волго-Каспийского бассейна. В Астрахани Сулеймен Олиевич жил до распада СССР, работал на различных должностях.

Территория ответственности управления простиралась почти на тысячу километров – Каспийское море, Волга от устья до Саратова, река Урал и все водоёмы их бассейнов, в том числе река Терек и впадающие в неё мелкие реки. Тринадцать подчинённых органов, расположенных на территории России, Казахстана, Туркменистана и Азербайджана. Такие масштабы оказались Князеву не только по плечу, но и по нраву.

Одна из основных функций водной милиции – государственная охрана запасов осетровых рыб от незаконного вылова браконьерами. Строгий контроль осуществлялся и в аэропорту

Астрахани – «чтобы рыбная продукция не уходила по воздуху». Здесь Князеву пришлось столкнуться с людьми иного социального статуса, иных целеустремлений. Общение с браконьерами, мафиозными охотниками за черной икрой – дело малоприятное и даже рискованное, но служба «рыбнадзора» необходима для сохранения природных богатств нашей страны. И Князев нес эту службу достойно, получал поощрения от вышестоящих органов власти, и считает свой долг на этом посту честно исполненным.

«Помню, однажды зимой толщина льда на Урале достигла небывалых размеров, зимовавшие в реке осетровые и другие представители водной фауны могли задохнуться без доступа воздуха. Пришлось мобилизовать силы МВД и местное население, в ледяном панцире были пробурены многочисленные лунки, популяция осетровых была сохранена. В тот период браконьеров стало меньше, а рыбы – больше. Нас называли каспийскими умельцами и очень уважали», – вспоминает полковник.

В 90-е годы офицер вернулся в Кабардино-Балкарию для дальнейшего прохождения службы и оказался... в специальном приёмнике для содержания административно задержанных и арестованных лиц. В качестве начальника, разумеется.

Почти четверть века Сулеймену Олиевичу пришлось работать с административно арестованными россиянами, с иностранными гражданами и лицами без гражданства, подвергшимися административному выдворению с территории Российской Федерации.

Сначала учреждение называлось приемником-распределителем для лиц без определенного места жительства, потом – центром социальной реабилитации для этой категории лиц (до его упразднения), далее – спецприемником для лиц, подвергшихся административному задержанию или аресту. Располагалось учреждение в центре Нальчика на улице Красноармейской, позднее было перемещено на окраину, на Первый промпроезд.

«Административный арест назначается только в судебном порядке и лишь за наиболее тяжкие проступки, такие, как злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника полиции, мелкое хулиганство и т. п., – поясняет С. Князев. – Когда по обстоятельствам дела применение иных мер наказания (например, штрафа) суд считает недостаточным, административно арестованные лица отбывают наказание в спецприемниках МВД».

Сулеймен Олиевич убеждён в том, что при общении с людьми, оказавшимися в условиях изоляции от общества, следует соблюдать основной принцип: требуя от лиц, лишенных свободы, исполнения обязанностей, не ущемлять их права, предоставлять всё, что полагается им по закону. Необходимо соблюдать нормы питания, вовремя выдавать постельные принадлежности...

В общем, делать всё, что требует закон, инструкции и положение о внутреннем распорядке службы. И тогда человек покинет место временной изоляции без обиды на сотрудников учреждения и на государство, определившее соответствующую меру наказания.

Известная поговорка рекомендует: от суммы (то есть от бедности) и от тюрьмы не зарекайся. Никто не знает, как сложится судьба и в какой ситуации можно оказаться не по своей воле. Относись к другим так, как хотел бы, чтобы относились к тебе, – это правило незыблемо на протяжении тысячелетий, и именно им руководствуется Сулеймен Князев, общаясь по долгу службы с людьми разного возраста и разных слоёв общества.

Не удивительно, что в тот период, когда данное учреждение возглавлял Сулеймен Князев, оно стало одним из лучших в системе МВД Российской Федерации.

«Утром приходишь на работу и до вечера находишься за решёткой – такая странность у работы в учреждении, где содержатся административно арестованные, – рассуждает Сулеймен Олиевич. – Удивляюсь, когда некоторые наши сограждане возводят вокруг своего дома высокие заборы, вешают на железные ворота крепкие затворы, а на окна – металлические решетки... Думаю, что этими людьми движет страх за то богатство, которое они накопили, приобрели честным трудом или бесчестным путём. А я всегда жил в квартире, хотя бывали случаи (в период военных действий в Чечне), когда меня хотели украсть и обменять на задержанного, содержащегося в данном учреждении. Следуя предупреждению и инструкции работников спецслужб, я менял маршруты передвижения, приходил домой засветло, нигде не задерживался в тёмное время суток. Обошлось. По сей день жив здоров и продолжаю работать. Правда, после выхода в отставку уже в гражданской должности».

В течение трёх лет Сулеймен Князев работает помощником начальника Управления Министерства внутренних дел России по г.о. Нальчик, которое возглавляет полковник полиции Марат Геграев.

«Марат Муталипович эффективно комплектует кадровый состав управления, проявляет заботу о ветеранах и молодых сотрудниках, оказывает материальную помощь ветеранам и семьям погибших сотрудников. С приходом полковника М. Геграева укрепилась служебная дисциплина сотрудников, повысилось качество кадрового состава управления», – характеризует ситуацию С. Князев.

В обязанности помощника начальника управления входит работа с ветеранами службы и молодыми сотрудниками, с общественными организациями и родственниками погибших сотрудни-

ков. Бывают и радостные, и грустные события. Каждый рабочий день полковника Князева эмоционально наполнен. Офицер занимается патриотическим воспитанием, служебной адаптацией молодых коллег, вместе с сотрудниками проявляет заботу о тех, кто посвятил трудовую деятельность охране общественного порядка и теперь находится на заслуженном отдыхе.

«Особенно радостно общаться с кадетами, которые получают образование и воспитываются в образовательных учреждениях нашей республики, – с удовлетворением отмечает С. Князев. – Очень приятно, что девять выпускников кадетской школы, расположенной в с.п. Бабугент Черекского района, были приняты в высшие учебные заведения Министерства обороны РФ».

Взаимодействие с республиканским Советом ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск МВД, республиканским и городским Советами ветеранов войны и труда и другими организациями – также каждодневная служебная практика полковника Князева.

Сулеймен Олиевич состоялся и как профессионал, и как семьянин. Вместе с женой он воспитывает дочку, которой, конечно, объясняет, что главный смысл пребывания человека в этом лучшем из миров – делать добрые дела, заботиться о близких и честно исполнять свои служебные обязанности. Тогда и жизнь сложится. Как она хорошо сложилась у полковника Князева – почётного сотрудника МВД России, награждённого именованным оружием, многими медалями и почётными грамотами, в том числе Почётной грамотой МВД России.

В августе коллеги, родственники и друзья поздравили Сулеймена Олиевича с 65-летием. Полковник, обладающий большим жизненным и профессиональным опытом, продолжает работать на благо государства и общества.

КОРНЯМИ ПРИРОС К ЗЕМЛЕ

Очерк

В этом году 60-летие с начала трудовой деятельности отмечает Юрий Хуштов – заслуженный работник сельского хозяйства КБР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кожова, академик АМАН, ветеран труда.

Юрий Билялович родился 15 декабря 1937 года в селе Белоглинка Терского района КБАССР. В первый класс школы пошёл в послевоенном 1946-м.

«Сколько трудностей пришлось испытать, сколько преград преодолеть! Пережили голод, нищету и разруху. Не хватало учебников, тетрадей, ручек... – вспоминает учёный, истинный педагог и наставник молодёжи. – Впечатления детства связаны с улочками родного села и запахом домашнего хлеба. С четвёртого класса мы учились в школе соседнего села Верхний Акбаш – за три километра ходили пешком по бездорожью, грязи и слякоти. Нам пришлось на собственном опыте узнать, что такое тяжёлая работа и неустроенный быт. Как и другие мои сверстники, я заготавливал сено, по полмешка зерна носил на спине на мельницу. В общем, беззаботного детства не было».

После окончания с отличием Терского сельскохозяйственного техникума (г. Прохладный) Юрий Хуштов начал трудовую деятельность в 1957 году управляющим отделением Малкинского молочного совхоза Зольского района КБАССР. Три года служил в рядах Советской Армии, вначале на Черноморском флоте, а затем в ракетных войсках стратегического назначения в г. Луцке (Украина). После демобилизации был направлен в Терский район на должность заместителя председателя колхоза «Сталинец», в дальнейшем работал в партийных и хозяйственных органах, в научных учреждениях.

Химико-биологический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета по специальности «Химик-биолог» Ю. Хуштов окончил в 1968 году. Будучи инструктором организационного

Ю. Б. Хуштов

отдела Терского райкома КПСС, дипломированный специалист курировал овощеводческие посеы, применяя свои знания и опыт, давал колхозам и совхозам рекомендации по подбору сортов и гибридов овощных культур, по научной организации поливов, применению удобрений, защите сельхозкультур от вредителей, болезней и сорной растительности.

Юрий Билялович вспоминает, что в 1973–1975 гг. колхозы «Родина (с. Арик) и «Маяк» (с. Белоглинка) не раз выходили победителями в республиканском социалистическом соревновании, получая по 400–500 центнеров овощей с гектара.

После поступления в декабре 1970 года в Московскую аспирантуру по овощеводству (г. Мытищи) Ю. Хуштов вливается в научный коллектив Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной опытной станции, где работает старшим научным сотрудником, а затем и заведующим отделом плодово-овощеводства и картофеля.

Кандидатскую диссертацию молодой учёный защитил на тему «Разработка элементов технологии выращивания томата в плёночных теплицах Кабардино-Балкарии». Его научные изыскания по подбору сортов и гибридов овощных культур, организации поливов и расчётным дозам внесения удобрений, мерам по снижению накопления нитратов в овощах были внедрены в плодовоовощном совхозе «Майский», который по урожайности овощей не раз выходил победителем в соцсоревновании республики (огурцы – 20-25 кг/кв. м, томаты – 30-35 кг/кв. м).

За такие высокие результаты Ю. Хуштову благодарность выразили заведующий кафедрой Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева академик Г. И. Тараканов и директор совхоза «Майский» Александр Топчий.

На посту председателя колхоза «Маяк» Терского района особенно ярко проявились организаторские способности учёного-агронома. Соединив науку с производством, колхоз получил популярность и всеобщее признание. Стал известен своими рекордными урожаями овощных культур. В 1974–1977 гг. в среднем было получено по 486 центнеров с одного гектара на всей закреплённой площади в 100 га.

На некоторых сортах томата (Рычанский, Глория, Факел, Оризона, Марфа) и капусты (Амагер, Южанка, Харьковская поздняя) также были зафиксированы высокие стабильные урожаи (1136 и 1710 ц/га соответственно).

Переходящее Красное знамя Российской Федерации по овощеводству три года стояло в кабинете председателя колхоза. Трудовые подвиги сельчан неоднократно отмечались орденами и медалями.

В 1986-1990 годы, возглавив отдел массовых анализов почв и растений в республиканской агрохимической службе, Ю. Б. Хуштов внёс немало новшеств в структуру организации и проведение массовых агрохимических анализов почв и растений, совершенствовал многие методы анализов.

С 1991 года учёный работает в Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии, вначале старшим преподавателем кафедры плодовоовощеводства и виноградарства, затем доцентом и профессором. Юрий Билялович заведовал этой кафедрой в течение 15 лет – с 1992 по 2006 год.

Закономерным итогом 18-летней интенсивной научно-исследовательской работы стала защита докторской диссертации в Санкт-Петербургском аграрном госуниверситете. Учёный впервые разработал биологические основы зонального размещения и повышения продуктивности овощных культур на различных высотах над уровнем моря с учётом естественного притока фотосинтетической активной радиации и набора суммы эффективных температур в регионе Северного Кавказа.

Профессору Ю. Б. Хуштову также принадлежат первые разработки элементов технологии выращивания на территории Кабардино-Балкарии ведущих овощных культур в защищённом грунте.

Результаты его научных изысканий вызвали большой интерес ведущих учёных-овощеводов нашей страны.

Юрий Хуштов является первым в Кабардино-Балкарии доктором сельскохозяйственных наук по специальности «овощеводство». Его научные интересы связаны с выращиванием культур в открытом и защищённом грунте. Результатом тридцатилетней профессиональной деятельности учёного стали рекордные урожаи – 486 ц/га в открытом грунте на сортах Глория, Рычанский, Титан, Марфа, Факел, Оризона и 48–50 кг/кв. м в защищённом грунте на индетерминантных (т.е. высокорослых) сортах томатов Верлиока, Мариса, Мифуза, Марфа, Раиса.

Ю. Хуштовым разработаны и внедрены в производство 19 прогрессивных инновационных технологий, опубликовано 273 научных работ, в том числе 17 монографий, 50 особо значимых научных статей, размещённых в журналах Всероссийской аттестационной комиссии (ВАК РФ).

Книга Ю. Б. Хуштова «Малораспространённые овощные растения» допущена Министерством сельского хозяйства РФ в качестве учебного пособия для студентов вузов по агрономическим специальностям.

Юрий Билялович неоднократно участвовал в работе учебно-методических научных, научно-практических межвузовских,

общероссийских и международных конференциях в России и за рубежом. Учёным-овощеводом издано 35 методических разработок, семь практических рекомендаций, внесено четыре рацпредложения.

За три десятилетия работы в аграрном вузе профессор Хуштов подготовил 15 кандидатов сельскохозяйственных наук, двух докторов сельхознаук, четырёх магистрантов, а также полсотни дипломированных специалистов в области плодоовощеводства и виноградарства. Среди подготовленных им специалистов есть агрономы и овощеводы, агрохимики и экономисты.

При непосредственном участии учёного в республике заметно возросли объёмы заготовок высококачественной овощной продукции. Сбылись пророческие слова первого президента Кабардино-Балкарии Валерия Кокова, написанные в отзыве на докторскую диссертацию Юрия Биляловича, исследования по которой учёный вёл с 1975 по 1993 год: «Результаты многолетних исследований Хуштова Ю. Б., несомненно, будут иметь научную и практическую ценность для овощеводов Северного Кавказа».

Профессиональную школу профессора Ю. Хуштова прошли доктора наук, которые работают в Сирийской Арабской Республике и Республике Абхазия. Ученики Юрия Биляловича трудятся в Кабардино-Балкарии и других регионах юга России, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге.

Юрий Билялович гордится своими учениками, следит за их успехами и достижениями. В настоящее время руководит научной работой докторанта, двух аспирантов и двух магистрантов.

Наряду с обширной профессиональной деятельностью профессор ведёт большую общественную работу. В течение продолжительного периода он являлся членом специализированного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в Кабардино-Балкарском государственном аграрном университете, пять лет работал по совместительству на общественных началах председателем Совета ветеранов КБГАУ.

Сейчас продолжает активную деятельность в качестве члена научно-технического Совета Министерства сельского хозяйства КБР, академика Адыгской (черкесской) международной академии наук.

Заслуженный работник сельского хозяйства КБР Ю. Б. Хуштов награждён орденом «Знак Почёта», Почётной грамотой Президента КБР, медалью «За добросовестный труд».

Профессиональный учёный-овощевод и педагог-наставник, в совершенстве знающий своё дело, пользуется большим уважением

среди коллег и студентов. Он неоднократно избирался депутатом Парламента Кабардино-Балкарской Республики.

И сегодня Юрий Билялович вносит посильный вклад в развитие отрасли плодоовощеводства и виноградарства. На высоком учебно-методическом уровне он проводит занятия со студентами, аспирантами и магистрантами по различным дисциплинам: овощеводство, древоводство и питомники, экология перерабатывающих производств, биотехнология в селекции, ландшафтоведение, лесное дело. Всем последователям школы Хуштова профессор приводит слова первого русского нобелевского лауреата физиолога Ивана Павлова: «Если человечество хочет продлить свою жизнь хотя бы на одну треть, оно должно употреблять больше овощей». Эти слова знаменитого учёного легли в основу всех исследований Ю. Хуштова и его коллег при разработке инновационных технологий выращивания овощных культур.

У Юрия Биляловича замечательные дети и внуки, достойно несущие лучшие качества рода Хуштовых. Старшая дочь Лариса окончила Московский технологический институт пищевой промышленности, трудится на кафедре технологии хранения и переработки сельскохозяйственной продукции в КБГАУ. Она кандидат сельскохозяйственных наук, доцент.

Младшая, Эмма, – выпускница Кабардино-Балкарской сельскохозяйственной академии, работает преподавателем в школе с. Шалушка Чегемского района.

Старший внук Юрия Биляловича, Артур, окончил финансово-экономический факультет КБГАУ и работает финансистом-экономистом в Министерстве спорта КБР. Средний внук Анзор после окончания Казанского военного Суворовского училища поступил в Таможенную академию. А младший, Беслан, – выпускник Северо-Кавказского Суворовского военного училища в г. Владикавказе, сейчас курсант Дальневосточного высшего военно-морского института во Владивостоке.

Вся жизнь Юрия Биляловича Хуштова свидетельствует о том, что это неординарная, глубокая личность – достойный представитель своего народа. У него и сегодня стремительная походка, крепкое рукопожатие и ясный ум.

80-летний юбилей, с которым коллеги, друзья и родственники будут поздравлять профессора в декабре, станет очередной вехой на жизненном и профессиональном пути Ю. Хуштова. Учёный, внесший в отечественную науку весьма весомый, значительный вклад, полон идей и творческих планов. Их реализацией Юрий Билялович занимается с большим энтузиазмом.

*С л е в а Хамзат
Батырбеков*

Хамзат Зейтунович Батырбеков – один из «непришедшего» поколения балкарских поэтов. Оно заявило о себе публикациями на страницах республиканской печати в 70-х – начале 80-х годов. Это были стихи особого эволюционного качества – пусть не всегда профессиональные, но яркие, чётко обозначающие выход национального эстетического мышления на новый уровень, равно ориентированный как на сложившуюся традицию балкарской словесности, так и на

главные тенденциальные течения мировой поэзии. К сожалению, для большинства авторов этой плеяды «декларация намерений» оказалась единственным и последним творческим деянием, и ныне мы можем назвать лишь три-четыре имени, оставшихся в нашей литературе в качестве писателей профессионального уровня.

Сегодня «ЛКБ» представляет читателю стихи Хамзата Батырбекова – человека, прискорбно рано ушедшего из жизни, принадлежащего именно тому, не реализовавшему себя поколению. Он, однако, не только заявил о себе, но и оставил значимый след в балкарской поэзии, органически соединив в своих произведениях исконную национальную концептуалистику и философию с неожиданными образными апелляциями и контрастной, графической визуальностью постмодерна.

В ЧАС БЕСПРЕДЕЛЬНОЙ ТОСКИ И ОТЧАЯНИЯ

Из цикла «Портрет Бодлера»

***

Трепещет раненая птица,
И крылья плещутся в пыли.
Ей больше волей не упиться,
Не оторваться от земли.
(И тает в дымке вереница
Птиц, исчезающих вдали.)

Так я от немощи и гнева
Дрожу, судьбу свою кляня.

Лежу в пыли бессильно, немо
На дне сияющего дня.
(И не прощающее небо
С усмешкой смотрит на меня.)

***

Насытилась земля бескровным снегом.
День короток, как прошлая дорога.
Промозглый ветер, словно пёс бродячий,
Хрипя, вцепиться в полы норовит.

У времени – расслабленная поступь.
Так девки по домам бредут под утро.
С ухмылочкой жестокой и наивной
Уходят прочь не прожитые дни.

Как маятник, судьба остановилась,
Пресытятся перемен однообразием,
А я смеюсь бездумно и надсадно,
Пытаясь скрыть от взглядов эту боль...

И, как зимой, трещат стволы деревьев
И сучья расщепляются морозом, –
Так рушатся и крошатся надежды,
Не позволяя мне вернуться в сны.

***

В час беспредельной тоски и отчаянья
Издали света не шлет мне Земля;
Гром из тех дней не нарушит молчания,
Радуга прошлого – гостя случайная –
Не забредает уже никогда...

Ты лишь, Земля, тянешь горькими думами
Вечный мотив, заунывно звеня.
Чувствую: нервы становятся струнами
Скрипки твоей! Я ночами безлунными
Слушаю, как ты играешь – меня.

2

В миг беспредельной тоски и отчаянья
С неба, покрытого яркими звездами,
Самая дальняя – даже случайно! –
Не улыбнётся, не улыбнётся мне.

В миг беспредельной тоски и отчаянья,
В миг, когда небо дождям очищено,
Не засверкает мне – даже случайно! –
Радуга, – словно монета для нищего.

Только земля, словно скрипка печальная,
Плачет, – ей нервы мои стали струнами!
Сам я играю себя, сам и слушаю
В миг беспредельной тоски и отчаянья.

***

Я иду по своим следам.
Извиваясь, как след змеи,
Они делают круг – а там
Снова стыннут следы мои.

Я иду по следам следов,
Твердо зная, что встречу след,
Что оборван, как чей-то вздох,
И зовется так кратко: смерть.

О, хромающий след судьбы!
Сколько раз меня вел ты вспять
На следы от следов, дабы
Снова путь по следам начать?

Я иду по следам следов.

***

Придет моя пора –
Покину землю я.
И, облаком паря
В бескрайней синеве,
Весной прольюсь дождем
На милые сердца...
...И капли задрожат
На молодой листве
Деревьев, что растут
У отчего крыльца.

***

Невозмутим, бреду я по дорогам
Пустынным, безразличным и немым.
Но вдруг, об одиночество споткнувшись,
Опять подняться долго не могу.

Невнятные вечерние виденья
при свете гаснут, вновь препоручая
заботам одиночества меня.
Оно в лицо мне, злобствуя, хохочет!
Как мне укрыться от его опеки?
...А утром снова за его здоровье
Я выпью горечь чёрного вина!

***

Старое дерево машет ветвями больными.
Это – подобье большой и беспомощной птицы...
Нет, не взлететь ему! Так и осталось поныне –
Все провожает насмешливых туч вереницы.

***

Долги мне череп обручем сдавили.
Они на мне – как камень на могиле...

Надежды, словно псы, скуля и скалясь,
Зализывают раны у дверей –
Когда в моей душе вошла усталость,
Я прочь погнал своих поводырей!

Как мог я верить лживым обещаньям? –
Никак я не возьму сегодня в толк...
Пусть мы вчистую с сердцем обнищаем,
Чем жить, любить и быть любимым в долг!

Дни, отогрев, становятся долгами.
Все тот же снег дымится под ногами...

***

Слезятся поздней осени глаза
С деревьев ветер дань свою взимает.
Спеша домой, я ныне невзначай
Зимы заметил медленную поступь:

Облизывал нагие ветви куст,
Скуля, как псина с лапой перебитой.

***

Таких, как я, отыщешь без труда.
Живу, как все, иначе не умею.
Ко мне приходит радость иногда,
Но вслед тоска является за нею.

Случается, одолевает лень –
Мы с ней друзья старинные, большие...
Пускай за днём стремглав уходит день,
А мы с ней не спеша брести решили.

Чего ж я жду от мчащегося дня?
Ищу, не торопясь, – в чаду и игре?..
А годы все уходят от меня –
Короткими, но быстрыми шагами.

ЗЕРКАЛО

Своим проклятьем хриплым, воронье,
Не тронь неторопливый этот снег!
Как в оспе, лик земли... не тронь ее!
Меня кляни – меня и мой побег.

Не веря свету, к ночи я взывал.
И ночь, смеясь, справляет торжество.
Я покидаю зеркала овал.
Оглядываюсь. В раме – никого...

***

Тюльпан к груди прижав – бесстыдно – смело –
Нагая в танце дерзко-хороша.
Пусть продала она мне свое тело,
Но пониманья ждет ее душа!

Всяк пил из родника – нелюбы, любви...
Я тоже ныне жажду утолил.
Но на груди, знававшей многих губы,
Как в зеркале, я путь свой различил.

Греховной наготы великолепье!
Омыт слезами вянущий цветок...
Парит она, как чайка! Верно, слепну –
Не вижу, что объят огнем восток.

***

Мечты мои, далекие, как детство,
Под солнцем лет как выгорели вы!
От времени куда, скажите, деться?
Как терпок запах скошенной травы!

Но, время, чтоб не липла паутина –
Лоб ветерком из юности обвей.
Хоть изредка взгляни, как мать на сына:
Я – твой, пусть – не из лучших сыновей...

КЯЗИМ

На стене – увеличенный снимок.
Улыбнулся суровый старик –
И морщин его неисчислимых
Вдруг разгладились складки на миг.

Этот миг нескончаемо длится...
Я, всмотревшись, поклясться готов,
Что встречал вот такие же лица
У крестьян после тяжких трудов.

Много лет с фотографии смотрит
На меня неотрывно Кязим.
Оступаясь, я слышу не окрик –
Строгим взглядом его я казим.

Если ж я поступаю как надо –
Одобрительно щурится он...
Не укрыться от этого взгляда –
Никогда, ни в одной из сторон!

На старейшину сильного рода
Он, в папахе овчинной, похож.
Он и я – оба дети народа,
Голод знавшего, горе и ложь.

Ход времен не сулил передышки.
Рок глумился, пока не устал.
Все, о чем я узнал понаслышке,
Он, поэт и кузнец, испытал.

Лихолетье трепало игнуло –
Все он вынес, все беды стерпел,
Все прошел! Но дойти до аула,
До родных очагов – не сумел...

О тебе ему, степь, не мечталось,
Не об Азии думал он спеть!
На чужбине надгробье осталось,
Словно парус обвисший, белеть...

О надгробья балкарцев! Повсюду
Разметал нас шальной камнепад.
Если мёртвые молятся чуду,
Это чудо – вернуться назад.

Даже в них память родины, дома
Не сотрет круговерть лет и зим!
...А со снимка устало, знакомо
Улыбается мудрый Кязим.

***

Не покидай меня, моя тревога.
Пусть ласков день к мальчишеским вихрам,
Но старых ран ни год, ни два, ни много
Не исцелят отцам и матерям.

Не покидай меня, моя тревога.
Снега растают, вырастет трава,
Но тех, с кем стужа обошлась нестрога,
Бег талых вод несет на жернова.

Не покидай меня, моя тревога.
Мы к звездам ближе, и уже на «ты».
Рассудочность – холодная дорога –
С дорогою сердечной теплоты.

Не покидай меня, моя тревога.
Я не прошу прощенья и похвал.
Лишь отойдешь от моего порога –
Пойду вослед, какой бы путь ни ждал.

Не покидай меня, моя тревога.

Перевод Г. Яропольского

К печати подготовил М. Ольмезов

Марина БИДЕНКО

И У АНГЕЛОВ ЕСТЬ КРЫЛЬЯ

Рассказ

Как-то лет в одиннадцать, по весне, угораздило меня влезть на яблоню в бабушкином саду. Прежде всего, меня занимали высота и пересчёт оставшихся до макушки веток. Напевая под нос что-то пионерское и отмахиваясь от залётных пчёл, в очередной раз я посмотрела вверх, но еле удержала равновесие – небо поймало мой отроческий взгляд и решило его рассмотреть...

За несколько секунд оно просочилось сквозь все клеточки моего юного существа от макушки до пяток. У меня был стресс. Первый человеческий. От нечеловеческой красоты и древней силы, от счастливой возможности дышать небесным ультрамаринном и купаться в золотом ультрафиолете. Ведь в их бездонной кривизне с пронзительной, обезоруживающей честностью может отразиться что угодно, от первого животворящего Прикосновения до сегодняшней субботы, вмиг может нарисоваться многомиллионная история жизни на земле, причём под неожиданным углом зрения, для тех, кто не боится увидеть.

Было всё это на самом деле или нет, кто знает? И если написанное кажется вам странным и весьма подозрительным, не читайте дальше и не смотрите в небо! За множество прошедших лет детское волнение улеглось, поэтому я почти спокойно делюсь с вами подсмотренным через лупу озона.

Когда-то у ангелов были крылья. Серебряные, искрящиеся, сказочно красивые, но тяжелые. Они гремели, как доспехи, разрезая землю, которой касались, сминая буйную, первозданную траву, были неудобноносимы, и, вообще, непонятно, где да как небожители их раздобыли. И подарили ангелы их людям. Им велел так сделать Бог, чтобы под бременем этим, сообразно сердцу своему, люди тосковали по полётам. И началась на земле жизнь...

Многих те крылья задавили. Насмерть. Став ржавым палантинном над безжизненным телом. Поросшие мхом и вьюнами, они напоминали панцири фантастических существ, которые когда-то обитали на этой земле. Другие ухаживали за ними, натирая до зеркального блеска, и любовались отражением мира, приняв его за своё творение. У них почему-то были необъяснимо грустные глаза. Некоторые крылья имели запах: смесь мирры, крови и цветов, не произраставших на земле, – редкостные крылья! Были

крылья-ящеры, покрытые жесткой, колючей чешуёй. Крылья-стекла резали ноги и ослепляли окружающих отражённым светом. Ватные крылья были слишком мягки и не имели определённой формы. В крыльях-лохмотьях, бессмысленно суетясь, путались их хозяева, дорывая о камни и ветки кустарника. Крылья-гиганты не позволяли иметь крышу над головой. Огненные крылья вынуждали поддерживать огонь и сбивать непокорное пламя. Ими восхищались и согревали замерзшие руки, правда, хозяин таких был всегда обожжён. Особо самонадеянным достались подрезанные крылья. При взмахе они делали нелепый эллипс и, теряя синхронность, глупо хлопали по земле, доставляя их обладателю бесконечное разочарование. Крылья-слёзы, крылья-грёзы, кружевные и плетёные, виртуальные и кованые, с гвоздями и дырами от них, сиротские и парадные, грохочущие, хохочущие, из гофрированной бумаги, боли, желаний, цветов, которые никогда не пахнут...

Люди с ними возились, носились, чинили, лечили, обожали и проклинали. Но снять их до поры не имели человеческого права. Потому что крылья были сотканы из страсти – сплетены ею, выкованы, нарисованы, слеплены и даже придуманы. Действительно, к чему они небожителям? За их спиной незримые фантомы. Бесплотное свидетельство молчаливо-ослепительной абсолютной Любви. Они им достались безвозмездно, цену им рать небесная не знала!

А тем временем в горниле земли кипела и клокотала жизнь. Люди ломали спины, наживали горбы и мозоли. Тугие лямки сжимали грудь, не давая сделать полноценный вдох, вызывая острую боль в сердце. Они пытались летать, но снова калечились. Потому что крылья были не для полёта. Они были для мечты! В редкие минуты вечернего солнечного штиля, люди упоительно мечтали, мечтали...

Все это было задумано Создателем от непреодолимой любви к человеку. Чтобы когда пришло время отстегнуть вросшие в плоть пряжки, его оторвало бы от любимой проклятой земли с невероятной, древней силой небесного притяжения.

И он полетел!..

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Неисповедимы пути человеческие. Как ни планируй месяц, неделю, день, всё равно промахнёшься. Вот задумал ты, например, спокойный вторничный вечер, а он спокойным быть отказался, полежал для приличия на диванчике, а ближе к полночи взбесился. А если в окно на вас таращится луна, так вообще всё

осложнится до предела. Особенно чутко на изменение настроения угасающих суток реагирует всяческая техника. Лифт, например. Самый обыкновенный, произведённый в городе Шахты и установленный, как и сотни его братьев-близнецов, в подъездах нальчикских многоэтажек.

Приспичило однажды одному товарищу средних лет ближе к полуночи вынести мусор. Вот же неугомонный! Нет, чтобы уже под одеялом оказаться, так поди ж ты! Человек он был совершенно не суеверный и не побоялся народной приметы, предупреждающей о том, что выносить что-либо из дома на ночь – к убытку. Мусор благополучно отправился в мусорный бак, а вместе с ним, незаметно, и что-то ещё, видимо, часть благополучия. Управившись, мужчина отпустил проблемы прошедшего дня и шагнул в лифт, скомандовав: «На четвёртый!» Разбуженное чудовище рыкнуло и, сотрясаясь всей своей железной массой, тронулось с места.

Тем временем его супруга, без единой тревожной мысли в голове, а может, и вовсе без единой в ней мысли, принимала душеспасительную ванну, совершенно не собираясь прерывать водно-ароматической медитации. Растворившись в пене с паром и почти физически ощущая мягкость ожидающей её подушки, о пропаже мужа и не догадывалась. В общем, отдыхала женщина.

Обычно чтобы доехать до четвёртого этажа, жильцам многоэтажки требовалось меньше чем полминуты. Понимая, что прошло уже гораздо больше времени, мужчина оправдал возникшие ощущения ночной приторможенностью организма и рассеянностью сознания. Но прошло ещё несколько секунд, и пассажир проснулся окончательно. Лифт нагло и уверенно продолжал движение! Вспомнив по случаю нелепый ужастик, он выпрямился в струну и мобилизовался, в голове звучало: «505-й! Груз прибыл на пункт назначения! Добро пожаловать на Салкатран!». Но тут железный див, растратив прежнюю ярость, стал засыпать, остановился и вовсе закрыл глаза, в связи с чем в кабине «шаттла» погас свет – замуровали, демоны! Самое интересное, что к полному отсутствию суеверия у мужчины обнаружилось стоическое смирение. Мобильника с собой не оказалось, он стукнул пару раз в дверь и затих. По стечению обстоятельств брела по лестничному пролёту некая Тихоновна, услышала стук и сердобольно спросила имя затворника. Вот же неуёмная! Нет, чтобы в это время уже под одеялом оказаться!

Достучавшись до жены пострадавшего, бабуся унесла ноги, подгоняемая фольклорной лексикой последней. Разбудили лифтершу, живущую в соседней многоэтажке, и уже под её фольклорную лексику две неуёмные женщины стали разыскивать пропажу. Пропажа нашлась. Она тихо сидела в темноте железного брюха и

думала о вечном. Дума была тяжёлая, боярская. Особенно когда было чем её думать, когда ума палата белокаменная! «А что, – рассуждал пассажир, приготовившись встретить здесь утро нового дня, – своя крышка над головой есть...» Однако темнота и нехватка кислорода нервировали.

Спасла же мужика простая, почти русская баба, забравшись благодаря лифтёрше на десятый (технический этаж), где вместе с сотрудницей ЖЭКа вручную раскручивала несусветный железный агрегат, наматывая на огромную бобину металлический трос, на котором, как на паутине спал железный лифтовый зверь. Вручную, господи! – в крошечной темноте получердачного помещения, пытаюсь при этом направлять свет от мобильного телефона, зажатого в зубах, на монитор барометра высоты! Во как!

Лифт, уснувший между восьмым и девятым этажами, медленно пополз вниз со скоростью, пропорциональной движениям хрупких женских рук, бережно опускающих супруга с Салкатрана на грешную землю, достигнув которой, спасённый выскочил и – был таков.

Женщины, обменявшись объятьями и фольклорным послесловием, с женским опять же пониманием произошедшего, разошлись по домам. «Где ты взяла его?» – единственное, что сочувственно сказала лифтёрша. – И чо спасала-то, сидел бы до утра, какого чёрта пренебрегать приметам?!»

«Так сказала же однажды – и в горе, и в радости!», – буркнула жена в своё оправдание и побежала домой, спасённого успокаивать.

КРЫЛЬЯ, НОГИ, ГЛАВНОЕ – ХВОСТ!

Живут себе люди на свете – ноги, руки, голова. Всё более или менее работает, разгибается, двигается. А вот попробуй лиши человека, скажем уха, и что? И всё! И тут, друзья, начнётся самая настоящая чертовщина.

Случилось однажды одной барышне ни с того ни с сего оглохнуть на самое правое ухо. И не то чтобы возраст у неё для этого подходящий, а вот просто продуло в городском транспорте женщину. Попрыгав на правой ноге с ритуальными похлопываниями по вышедшему из строя органу, от души простерилизовав его всякого рода растворами и не получив должного результата, она понадеялась на авось и улеглась спать – утро вечера мудренее. И уж настолько мудренее оно стало, когда солнце взошло, что дальше некуда. Потому что, оказывается, ухо – это вам не просто фигурный розовый хрящ, более или менее удачно вписанный в пропорции головы, всячески продырявленный разного сорта ювелирными изысками. В него ещё можно ни с того ни с сего

получить, иногда вполне заслуженно. А ещё в нём, в ухе, скрыто много полезного для всего человеческого организма, цену чему узнаёшь, когда существо глохнет, а, следовательно, и связь с миром становится бледнее.

Вверенную вам пару ушей можно «прожужжать», «развесить», ими можно «прохлопать», «прянуть», они могут однажды «завянуть». А если на ухо «медведь наступит», то совсем плохи дела, братцы! Ван Гог, между прочим, вообще отрезал его и подарил. Красноречивей и придумать трудно! Ну не находил должной силы в словах художник! А вот вышеупомянутая женщина, к слову сказать, написавшая эту историю, ему страшно сочувствует, так как лучше других понимает, каково потом пришлось человеку – она-то нашла медицинское средство воздействия на болезненный орган, а он уже никогда не найдёт, по известным и независящим от него причинам.

Итак, координация движений в то самое утро у дамы случилась фантастическая, с креном всё на тот же правый бок, а также обнаружилось вынужденное погружение в себя. Правильно, контакт с земным миром подрезан, пришлось искать этот самый мир в себе, на ощупь, хаотично хватаясь за безвоздушное пространство. В себе его оказалось предостаточно, диву даешься, сколько там белых пятен непознанного. В голове тонкий писк и прерывистый стук: «Приём, приём! Балаклава, вы меня слышите или вы меня не слышите?» А вот кто-то вписался в стену вместо дверного проёма, не сомневайтесь, у него отит. В маршрутке уже на третьей минуте становится неясным, кто ты, куда едешь и зачем? Совершенно непонятно, о чём тебе окружающие говорят и тебе ли? Не помнишь, какое сегодня число, год, век, путаешь девичью фамилию с мужниной, хронически поворачиваешь направо и ещё правее, вследствие чего приключается цирковой бег по кругу, а тебе бы прямо. И так далее и тому подобное. Зато «слышишь» бурю чужих мыслей и штиль сознания со всеми вывертами стратегий и тактик, направленных против тебя на семь ходов вперед. В общем, не обмануть тебя и всё тут – двойная сила мутанта! Так что, в общем, из любого состояния можно извлечь пользу. Только дорогого она порой стоит, уже и рад бы в ухо получить, лишь бы оно заработало! Хотя...

Подумаешь, нет правого уха, зато есть левое, а вместе с ним возможность ходить по стенам и видеть, что происходит за поворотом. Идёт, например, по коридору коллега, предположим, Наташа Петрова – бывшая студентка, почти комсомолка и уж точно красавица, и думает, что она Петрова, но я-то знаю, что это не так! Во всяком случае, она Петрова и ещё кто-то! Меня не проведёшь! Потому что с отсутствием уха у человека появляется УХО! А это вам уже не крылья и даже не ноги, это почти что хвост, друзья!

Павел СИДОРУК,
*председатель совета Кабардино-Балкарского
общественного движения «За единение – «Сябры»*

ФРАНЦИСК СКОРИНА – ВЕЛИЧИЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА

В истории белорусской славянской культуры трудно найти более выдающегося деятеля, чем Франциск Скорина. Он сам так характеризовал свое служение: «Людям, посполитым русского языка». А в его время в данное понятие входило три народа: русский, украинский и белорусский.

Если Кирилл и Мефодий создали азбуку для славян и перевели на их язык христианские книги, то Франциск Скорина, при поддержке белорусских меценатов, основал в Праге типографию и напечатал свою «Библию русскую» с его Предисловиями в 1517–1519 гг., за пятьдесят лет до Ивана Федорова, которого на Руси почитают как первопечатника. Кстати, Федоров тоже родом из Беларуси, как и Петр Мстиславец, его помощник. Скорина напечатал Библию кириллическим шрифтом на белорусском варианте церковнославянского языка, понятного простому люду. Именно он пять веков назад придал решающий импульс развитию письменного белорусского языка и в конечном итоге

положил свой камень в основание белорусской государственности.

Белорусский первопечатник писал: «Я, Франтишек, Скоринин сын из Полоцка, понимая то, что без страха Божьего, без мудрости и без доброго поведения невозможно благочестиво житии людям вместе на земле, постановил печатать Притчи на русском языке, прежде всего на славу и честь Утешителя Бога и к распространению добрых обычаев среди людей».

В Предисловиях, составленных Скориной для каждой из книг Ветхого Завета, читателю даны сведения по истории, географии, культуре различных народов, особенно народов Ближнего Востока. Много других пояснений. Все изданные книги он украсил великолепными гравюрами.

Печатанье Библии требовало смелости, реформаторских наклонностей и разнообразных талантов. Правящая элита Великого Княжества Литовского, куда входила территория Белоруссии, была католической и признавала только латинские тексты книг и Священного Писания. Рукописные тексты Московского княжества были на церковнославянском языке. То есть для белорусов, не учившихся в университетах, даже чтение Священного Писания было недоступно. Перевод не признала ни католическая, ни православная, ни протестантская церковь, и всё-таки книги разошлись по всему княжеству и нашли многих подражателей.

Это была вторая после чешской печатная Библия в славянском мире, единственные напечатанные переводы Священного Писания, выполненные на территории восточных и южных славян. Сюда вошел «Псалтырь» и еще 22 переведенные Скориной книги Библии, и всё это за два года! Еще две книги, «Малую подорожную книжицу» и «Апостол», Скорина издает в Вильно, куда возвращается в начале 20-х годов 16-го века. Там он основывает первую в Белоруссии типографию, а белорусские шрифты Ф. Скорины использовались в типографском деле ещё более ста лет. Вот каким было их качество!

Поясню, что до этого времени Библия существовала на древнееврейском языке. Скорина изучил этот язык, необходимый для перевода, при помощи пражских раввинов, как и чешский. Он утверждал, что его книги напечатаны «русскими словами (литерами), а словенским языком».

Что здесь важно? Библию Скорина рассматривает как итог многовекового духовного опыта человека, источник мудрости, науки, теоретической и практической философии. В творчестве Ф. Скорины наряду с теологической, представлена реалисти-

ческая, просветительская тенденция. Через распространение Библии, а это уже сотни экземпляров, восточнославянский мир учился читать, писать, размышлять. Вдумайтесь, это 16-й век, а ведь ещё в годы Великой Отечественной войны не все защитники Родины могли сами написать домой письмо с фронта.

Взгляды Скорины свидетельствуют о нем как о просветителе, патриоте, гуманисте. Скорина – основоположник понимания патриотизма как любви и уважения к своему отечеству. Те общечеловеческие ценности и идеалы, которые проповедовал великий гуманист, сохраняют свою актуальность для человечества и по сей день. Именно Ф. Скорина сделал прорыв в новое по своему характеру общественно-политическое сознание среди белорусов и, возвысившись над средневековым «кастовым мышлением», положил начало демократизации восточнославянских национальных культур.

Но когда в 1525 году Скорина, или кто-то другой по его поручению, посетил Москву с целью распространения пражского издания Библии, то православные иерархи заподозрили в ней протестантское влияние и приказали все привезенные экземпляры сжечь на костре.

Как трудно быть пророком в своем отечестве и тем более – в своё время! Тем не менее, более 350 из 520 сохранившихся экземпляров из 25 изданных Скориной книг находятся в библиотеках и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Казани. Уже эти факты говорят, что труды первопечатника были хорошо известны на Руси.

Ф. Скорина родился в белорусском городе Полоцке. Сегодня город определен центром Европы, что подтверждает специальный знак географических координат. Учился в поныне действующем Краковском университете (основан в 1364 году), о чём есть запись. Был удостоен степени бакалавра, а также степени магистра искусств, что давало право поступать на самые престижные факультеты университетов Европы. Чем он и воспользовался и – важный факт – через некоторое время, уже как доктор искусств, прибыл в Падуанский университет (основан в 1222 году) с просьбой «разрешить ему в качестве дара и особой милости подвергнуться испытаниям в области медицины при этой святой Коллегии». В Падуе он блестяще сдал экзамены и получил степень «доктора лекарственных наук». Сейчас здесь мраморная доска с именем белоруса Скорины соседствует с досками Галилея и Николая Кузанского. По слухам, Скорина дружил с Коперником, и точно установлено, что они учились в одно время.

Эпизод характеризует также нравы, широту взглядов и отсутствие этнических или вероисповедных предрассудков итальянских ученых того времени – времени Высокого Возрождения.

Заметьте, Московский университет был открыт в 1755 году, на 533 года позже Падуанского, а, например, КБГУ – позже на 710 лет. Что тут скажешь? Как учимся, так и живем.

В судьбе белорусского гуманиста, ученого-медика, писателя, переводчика, художника, просветителя есть много «белых пятен», но это тема – для научной дисциплины «Скориноведение», которая начала формироваться в последней четверти XVIII века и поддерживается по сей день учеными многих стран. По решению ЮНЕСКО в 1970 году Франциск Скорина вместе с А. В. Ломоносовым, А. С. Пушкиным, Т. Шевченко, Я. Купалой и другими внесен в список выдающихся деятелей славянской культуры, а 1990 год был объявлен Годом Франциска Скорины и широко отмечался на международном уровне.

А в нынешнем 2017 году Беларусь масштабно, на государственном и общественном уровне отмечает 500-летие белорусского книгопечатания, основу которому положил Франциск Скорина, и моя публикация посвящена этой дате. Как и перевод Х. М. Тхазеплова на кабардинский и А. Т. Додуева на балкарский язык одного из Предисловий Ф. Скорины. Сборник переводов Предисловия вышел на 50-ти языках мира!

В Беларуси основные мероприятия прошли 1 сентября, в День белорусской письменности, в уже упоминаемом городе Полоцке. День этот отмечается ежегодно, как правило, в одном из городов, где родились известные люди Беларуси, писатели, поэты, словесники и т. д.

Именем Скорины названы проспект в Минске, улицы в Полоцке, Витебске и во многих других городах. Имя Скорины носят Гомельский государственный университет, Национальная библиотека Беларуси, ему установлены памятники в Минске, Праге, Вильнюсе, Калининграде, Полоцке. В Беларуси учреждены государственные награды – медаль Скорины (1989) и орден Скорины (1995) год. Именем Скорины названа планета № 3283, которую открыл советский астроном Николай Черных.

Мадина БУРАНОВА,
*кандидат педагогических наук, ведущий специалист
сферы научно-технической информации НБ КБГУ*

КНИГА И ЧТЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В зале заседаний Ученого совета Кабардино-Балкарского госуниверситета им. Х. М. Бербекова в рамках фестиваля русского языка и культуры «Мы – россияне!» прошел круглый стол «Книга и чтение в современном социокультурном пространстве». Организаторы мероприятия – научная библиотека КБГУ, кафедра русского языка и общего языкознания.

Круглый стол объединил представителей общественности, духовенства, ученых КБГУ, учителей, писателей, библиотекарей, учащихся и студенческую молодежь. Главная цель мероприятия – расширить круг людей, читающих книги, сделать чтение культурной привычкой и духовным занятием.

Кто виноват?

Проблема чтения, вернее, проблема потери интереса молодежи к этому важному для человека способу получения знаний, – одна из самых актуальных в наше время. Подавляющее большинство трудностей, наблюдающихся у детей во время обучения в школе, связано с тем, что они не могут самостоятельно получать информацию из книг и учебников. Современные дети не просто не любят, но, фактически, и не имеют навыка продуктивного чтения. Но можно ли винить их в этом? Может быть, причина лежит в неумении взрослых приобщить детей к миру книг? Или это следствие резкого прогресса информационных технологий?

Конкуренция

О проблемах школьных библиотек говорила депутат парламента КБР, директор гимназии № 4 г. о. Нальчик, Римма Нагоева: «Молодежь получает основную информацию через общение со сверстниками, просмотр телепередач, компьютер и интернет. Книги же, как источник информации, постепенно уходят на второй план. Оскудение книжных фондов школьных библиотек привело к тому, что многим детям не привита культура чтения.

Молодежь читает, но ее выбор ограничивается зачастую пустой литературой, которая ничего не дает ни уму, ни сердцу, носит характер поверхностный и случайный.

Существует и другая сторона проблемы для школьных библиотек – введение нового федерального стандарта, содержащего в себе обилие информационных ресурсов. Теперь школьным библиотекам приходится конкурировать с другими образовательными ресурсами».

Национальная программа по проблеме чтения

Современное состояние общества, процессы, происходящие в нашей жизни, заставляют по-новому взглянуть на проблему воспитания молодежи, формирования ее интеллектуального потенциала. «Действующая в нашей стране Национальная программа поддержки и развития чтения должна донести до родителей и педагогов важную мысль: от того, что сегодня читают или не читают наши дети, наша молодежь, зависит их нравственный облик, характер и то, как сложится их судьба. А вместе с тем и судьба общества».

Думать, размышлять

«Книга – это источник духовного и интеллектуального обогащения, – убеждена заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания КБГУ, д. ф. н., профессор Светлана Башиева. – Ничто не может возместить отсутствие навыка анализа и осмысления собственной деятельности, систематизации полученных знаний и их творческого преломления. Для этого важно много читать, думать, размышлять, а способствует этому работа с книгой. Культура чтения – важнейшая часть общей культуры личности и непременное условие ее активной познавательной деятельности. Чем выше познавательная активность, тем шире кругозор, а значит – выше уровень культуры личности».

На вершине пирамиды

Книга и библиотека – понятия неразделимые, вместе с тем сейчас существует тенденция доминирования сети Интернет над книгой. Какие пути библиотека видит в сохранении и продвижении книги как средоточия ценности печатного слова?

Директор научной библиотеки КБГУ Александр Роголев, обращая внимание на данные социологических опросов, высказал мнение о том, что сегодня в городских библиотеках примерно вдвое меньше посетителей, чем 10–12 лет назад.

60% из тех, кто читает книги, – люди пожилые, старше 55 лет. Покупает же новые книги, в основном, молодежь. И это, во-первых, пособия, справочники, во-вторых, детективы и экранизированные бестселлеры. И только на третьем месте – интерес к классике.

«Сегодня, несмотря на широкое распространение Интернета и его всеобъемлющие учебные ресурсы, библиотека по-прежнему остается важным источником учебной и художественной литературы. К примеру, найти хорошо известную книгу во всемирной сети или на полках магазина проблем не составит, но разыскать редкий, фундаментальный труд будет уже не так легко. В этом случае библиотека становится необходимой для любознательного читателя, и на вершине информационной пирамиды образовательных интернет-услуг, в конечном счете, окажется книга», – добавил А. Л. Роголев.

Где взрослые не читают

Нечитающий взрослый не научит читать детей. Об этом говорила директор педагогического института КБГУ Ольга Михайленко. Приводя итоги анкетирования среди студентов, она сообщила, что процент читающих в семьях (как среди детей, так и среди взрослых) оставляет желать лучшего: «Вырастая в семьях, где взрослые не читают книг, дети растут духовно и интеллектуально неразвитыми, малограмотными».

Чтобы выяснить, насколько сегодняшние молодые люди любят читать, был проведен опрос 208 студентов. По итогам анкетирования О. Михайленко констатирует: «На вопрос «Как часто вы ходите в библиотеку?» респонденты ответили так: часто – 98 человек (47%), редко – 24 (11%), не посещаю – 86 (41%).»

Директор пединститута предложила организовать в КБГУ литературные клубы, регулярно проводить работу по пропаганде классики в форме устных журналов. Сотрудникам библиотеки КБГУ предложено раз в семестр предоставлять информацию в дирекции институтов об анализе читательских формуляров. По ее мнению, проведение таких мероприятий будет повышать уровень знаний молодежи.

Спор про Иудушку

Член Общественной палаты КБР Мария Котлярова рассказала о приятно удивившем её случае. Направляясь в с. Бабугент Черекского района, в маршрутном автобусе она услышала, что подростки (учащиеся кадетской школы) говорят о персонаже произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина – Иудушке Головлеве. Курсанты обсуж-

дали этические и поведенческие черты образа «пакоствника, лгуна и пустослова», особенное внимание акцентируя на его подлости и дурном отношении к матери, сыну, другим родственникам.

– Сам предмет их разговора и глубина проникновения в образ не просто удивили, а, фактически, потрясли меня, – поделилась впечатлением Мария Котлярова. – Чувствовалось, что кадетов произведение классика русской литературы заинтересовало, взволновало. Значит, школьный педагог работает, требует от учеников внимательного прочтения художественных произведений, и результат – воспитание душ – есть.

Именно такие мгновения радуют и опровергают утверждение о всеобщем культурном и интеллектуальном угасании.

Приятный факт

Поделилась своими мыслями д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Зухра Кучукова: «Бытует мнение о том, что студенты негуманитарных факультетов, ориентированные на получение профильного образования, не имеют навыков чтения художественной литературы.

Насколько мне известно, ежегодные исследования, проводимые в библиотеке университета по проблеме чтения, дают основание считать, что в университете есть много студентов, которые в свободное от учебы время читают для души. Это приятный факт, доказывающий, что книга не ушла из жизни людей, и всегда будет путевым ориентиром человека».

Творческая молодежь

Магистрантка кафедры английского языка института истории, филологии и СМИ Фатимат Таймурзаева в своем выступлении говорила: «В современном мире недостаточно быть просто образованным человеком – специалистом в узком направлении. 21-й век предъявляет свои требования. Необходимо быть интересным человеком, личностью. Только чтение по-настоящему хорошей литературы позволяет обогатиться духовно, развить способность к эмпатии, сопереживанию, научить вдумчивости и рефлексии».

Кабардино-Балкарский госуниверситет является открытым культурным полем для развития активной творческой молодежи. Здесь учится большое сообщество студентов, представителей различных регионов РФ и стран зарубежья. Впечатляет интеллект и знание русского языка многих иностранных студентов.

Выступление молодого человека, приехавшего из Судана, украсило мероприятие, посвященное проблемам чтения. Али-Исмаил Амэр, магистрант 1-го курса Института истории, филологии и СМИ – незаурядный читатель, ему очень нравится русская классика.

То, как безупречно он говорил на русском языке, читал стихи Пушкина, заслуживает наилучших похвал.

Блистательно выступили и нальчикские школьники: Валерия Невсит (9-й класс, гимназия № 9) и Валерий Таов (11 класс, школа № 5), представивший интересный проект «Агитатор чтецов».

Самая юная участница круглого стола ученица 6 класса школы № 1 с. Шалушка Чегемского района Ирина Юанова – победитель в номинации «Русский язык» общероссийского конкурса «Альбус», проведенного ООО «Институт развития школьного образования» (г. Калининград).

Есть талантливые

Убедительным примером служения культуре является подвижническая деятельность председателя исполкома Общества книголюбов КБР Натальи Шинкаревой. Вместе со своими единомышленниками она делает все для популяризации книги и чтения среди населения нашей республики.

– У нас есть талантливые читатели, которые не представляют жизни без книг, читают ради удовольствия, могут и хотят поделиться с другими новыми знаниями, порекомендовать интересное произведение. К большой радости, их оказалось немало, – сообщила Наталья Петровна.

Вторая энергия

Образ человека читающего, а значит размышляющего, всегда вызывает уважение. Самуил Маршак говорил: «Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих чутких, обладающих творческим воображением читателей и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного слова».

Эти мысли подводят к пониманию важности обратной связи между читателем и автором. Об этом рассказал участникам встречи член Союза писателей РФ, поэт, прозаик, Джамбулат Кошубаев: «За каждой книгой стоит автор. Его творчество – это всегда послание к читателю. Но для потока творчества нужна вторая энергия – вниматель, сопереживатель, круг читателей, общество. Ведь, как утверждал Виктор Гюго: «Творец книги – автор, а творец ее судьбы – это общество».

Так, поэзия не может выполнить свое предназначение, становится похожей на бескрылую птицу, если у нее нет аудитории».

Способствовать счастью

Цель искусства, цель книги – служить человеку, способствовать его счастью, помогать совершенствованию человека и человеческих отношений, содействовать сплочению, а не разобщению людей.

Это известная истина, но ее приходится повторять вновь и вновь, так как сегодня мы с прискорбием наблюдаем засилье печатной продукции, не имеющей никакого отношения к литературе, проповедующей жестокость и насилие, псевдорелигиозные предрассудки.

О важности понимания роли книги и чтения в духовно-нравственном исцелении современного общества, человека говорили на встрече представители духовенства: заместитель председателя Духовного управления мусульман КБР Алим Сижажев и руководитель филиала отдела образования и катехизации Пятигорской и Черкесской епархии по КБР, иерей Константин (Осипов).

Священнослужители пожелали молодым людям, чтобы они научились мыслить, творить, приносить пользу, совершенствовать свои знания, совершать хорошие поступки. Ибо все это дарует нам книга.

Будем рады новой встрече

Проблема чтения для библиотеки КБГУ не нова. Здесь тоже ощущается утрата высокого социального статуса книги, переориентация общества на иные ценности и на другие средства массовой информации.

Работники библиотеки, естественно, забили тревогу. Прежде всего, обсудили ситуацию с чтением и возможные варианты ее развития на научно-практических конференциях. И все последние годы библиотека возвращалась к этой теме с точки зрения различных направлений своей деятельности.

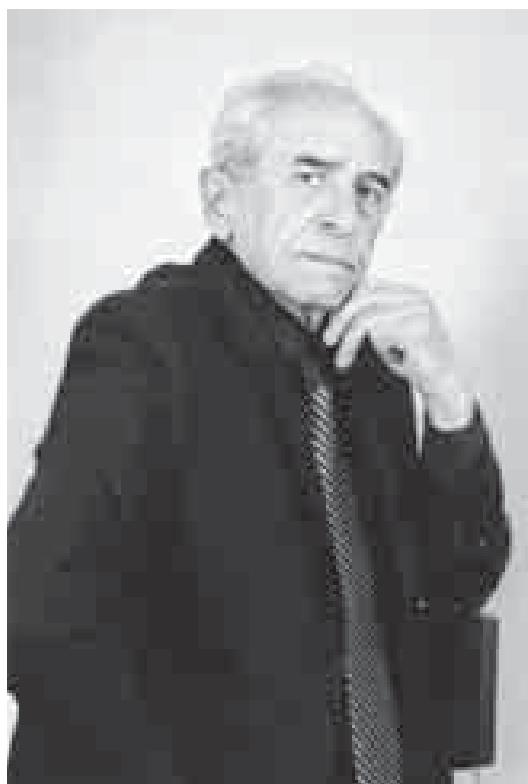
Библиотека университета всегда стремилась ориентировать студенческую молодёжь на высокие образцы национальной и мировой культуры и быть для своих читателей местом живого творческого общения. Организация выставок, встреч, семинаров, конкурсов оказывает эмоциональное воздействие на формирование ценностных ориентаций молодежи. Такие мероприятия способствуют повышению престижа книги и чтения, грамотному ориентированию в литературном потоке.

Встречи с интересными писателями и поэтами, учеными и видными деятелями культуры помогают библиотеке вуза эффективно выполнять свою просветительскую миссию. Это не только позволяет знакомить читателей с многообразием современных тенденций и обеспечить их прямое общение с известными людьми, но и дает возможность оценить современную культуру с точки зрения её эстетической и исторической ценности, способствует воспитанию молодежи и задает высокий качественный уровень чтения.

Думается, что такие встречи и соединение усилий библиотеки с общественностью дадут определенный импульс развитию культуры среди студенческой молодежи.

Галина БЕЛОКОПЫТОВА

В ТЕ ДАЛЁКИЕ СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ...

Х. Х. Архестов

Кажется, это было совсем недавно... На сцене Государственного музыкального театра шёл балет «Жизель» А. Адана. Обычный репертуарный спектакль. Польский дворянин Вацлав, принц Зигфрид, принц из «Золушки», граф Альберт, доблестный рыцарь Дон Кихот...

Не случайно такое обилие принцев и титулованных особ в репертуаре заслуженного артиста балета КБР Хасанбия Хасановича Архестова. Аристократическая осанка, статность и стройность, элегантная манера танца как нельзя лучше отвечают представлению о благородном балетном герое.

В мае Хасанбию Архестову исполнилось 70 лет. А всё началось в далёкие 60-е годы прошлого

столетия, которые полностью перевернули всю его дальнейшую жизнь.

Родился Хасанбий в тяжёлые послевоенные годы, 15 мая 1947 года. Отец работал шахтером на Тырныаузском вольфрамомолибденовом комбинате, а мама воспитывала пятерых детей. Учась в школе, Хасанбий увлекался гимнастикой и защищал честь школы в спортивных соревнованиях по бегу.

В 1959 г. в республику на отдых приехал наш земляк, уроженец города Майского Александр Иванович Проценко – балетмейстер, заслуженный деятель искусств Таджикской ССР. Александр Иванович – большой энтузиаст, за плечами которого огромный опыт творческой работы на прославленной сцене Большого театра, где он прослужил девять лет. Уже в те годы он проявил себя как постановщик, а в 1939 году его пригласили в Таджикистан главным балетмейстером оперного театра. За создание национальных классических балетов и подготовку кадров ему в 1945 году присвоили почетное звание «Заслуженный деятель искусств ТССР». Вскоре его переводят в Молдавию. И первые молдавские балеты, как и таджикские, связаны с именем Александра Ивановича

Проценко. Как говорил он сам: «Меня потянуло в родные края. Я – как блудный сын, вернувшийся в родной дом после долгих лет скитаний. Мне захотелось создать своё, что-то близкое, национальное».

Встретившись с министром культуры КБР Фаиной Тембулатовой Арсаевой, Александр Иванович поведал о своих планах по созданию балетной школы. Руководство республики поддержало идею и дало согласие на набор девочек и мальчиков для хореографической студии. В 7-м классе Хасанбия Архестова и нашёл будущий балетмейстер, который ездил по всей республике, кропотливо и придирчиво отбирал одарённых детей. Юноша привлёк его внимание красиво сложенной фигурой, длинными ногами и горделивой осанкой. Так Хасанбий попал в состав первой хореографической студии.

В те годы ещё не в каждом доме был телевизор, поэтому большинство людей, а тем более детей, не имело понятия о балете и балетных классических спектаклях. Из большого количества детей выбрали далеко не всех. Благодаря увлечению гимнастикой, Архестову легче, чем остальным, давались сложные экзерсисы и элементы классического танца.

К 1961 году, когда в студии осталось около 30 человек, они были зачислены студентами хореографического отделения культурно-просветительного училища. Занимался Хасанбий с удовольствием, ведь балет сродни любимой гимнастике. Помимо освоения элементов классического танца, студенты занимались национальными танцами, актерским мастерством, музыкой и общеобразовательными предметами. Физическая нагрузка была большая, но на душе – легкость и умиротворенность, ощущение какого-то большого неземного счастья.

До обеда ребята занимались по программе училища, а с 14 часов Александр Иванович проводил занятия только по классике. Будущие артисты с каждым днем осваивали все более сложные движения, прыжки, верчения, поддержки. Параллельно Александр Иванович пишет либретто к будущему национальному балету «Лялюца», взяв за основу сюжет из жизни кавказских народов.

Из всего состава студентов стали выделяться своим упорством и настойчивостью Роза Хакулова, Хасанбий Архестов, Борис Карданов, Хаужан Амшокова-Мусаева, Римма Молова, которые в последующем и стали ведущими солистами будущих балетов.

Используя богатство национального фольклора, Проценко соединяет его с хореографической классикой. 28 апреля 1964 г. состоялась премьера первого национального балета «Лялюца» на музыку Л. Когана. Все пять вечеров майских праздников шла

Б. Карданов, Р. Хакулова, А. Проценко, Х. Архестов после премьеры балета «Лебединое озеро»

премьера «Лялюцы» при полных аншлагах – это был настоящий праздник в культурной жизни республики. Главные партии исполняли Роза Хакулова, Хасанбий Архестов, Борис Карданов. В партии Азрета Хасанбий показал человека благородной, мужественной души, и поэтому любовь для него становится великим счастьем, а для другого героя, пытавшегося за калым купить любовь Лялюцы, – позором и бесчестьем. Пластический текст партии Азрета подсказывает танцовщику движения возвышенные, динамичные вращения, высокие прыжки. Исполнители были награждены не только теплым приемом зрителей, но и восторженными откликами в прессе.

Окрыленные успехом первого балета, который продемонстрировал большие возможности молодых исполнителей, Александр Иванович приступает к постановке второго, но уже всемирно известного классического балета Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». Упорство, поразительная работоспособность, выдержка принесли свои результаты. В балете «Бахчисарайский фонтан» Архестову была доверена классическая партия польского дворянина Вацлава. Партию Марии, дочери польского магната, исполняла молодая солистка Римма Молова. Это была ее первая большая роль. Мария в исполнении Моловой, трогательная, нежная, с

мягкими от природы движениями, она очень подходила к этому пушкинскому образу.

Вацлаву, как и его исполнителю, была присуща рыцарская почтительность в обращении с партнершей, внутренняя чистота, большая отвага. Хасанбий, успешно справляясь со сложной классической партией, был необычайно внимателен и чуток к Марии, составляя с ней гармоничный дуэт.

Чтобы сохранить основной состав балетных артистов по окончании училища, их в 1965 году зачисляют в штат Госфилармонии.

Очень многое в судьбе балетных актеров определяется знаниями, опытом и вниманием их педагога. Под чутким руководством Александра Ивановича Хасанбий наращивает технику, обретая легкость, свободу и виртуозность в исполнении танцевальных движений. Александр Иванович помог Архестову постичь академическую строгость и одухотворенность в партии принца Зигфрида в балете «Лебединое озеро» П. И. Чайковского. Хасанбий продемонстрировал высокую технику, благородную манеру классического танца. Прекрасная сценическая внешность, большой темперамент помогли танцовщику создать запоминающийся образ. Успех был необычайный, общественность приняла его как великолепного исполнителя, и за ним закрепилось амплу классического танцовщика.

1 октября 1967 году в полном составе артисты балета из филармонии и очередные выпускники училища были зачислены в штат будущего музыкального театра. Открытие Государственного музыкального театра состоялось 27 января 1968 года премьерой национального балета «Аминат» на музыку Л. Когана. В багаже у труппы было уже пять полномасштабных балетных спектаклей. Работа пошла интенсивнее, выпуск спектаклей увеличился. В репертуаре появились такие балеты, как «Штраусиана», «Вальпургиева ночь» Ш. Гуно, «Вечер балета», «Тщетная предосторожность» Гертеля. Вторым сезоном музыкальный театр закрыл девятой премьерой – балетом С. Прокофьева «Золушка».

И вновь, как всегда, в партии принца – Хасанбий Архестов. Здесь он – принц смелый, жизнерадостный. Хасанбий показывает своего озорного героя преображенным любовью – поэтичным, нежным, лиричным. Партия принца – одна из труднейших в мужском репертуаре, построена она в основном на высоких сильных прыжках. Танцевал Хасанбий в каком-то радостном, счастливом состоянии, отдаваясь захватывающей стихии танца.

За исполнение главных партий в 1969 году ему присваивают почетное звание «Заслуженный артист балета КБР».

С большим успехом Архестов исполняет драматические партии в таких балетах, как «Барышня и хулиган» Д. Шостаковича и «Доктор Айболит» И. Морозова. Если Главаря шайки в балете «Барышня и хулиган» Архестов показал как отпетого головореза, сухого, надменного, властного и жестокого, то в противовес ему, Доктор Айболит наделен любовью, лаской, вниманием не только к детям, но и с нежностью и тревогой заботится о жизни и здоровье заболевших животных в Африке.

Накопленный творческий опыт Хасанбий с успехом использовал в партии графа Альберта в балете А. Адана «Жизель». Эта партия потребовала от исполнителя тонкого чувства стиля и глубокого психологического проникновения. Архестов не подчеркивает в образе Альберта внешние приметы аристократа. Он одинаково естественен и в мире бесхитростных радостей Жизели-крестьянки и в мире романтического бытия Жизели-виллисы. Он окрашивает свой танец сначала безмятежностью и игривостью, а затем скорбью и драматизмом.

В образе Дон Кихота из одноименного балета Л. Минкуса Архестов продемонстрировал веру в добро, детскую доверчивость, его бескорыстное и высокое служение идеалу, которое не может быть оспорено никаким здравым смыслом.

Был период, когда приходилось заниматься без педагога, самостоятельно, даже без пианиста. Нужно иметь силу воли, чтобы заставить себя заниматься полноценно, не позволяя поблажек, ведь темп урока порой утрачивается, когда ты один в классе. Так проверяется многое.

Пройдет много лет и Хасанбий вернется к партии Альберта в «Жизели», в спектакле, уже восстановленном балетмейстером Арсеном Абидовым. И в этом не будет ничего удивительного, ведь «почерк» его остался тем же.

Современный психологизм, задушевность, лиричность придают особое обаяние образам, созданным этим талантливым танцовщиком. Далек тот день, когда Архестов впервые встал к балетному станку, сделал первые сложные упражнения экзерсиса, но он стал настоящим художником, увлеченным, одаренным артистом.

Свое имя Хасанбий Хасанович уже вписал в историю культуры родной республики.

Пусть жизнь продолжается в Ваших внуках, уважаемый Хасанбий Хасанович, пусть годы уймут свой бег, а судьба не устает дарить Вам счастье и радость!

ДЕТИ ВОЙНЫ

Герандоков Михаил Хамзетович. Родился 20 апреля 1940 года в сел. Плановское Терского района КБАССР.

Работал с 1964 по 1965 гг. завучем и учителем русского языка и литературы средней школы сел. Новое Хамидие Терского района КБАССР; затем 1-м секретарем Терского РК ВЛКСМ; директором Республиканского научно-методического кабинета культпросветработы Министерства культуры КБАССР; ответственным работником Совета Министров КБАССР; начальником Кабардино-Балкарского агентства «Союзпечать»; генеральным директором АО «Роспечать»; генеральным директором ЗАО «НП Роспечать КБ».

Михаил Хамзетович – кандидат исторических наук, доцент, академик Адыгской Международной Академии наук, действительный академик Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа, «Почетный профессор СГУ».

Награды (звания): медаль «За доблестный труд», звание «Заслуженный работник культуры КБАССР», Почетная грамота Президиума Верховного Совета КБАССР, «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», лауреат поощрительных премий за серию очерков и статей, опубликованных в союзных и местных СМИ, «Ветеран труда» и медаль «Ветеран труда», «Топ-менеджер Российской Федерации 2006», почетный знак Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом», медаль «В память 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова», грамота «Золотая Грамота Мецената», медаль «Сборная олимпийская команда» (за высокий трудовой накал распространителей средств массовой информации в период проведения международных олимпийских игр в Москве).

Герандоков М. Х. принимал активное участие в Международном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки (1963 г.). Автор 12 монографий, более 100 научных и публицистических статей. Является членом Союза журналистов РФ с 1985 года. Избирался членом редакционных коллегий Всесоюзного журнала «Распространение печати» и «Живая старина» (Кабардино-Балкария) в 1985–1993 годах, избирался депутатом Терского районного Совета народных депутатов КБАССР В 1965 г. присвоено звание «Почетный гражданин» сельского поселения Плановское Терского муниципального района КБР.

Награжден многими почетными грамотами, медалями, почетными знаками, дипломами и другими отличительными поощрениями министерств, ведомств, учреждений и организаций СССР, РФ и КБР. Награжден международным золотым орденом «За честь и достоинство» Мирового Артийского комитета и Мировой Ассамблеи общественного признания, орденом «Почетный профессор СГУ», орденом «Партийная Доблесть». Занесен в Адыгскую (Черкесскую) энциклопедию и Энциклопедию Кабардино-Балкарской журналистики.

Ципинов Амирхан Талович. Родился 17 мая 1942 года в сел. Малка Зольского района КБР (КБАССР).

Окончил сельскохозяйственный факультет КБГУ с дипломом ученого агронома. Его трудовая деятельность связана с родным хозяйством – колхозом «Ошхамахо» (сел. Шордаково). Он занимал разные должности и всегда проявлял стремление к успеху. Был председателем колхоза (1985–1997 гг.), чьи достижения были известны в восьмидесятых – начале де-

вяностых годов всей Кабардино-Балкарии.

В 1970 году по комсомольской путевке Амирхан Ципинов посетил Египет и Ливан, который в то время называли Швейцарией на Ближнем Востоке.

Амирхан Ципинов всегда был лидером во всех делах. Он умело применял на практике новые формы организации труда, совершенствовал организационные методы, повышал исполнительскую дисциплину, создав в итоге высокопрофессиональный, сплоченный коллектив, которому по силам были самые сложные задачи.

За активное участие в хозяйственном и культурном строительстве и плодотворную работу по коммунистическому воспитанию молодежи в связи с 50-летием ВЛКСМ 28 октября 1968 года его наградили Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР, в 1970 году – медалью «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Оценивая прошлое и настоящее, делясь своими воспоминаниями, он выпустил уже три книги. В одной, названной – «На своей земле», он рассказывает о «малой родине», родных и близких, непростом жизненном пути, пройденном за прошедшие десятилетия. О непростых жизненных ситуациях, проблемах, стоящих перед сельчанами, и творческих путях их решения, о тех, кто помогал председателю в его нелегком деле, способствовал расцвету родного хозяйства, автор книги рассказывает последовательно, непритязательно, упоминая множество деталей, сотен фамилий рядовых тружеников. И от этого его повествование обретает силу документа. По большому счету, перед нами – яркое, образное, убедительное свидетельство возможностей коллективного хозяйства, ныне, к сожалению, подвергнутое забвению.

СЕМЬ КИНОНОВЕЛЛ ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ

В Нальчике, в издательстве «Тетраграф», вышла книга писателя и журналиста Игоря Терехова «Киноновеллы», в которую вошли семь литературных киносценариев, написанных в разные годы.

Как сказано в аннотации к книге, автор, закончивший в свое время сценарный факультет ВГИКа, в острой, подчас жесткой форме ищет ответы на болезненные вопросы современности и недавнего прошлого нашей страны.

И. Терехов – один из российских сценаристов, которые пристально вглядываются в свое время и в происходящие в обществе социальные перемены, стараясь представить зрителю (читателю) увлекательную картину современности, при этом не впадая ни в очернительство, ни в приукрашивание действительности.

С каждой из представленных киноновелл связана драматическая история в жизни автора. Скажем, «Праздник мертвой листвы» был дипломным сценарием Терехова во ВГИКе. На его защиту пришло очень много известных в мире кино людей. Например, возглавлявший журнал «Советский экран» кинокритик Виктор Демин, который мало кого хвалил, заявил, что пришел специально, чтобы познакомиться с автором. Защита диплома прошла блестяще. Сценарий был принят к постановке одной независимой киностудией, он также в виде киноповести должен был открывать серию «русского нуара» в издательстве «Замоскворечье».

Все это происходило в конце июня 1991 года. А в середине августа, как известно, в Москве случился путч и начался развал СССР, после чего всем в стране надолго стало ни до кино и ни до книг. И. Терехов ушел в журналистику и более 20-ти лет проработал собкором информационного агентства «Интерфакс» по Северному Кавказу.

И. Н. Терехов

К сожалению, только несколько киноновелл из представленного сборника были поставлены в кино, и то на учебной студии ВГИКа. Но в данном случае уместно будет вспомнить слова Николая Гумилёва, сказанные им в рецензии на книгу «Театр Александра Блока»: «Не важно, что только две (пьесы. – Ж. Б.) из них, и то как-то случайно, увидели сцену... Театр Блока охватывает десять лет сумеречно-рассветных, от малой революции до Великой Войны. Это тот новый репертуар, который ... шел прямо из сердца русского общества к сердцу каждого отдельного его представителя. И победы и поражения у поэта и его аудитории одни и те же».

От редакции

Сокращенный вариант одной из киноновелл, входящих в сборник, – «Полковник и инсургенты», был опубликован в нашем журнале (№ 4 за 2015 г.).

В номере:

<i>Владимир Кудяев.</i> След на земле. <i>Очерк</i>	2
<i>Салих и Фуад Эфендиевы.</i> Кайсын Кулиев и современность. <i>Статья</i> . . .	19
<i>Хамид Кажаров.</i> Штрихи к портрету Кайсына Кулиева. <i>Статья</i>	24
<i>Жаухар Аппаева.</i> Детям с любовью. <i>Статья</i>	29
<i>Залимгери Мирзоев.</i> <i>Стихи</i>	32
<i>Кайсын Кулиев.</i> <i>Стихи</i>	33
<i>Валентин Сорокин.</i> Слово о друге. <i>Предисловие</i>	40
<i>Вячеслав Богданов.</i> <i>Стихи</i>	42
<i>Тамара Биттирова.</i> Обогащая реалистические традиции. <i>Очерк</i>	50
Из личного архива Хасана Шаваева	58
<i>Николай Шиков.</i> Слово о Темботе Керашеве. <i>Очерк</i>	68
<i>Инна Кажарова.</i> Адальби Браев. <i>Статья</i>	75
<i>Афлик Оразаев.</i> <i>Стихи</i>	85
<i>Тенгиз Маржохов.</i> Взросляк. <i>Рассказ</i>	96
<i>Артур Кураш.</i> Современная поэзия Апеннин. <i>Статья</i>	100
<i>Маддалена Бергамин.</i> <i>Стихи. Перевод Артура Кураш</i>	102
<i>Кристина Караханова.</i> Хвала тебе, гора Эльбрус! <i>Стихи</i>	106
<i>Ирина Богачева.</i> Судьба полковника. Корнями прирос к земле. <i>Очерки</i>	110
<i>Хамзат Батырбеков.</i> <i>Стихи. Перевод Г. Яропольского</i>	120
<i>Марина Биденко.</i> И у ангелов есть крылья... <i>Рассказы</i>	127
<i>Павел Сидорук.</i> Франциск Скорина – величие славянского мира! <i>Статья</i>	132
<i>Мадина Буранова.</i> Книга и чтение в современном социокультурном пространстве. <i>Статья</i>	136
<i>Галина Белокопытова.</i> В те далекие счастливые годы... <i>Очерк</i>	142
Дети войны. <i>Очерки</i>	147
Книжные новинки. <i>Жанна Бурбаки.</i> Семь киноновелл под одной обложкой. <i>Статья</i>	149

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В сборе материалов и их обработке принимали участие
В. Мамишев и Ж. Кандорова.
Часть фотографий предоставила Е. Бит-Сава*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 04.09.17. Подписано к печати 29.09.17.
Выход в свет 20.10.17. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 9,5.
Тираж 2000 экз. Заказ № 523. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

20 сентября 2017 года, г. Нальчик

Nalchiknews

8 сентября 2017 года, г. Нальчик

